Эолова арфа: вещь и поэтический миф

А. Е. МАХОВ,
кандидат филологических наук

Название давно забытого музыкального инструмента, вынесенное в заглавие этой статьи, будит у русского читателя всего лишь одну, но безошибочную ассоциацию: баллада Жуковского, история о певце, его возлюбленной и арфе, оставленной «под наклоном ветвей» — вестнице смерти, и к тому же... Впрочем, не будем забегать вперед. Для начала лучше отметим одну странность баллады: словосочетание *эолова арфа* фигурирует только в ее заглавии, в самом тексте арфа певца Арминия ни разу не названа «эоловой». Зачем же понадобилось Жуковскому это название, если в балладе речь идет об обыкновенной арфе, не имеющей к эоловой никакого отношения? Если арфа Арминия и после его смерти — в отличие от настоящей эоловой арфы — играет сама по себе, без всякого посредничества Эола — ветра (это подчеркнуто в тексте, словно намеренно противоречащем заглавию: «и что-то шатнуло *без ветра* листы...»)?

На наш взгляд, заглавием своей баллады Жуковский отсылает читателя к своеобразному поэтическому мифу, сложившемуся в европейской литературе к 1810-м годам («Эолова арфа» написана

в ноябре 1814 года) вокруг эоловой арфы и ее фантастических звучаний, возникающих при порыве ветра. Конечно, образованные читатели эпохи Жуковского, знакомые с современной английской и немецкой литературой, воспринимали заложенную в названии аллюзию вполне свободно — сегодня же ключ к балладе утерян, и словосочетание *эолова арфа* для нас — звук пустой... Правда, комментаторы баллады приводят в качестве параллели к ней стихотворение Фридриха Маттисона «Песня издалека» (на фоне обширной европейской литературы на «арфическую» тему эта параллель выглядит совершенно случайной, но легко объяснимой: исследователи почерпнули ее из книги И. П. Галюна «К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского». Киев, 1916), да поминают еще в связи с мотивом арфы поэмы Оссиана (см., например, книгу Ю. Д. Левина «Оссиан в русской литературе». Л., 1980). Но вот беда: в стихотворении Маттисона, вопреки заверениям комментаторов (Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.–Л., 1959. Т. 2. С. 458), не упоминается арфа, висящая на дереве; в поэмах же Оссиана арфы на деревьях действительно висят, но их ни разу не наделяют эпитетом *эоловая*, столь загадочно звучащим у Жуковского.

Чем же была эолова арфа — как вещь и поэтический образ — для Жуковского и его современников?

Ее прозаический вид (прямоугольный деревянный ящик, в котором протянуты струны, настроенные в унисон) мог бы разочаровать любителей поэзии; но история этой немудреной музыкальной игрушки и в самом деле начинается прозаически: с рекламы и торговли. Изобретенная иезуитом Атанасиусом Кирхером «музыкальная самодействующая машина» (так ее называет Кирхер в трактате «Мусургия универсалис», 1650) около столетия дожидалась своего времени. Мода на инструмент возникла в Англии: в 1741 году шотландский музыкант Джон Освальд открывает в своем музыкальном магазине в Лондоне торговлю эоловыми арфами. Литературовед Дж. Григсон предполагает, что Освальд придумал и само название «эолова арфа», но при этом указывает, что уже Й. Й. Гофман в своем «Универсальном историко-географико-хронологико-поэтико-мифологическом словаре» (1677) называл изобретенный Кирхером инструмент «Aeolium instrumentum» (Grigson G. The harp of Aeolus. L., 1947. P. 25—26).

Знаменательно, что распространением эоловых арф как-то сразу занялись английские поэты: Уильям Мейсон, музыкант, поэт и садовник, изготовивший для себя эолову арфу; поэт Роберт Блумфилд, сочинивший об эоловой арфе брошюру («Музыка природы», 1805) и стихотворение, подрабатывал изготовлением и продажей этих музыкальных игрушек. Самюэль Тейлор Кольридж около 1795 года заводит эолову арфу в окне своего кабинета. Как раз к этому времени инструмент попадает на континент, прежде всего в Гер-

манию, где пытливый романтик, писатель Фридрих фон Дальберг начинает экспериментировать с местом его установки: ставшие традиционными окно или форточка уже кажутся ему прозаическими; особую прелесть приобретает арфа, установленная в саду, в одинокой беседке, в глухих зарослях кустарника или в рощах, на холмах и возвышенностях... Правда, добавляет Дальберг, при этом иногда приходится приделывать к арфе трубочки, направляющие ветер на струны (Dalberg F. H. von. Die Aeolsharfe. Erfurt, 1801. S. IX).

И в России в начале 19 столетия шла бойкая торговля эоловыми арфами (из чего, кстати, следует, что Жуковский не мог не быть знаком с вещью, обозначенной в заглавии его баллады). «Санкт-Петербургские ведомости» в 1804 году поместили рекламу, в которой, между прочим, сообщалось, что «эоларфа (так! — *А. М.*) в России весьма мало известный инструмент, заслуживает в рассуждении своего превосходства быть известным и общим»; в ней «от усиливающегося сквозного ветра происходят восхитительные мелодии, превосходящие всякое описание». Купить арфы можно было «на Васильевском острове, д. № 242» (Цит. по: Столпянский П. Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге//Музыкальная летопись. Сб. 2. Пг., 1923. С. 125).

Когда Жуковский писал свою балладу, возраст эоловой арфы как поэтической темы перевалил за полвека. В 1748 году поэт Джон Томсон написал «Оду эоловой арфе», в которой был намечен круг сопряженных с арфой поэтических мотивов: здесь и мифология «воздушных обитателей» — «духов», которым арфа служит средством общения с землей, здесь и тема разлуки или неверности, скорбным вздохом о которых (чаще всего — посмертным, как и у Томсона) звучит инструмент, и, наконец, мотив некоего потустороннего слияния в мистическом любовном экстазе.

Арфа — вестница смерти; но она же и мистическое орудие «духов», «тающих» над ней «в любви». И реальная арфа-вещь в эту эпоху становится атрибутом куртуазно-любовной игры: поэты посылают эолову арфу своим возлюбленным с тем, чтобы та донесла до них весть любви. Уильям Мейсон, пославший арфу некой мисс Шеферд, сопровождает подарок «Одой к эоловой арфе...» (не позднее 1771), в которой прозрачно намекает на желательность — нематериального, правда,— но все же слияния с возлюбленной. Мотив эоловой арфы был удобен для такой любовной тайнописи: переводя куртуазную ситуацию в безопасное «эфирное» измерение, он служил тем самым эзоповым языком для самых рискованных намеков. Некая фея, фантазирует Мейсон, положит у изголовья мисс Шеферд арфу, а сильфы и сильфиды — воздушные создания, охраняющие ее «девственные прелести»,— извлекут из арфы звуки, «подобные нежному томлению и томному умиранию»; воображение мисс Шеферд, пробудившись при этих звуках, унесет ее на элизейские поля, где в

это время как раз будет прогуливаться некий «избранный ею юноша», который поведет ее «по сияющим красотами местам, и все обратится в музыку, экстаз и любовь» (Mason W. Poems. Jork, 1771. P. 27—28).

У Томсона арфа звучит стоном умершей возлюбленной, но уже у него смутно упомянуты какие-то любовные игры «духов» над арфой; в послании же Мейсона арфа прежде всего — хитроумное орудие «потустороннего» соединения влюбленных. Две функции арфы — «вестница смерти» и «медиатор слияния душ» — уже отчетливо очерчены, но пока что не вполне связаны в единый «мифологический» сюжет.

Пожалуй, впервые эолийский сюжет как движение от разлуки (возвещаемой арфой) к слиянию (опять же посредством арфы) сложился у И. Г. Гердера, в его песне «К эоловой арфе». «Арфа воздушная, откуда этот стенающий звук? Из груди любимой, посланный к ее далекому другу? — вопрошает поэт, и тут же дает совет „мировому духу“: — Соедини на счастье всех любящих, мировой дух, и вздох станет песней радости»; струны, прежде озвученные вздохами покинутых, зазвенят восторгом слияния. Собственно говоря, именно в этой модуляции звучаний арфы — от скорби разлуки (возможно, роковой, невозвратной) к восторженной радости соединения — основа романтического эолийского мифа (Herder J. G. Sämtliche poetische Werke. Wien, 1818. Bd. 1. S. 59—60).

... Того самого мифа, который как раз отсутствует в поэмах Оссиана (талантливой мистификации Дж. Макферсона), часто упоминаемых в связи с балладой Жуковского. Действительно, у Оссиана души погибших героев носятся в бурных вихрях, порывы ветра касаются арф, висящих на стенах замков, и арфы звучат тихой «надгробной песнью» — но не превращаются в орудие любовно-восторженного слияния душ! К тому же — как непохожа бурная мрачность Оссиана, арфы которого звучат «в шуме ветров», на хрустальную тишину баллады, в которой «звон» арфы поднимается «из молчанья»! Как непохоже почти что обыденное, легко повторяемое общение живых и мертвых посредством арфы у Оссиана — на роковую необыкновенность загробного присутствия у Жуковского!

Жуковский опирался не на Оссиана, но на послеоссиановскую романтическую разработку эолийского сюжета. Об этом, в частности, свидетельствует и уже отмеченная нами «странность» — эолова арфа звучит без помощи самого эола. Этот мотив в эолийский сюжет ввели подражатели Оссиана: заимствуя из его поэм образ арфы-вестницы смерти, они отказались от шумного посредничества ветра; «реалистическая» мотивировка заменена мистической — арфа звучит сама собой, посреди тишины и покоя, охвативших внезапно природу. Так, в стихотворении Генри Кёрка Уайта «Вечер смерти» (около 1806) описывается томительное затишье в часы гибельной сечи:

в тумане парит «дух битв» — скоро «овдовевшая жена Лоррендила ударит себя в обнаженную грудь!» «Не пропорхнет ни один нежно трепещущий зефир,— подчеркивает поэт,— вкрадчивая тишина стоит вокруг». Тщательная подготовка «звуковой сцены» для появления главного героя — траурной мелодии арфы — напоминает аналогичную звуковую мизансцену у Жуковского («На землю *с молчаньем* сходила ночная, росистая тень ⟨...⟩; И ветер улегся на спящих листах. ⟨...⟩ И *тихо* все было») — акустика природы освобождает место мистическим звукам арфы. Наконец Уайт доходит до главного события: «Ни ветерка, освежающего прохладой,— лишь печально вздыхают мрачные дерева; и вот! как нежно звучат нетронутые струны арфы, словно бы по ним пронесся шепот ветерка! Свершилось!» (Poetical works of R. Bloomfield and K. White. L., 1871. P. 457). И снова хочется вспомнить Жуковского: «И что-то шатнуло Без ветра листы ⟨...⟩», а дальше: «В ней сердце смутилось: То друга привет! Свершилось, свершилось!.. Земля опустела, и милого нет».

Похожая ситуация магически-беспричинного звучания арфы описана и в оде немецкого поэта Л.-Х.-Г. Хёлти «Завещание» (книга стихов Хёлти была в библиотеке Жуковского): умирающий поэт просит повесить его арфу в церкви за алтарь, где висят и венки умерших девушек; на закате струны часто будут звучать сами собой, «тихо, как жужжание пчелы».

В мистическом рассказе «Арфа» Теодора Кернера (не позднее 1813) арфа умершей жены в час ее кончины играет сама собой для безутешного супруга; когда же приходит и его смертный час, струны арфы издают «громкие, торжественные аккорды, подобные песне победы» (Körner Th. Sämtliche Werke. Lpz., a. J. S. 637—638). Здесь «арфический» миф уже полностью сложился, а сюжет его движется от смертной разлуки к посмертному слиянию персонажей. У Кернера, совсем как у Жуковского, арфа сначала свидетельствует смерть, а затем — в самом конце — знаменует совершившийся загробный союз.

Произведением, соединившим в сознательно мифологизированной форме все уже отработанные к началу 19 столетия элементы эолийского сюжета, стал «аллегорический сон» Фридриха фон Дальберга «Эолова арфа». Вот краткое изложение дальберговского мифа.

Некогда в небесном просторе парил «облачный остров»; на нем обитали «души людей, похищенных при жизни, чьи земные желания не были исполнены...». Им не было дано общаться со сродными им душами, «и вздохи томления замыкались в глубине их существа». Но вот на помощь приходит богиня Гармония; она решает соединить родственные души при помощи музыки. Гармония пробудила души из их дремоты, и «зазвучал на острове гармонический хор». Эти звуки услышала Полигимния, которая воскликнула, обращаясь к духам: «Покиньте ваш сумрачный остров! Он будет превращен в прекрасную стройную арфу, а вы сами — в гармонические звуки,

предназначенные для того, чтобы оживлять небесные струны». На помощь духам Гармония призывает Эола с ветрами — «легко и стремительно прильнули они к эластичным струнам арфы», «принялись танцевать и шутить с ее эфирными обитателями; их ласковые объятия превратились в звуки, и раздался восхитительный хор волшебных, неслыханных песен».

Мистическая суть эолийского мифа находит у Дальберга совершенно откровенное выражение: звуки арфы напрямую отождествлены с душами умерших, не вкусивших земного счастья. И сюжетный комплекс «разлуки-слияния» очерчен в мифе Дальберга достаточно ясно: звуки арфы — жалобы умерших, но и экстатическая игра сливающихся в объятиях духов. И хотя у Дальберга соединяются не души разлученных смертью любовников, а души умерших и «зефиры» — все же трудно удержаться от сопоставления с концовкой баллады Жуковского:

Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей,—
Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

По сути дела, Дальберг в своем «аллегорическом сне» излагает миф о сотворении эоловой арфы; рассказывает о «прасобытии», в результате которого и возникла эта скорбная вестница и смерти и одновременно — наперсница потусторонних свиданий. Но ведь и Жуковский в сущности делает то же самое: создает свой вариант мифа о сотворении эоловой арфы, мифа о том, как обычная арфа вдруг обрела мистические свойства арфы эоловой. Не потому ли арфа Арминия названа «эоловой» только в заглавии? В удаленном, легендарном времени самой баллады, во времени, когда Минвана любила Арминия, эоловых арф еще не было, но обычная арфа вдруг однажды магически зазвучала сама собой, превратившись в эолову.

Словосочетание *эолова арфа* вынесено в заглавие, которое представляет собой ремарку, поданную автором баллады из своего, авторского времени, из начала 19 столетия, когда на Васильевском острове в доме 242 можно было купить деревянный ящик со струнами. Сей далекий потомок арфы Арминия звучал, увы, лишь при порывах ветра; но мифологические события обладают свойством «вечного возвращения», и потому для Дальберга, Жуковского, их современников-романтиков в напевах арфы все равно слышались стоны жалоб и трепет горних блаженств.

... А воскрешение мифа — ритуал, и поэтому не такой уж сумасшедшей оказывается идея Кольриджа — наделить эолову арфу религиозно-ритуальными функциями: «Эолова арфа рыдала в моем

окне — что если бы она стала обязательной частью религиозной утвари — и средством, с которым связывалась бы надежда на милость Божью. Какие бесконечные религиозные применения!» (Coleridge S. T. The notebooks. L., 1973. V. 3. № 3903).

Действительно, романтический мистицизм нуждался в собственной «религиозной утвари» — чем же плох музыкальный ящик, издававший при сильном ветре бессвязные фантастические звуки? И вот «слиявшиеся тени» в своем посмертном обряде слетают — как к храму — к эоловой арфе.

МЕХАНИК И ПОЭТ

Басня И. А. Крылова «Ларчик»

Э. Г. БАБАЕВ,
доктор филологических наук

В 1806 году в Петербурге состоялась премьера новой комедии И. А. Крылова «Модная лавка». В журнале «Драматический вестник» А. А. Шаховской, самый известный в то время драматург и театральный деятель, с восхищением отмечал в комедии Крылова чувство «ансамбля» и мастерство в построении «общего действия».

Спустя два года в том же «Драматическом вестнике» была напечатана басня «Ларчик», в которой, как и в других «маленьких комедиях» Крылова, проявилось и чувство «ансамбля», и искусство «общего действия». Различие между «Модной лавкой» и «Ларчиком» состоит в том, что пьеса создана искусным драматургом, а басня написана пером великого поэта.

Как драматург Крылов предоставлял героям возможность действовать «по своей воле», как бы со стороны глядя на то, что происходит на сцене. И герои его развернулись, заговорили, высказались, каждый сообразно со своим характером.

Завязка басни «Ларчик» дана одной строкой без пояснений: «К кому-то принесли от мастера Ларец» (Крылов И. А. Соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 40). И вот в комнате, на столе, или на подиуме, а, может быть, даже на пьедестале, стоит Ларец. Замкнутый. Какая-то диковинка. Странный такой Ларец. Загадочный, как некий Сфинкс. И в «Модной лавке» речь шла о «диковинках». Там любопытный Антроп говорил молодому Лестову: «На что ни погляди, диковинка диковинки лучше» (Там же. С. 343).

И в басне «Ларчик» Любопытные дивятся на диковинку. Их много, они окружают ее со всех сторон, разводят руками, качают головами, удивляются:

Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.

Басня написана так, что «между строк» мы ясно видим движения и жесты персонажей. Воображение рисует невольно множество красноречивых мизансцен.

Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом(...)»

Все поражены. Толпа играет пантомиму. А Механик произносит глубокомысленные отрывочные фразы.

«Так»,— говорит Механик, разглядывая Ларчик. «Он и без замка». Толпа ахнула. «Без замка»? Что же это такое? Некоторые пугаются, другие смеются, третьи насмешливо поглядывают на Механика. Справится ли он с такой странной вещью? Но Механик успокаивает Любопытных жестом и многообещающими словами:

«А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!»

Видно, что Механик уже почувствовал какой-то «искус», искушение переупрямить чудный Ларчик и открыть его во что бы то ни стало. Ведь именно этого и ждут Любопытные:

«Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою»,—

говорит Механик. И принимается за Ларчик всерьез:

Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает(...)

Но Механик есть механик. Хотя он сказал, что Ларчик «без замка», он, действуя по законам механики, продолжает искать «замок», или «секрет». «То гвоздик, то другой, то скобку пожимает». Со стороны действия его кажутся смехотворными, иные из Любопытных превращаются в Смеющихся:

Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!»

Между тем, дело уже идет к развязке. Механик признает свое

поражение. Он «устал», бросил свои попытки найти «секрет». «От Ларчика отстал И как открыть его, никак не догадался(...)»

Развязка басни уместилась в одну единственную строку: «А Ларчик просто открывался». Эта строка столь совершенна по своему поэтическому смыслу, по интонации и ослепительной неожиданности, что она тотчас же вошла в русскую речь, стала поговоркой. О стихах такого рода С. П. Жихарев, автор известных «Записок современника», говорил: «Странное дело: мы слышали басню в первый раз, а почти все знали ее уже наизусть» (Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Л., 1989. Т. 2. С. 286).

Последняя строка басни была понята в том смысле, что «механик перемудрил». В этом значении она вошла в словарь «Крылатых слов», где, кстати, сказано, что ларчик был «незапертым», хотя об этом не говорится в самой басне: «Выражение Крылова стало поговоркой, рекомендующей не мудрить, и не искать сложных решений там, где дело решается просто» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1988. С. 402).

Сказано, что Ларчик открывается «просто». Но как? Об этом в басне нет ни слова. Что касается комментаторов, то они зачастую предлагают толкования, еще более сложные, чем сам предмет...

Современники обычно лучше понимают «переносный смысл» басен своей эпохи, чем позднейшие комментаторы. Так, П. А. Вяземский однажды обмолвился важным замечанием: «Ларчик сам раскрылся» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 80). Он хотел сказать, что нет ничего тайного, что не стало бы явным, а сказал, что Ларчик раскрылся сам, когда пришло время. Такое немудрящее и бесхитростное решение!

И. В. Сергеев, биограф великого баснописца, отмечает, что Крылова недаром называли «загадочным писателем» и сравнивали со Сфинксом. Басня «Ларчик», по мнению Сергеева, имела глубоко личное значение для поэта: «Крылов однажды словно подсказал разгадку своего поведения. Его первой оригинальной, а не переводной басней был знаменитый „Ларчик“» (Сергеев Иван. Крылов. М., 1955. С. 193).

Когда Крылова окружали Любопытные, он становился замкнутым. В. А. Оленина, дочь президента Академии художеств, знала его со времен своего детства. В своих воспоминаниях она пишет, что Крылов «нрав имел кроткий, ровный, но был скрытен, особенно если замечал, что его разглядывают. Тут уже он замолкал, никакого не было выражения на его лице, и он казался засыпающим львом» (И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 140).

Современники читали басню «Ларчик», как иносказание о тайнах творчества, а также как аллегорию творчества самого Крылова. Ф. В. Булгарин в своих «Воспоминаниях об Иване Андреевиче

Крылове» признается, что он всегда искал, но не всегда мог «подобрать» ключ к его басням.

«Крылов никогда и никому не рассказывал, по какому случаю написана им какая басня, но когда близкий или приятный ему человек сообщал ему свою догадку, он отрицал таким образом, что отрицание его можно было принять за подтверждение догадки». «Быть может, и похоже!» — говорил Крылов.— «Случай, и только!»

«Из разных источников,— продолжает Булгарин,— я собрал ключи к тридцати с небольшим его басням...» (Там же. С. 415). Целая «связка ключей» в руках Булгарина. Тут он и в самом деле как будто становится похожим на «механика».

Но в крыловском «Ларчике», во-первых, нет замка, а во-вторых, он так и не открылся Булгарину. «Случай, и только!» — говорил Крылов, прикрывая свою душу от неуместного любопытства. Крылов вообще «не любил, чтоб в комнатах его шарили»,— должен был признаться Булгарин в итоге всех своих попыток «подобрать ключ» к этому волшебному ларчику (Там же. С. 313).

Ларчик в руках «механика» — это какой-то страшный образ несвободы и зависимости. Но если Ларчик «сам раскрывается»,— это намек на независимость, на ту «свободу творчества» и поведения, которой так дорожил Крылов и к которой так стремился Пушкин. Басня «Ларчик», если видеть в ней иносказание на тему «Механик и Поэт», имеет огромное не только биографическое, но историко-литературное значение. И среди литературных критиков Крылова и Пушкина были свои «мудрецы механики», для которых произведения обоих поэтов оставались «книгами за семью печатями».

И. С. Тургенев видел Крылова в старости его. «Он почти не говорил, но слушал — блестяще, если можно так выразиться,— пишет Тургенев,— ибо его молчание сопровождалось чем-то вроде внутренней улыбки, как будто, наблюдая, он делал про себя много замечаний, которые, однако, никогда не собирался поведать миру» (Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 12. С. 350).

Но было бы наивно думать, что Крылов написал басню «Ларчик» лишь для того, чтобы высмеять Механика или, скажем, противопоставить Мастера Механику. Возвысить Мастера и унизить мастерство?.. Механик в «Ларчике» говорит о себе с достоинством мастерового человека: «В механике и я чего-нибудь да стою...»

Кто же будет отрицать Механику и Мастерство? Крылов всегда держался «золотой середины». Он просто хотел сказать, что все хорошо на своем месте: и механика способна «сдвинуть с места дом», хотя не всякому механику понятна мысль Мастера, который его построил. Крылов вовсе не противопоставляет их друг другу. Каждый из них хорош на своем месте.

Но эта черта поведения была присуща Крылову всегда. Еще Шаховской в своем салоне, взглянув на примолкшего Крылова,

воскликнул: «Крылов написал новую басню, да и притаился, злодей!» (Жихарев С. П. Записки современника. С. 285).

Мне кажется, что к басне Крылова имеют прямое отношение следующие, как бы вскользь сказанные слова Е. А. Баратынского из его письма к Пушкину: «Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову» (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 419). Это был как бы разговор между посвященными.

Присутствие Мастера можно угадать в двух репликах, которыми начинается и завершается басня. И обе они выражают удивление по поводу странных действий «мудреца механики».

В назидательном прологе к басне «Ларчик» сказано:

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стóит только догадаться,
За дело просто взяться.

У каждого поэта был свой «механики мудрец», который хотел «открыть» его, как некий «ларчик», найти его «секрет» или потребовать к нему «ключ». Сколько таких «механиков» толклось вокруг Крылова или вокруг Пушкина. Любопытные окружают Поэта полукругом, образуя подобие барельефа, центром которого становится Механик. Вот «немая сцена» в духе «Ларчика».

А Ларчик открывается, как открываются лилии полевые, как раскрывается душа поэта. Это одна из тех сокровенных басен Крылова, которые требуют внимания, осторожности, медленного чтения и раздумья.

Басня Крылова имеет не механический, а эстетический смысл. Об этом свидетельствует также финальная сцена пьесы Н. В. Гоголя «Развязка „Ревизора“», где пересказана басня Крылова, как некая аллегория об искусстве. Только Гоголь называет «ларчик» «шкатулкой». У него Семен Семеныч, «человек тоже немалого света, но в своем роде», один из толпы зрителей, требует: «Дайте же открыть нам эту загадочную шкатулку. Что это за странная такая шкатулка, которая неизвестно зачем нам поднесена, неизвестно зачем перед нами поставлена и неизвестно зачем от нас заперта?» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 4. С. 406).

И все согласные с ним кричат хором: «Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ!» На что Первый комический актер, под маской которого выступает Гоголь, объясняет, что настоящий ключ к произведению искусства лежит в душе каждого человека. Захочет ли только он им воспользоваться? Если да, то тут не понадобится никакой «механики мудрец», если же нет, то ларчик останется «за семью печатями».

«Извольте,— продолжает Первый комический актер,— я дам вам ключ. (...) Бывают такие минуты состоянья душевного, когда ста-

новится самому понятным то, что прежде было непонятно. Нашел я этот ключ, и сердце мое говорит мне, что он тот самый; отперлась передо мною шкатулка, и душа моя говорит мне, что не мог иметь другой мысли сам автор» (Там же. С. 407).

«Шкатулка» Гоголя открывалась так же, как открывался «ларчик» Крылова. И в этом смысле «Развязка „Ревизора“» есть в известном смысле и развязка «Ларчика».

Социальный заказ, или Две сказки для детей

Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

В середине 20-х годов в Стране Советов на призыв «делать» новую литературу для детей откликнулись многие поэты и прозаики — от Н. С. Тихонова до В. А. Каверина, от О. Э. Мандельштама до Е. Л. Шварца. Произошел настоящий «бум»: организован детский отдел ОГИЗа, работала Комиссия по созданию новой книги, стали выходить массовыми тиражами журналы для детей «Новый Робинзон» и «Пионер» и книжки с картинками для самых маленьких. И вслед за первыми «ласточками» — «Мойдодыром», «Тараканищем» и «Мухой-цокотухой» К. И. Чуковского, «Детками в клетке» и «Сказкой о глупом мышонке» С. Я. Маршака — появились пастернаковская «Карусель», мандельштамовский «Примус» и «Два трамвая» и две сказки, принадлежавшие «поэтам хорошим и разным», во многом соперничавшим друг с другом,— В. В. Маяковскому и С. А. Есенину.

Свою «Сказку о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» (1925) Маяковский создает как плакат и политическую агитку наподобие окон РОСТА и лишь немного добавляет сказочной «краски»: зачин «Жили-были», говорящие звери и кое-какие чудеса вроде лопнувшего от обжорства Пети и сыплющейся с неба снеди из Петиного живота, да финальные формулы «пир горою», «кончен

пир — конец и сказке». Главное «социальное задание» — доказать, что буржуи с самого рождения (Пете 5 лет) — «бяки», то есть жадные, злые, прожорливые, черствые, а пролетарии (Симе 7 лет) — добрые, честные, отзывчивые. Это противопоставление проходит через всю сказку. У одного родители «дрянь», «господа», торгаши, и «общий вид их отвратителен»; у другого отец — «залихватский кузнец» и «в любую из минут подымает пальцем пуд». Один грязен, «как ведро с помоями», а другой «чище мыла». Один, «посинев от злости, отшвырнул щенка за хвостик» за то, что тот посмел откусить пончик, а второй пожалел побитого щенка и поделился с ним единственным леденцом.

Как же наказывает автор «толстого ребенка» за жадность? Сначала в его наказании принимают участие звери и птицы: «Выйди, зверь и птичка! Накажи обидчика». Слетелись сто ворон, пришагал шакал, волочится волчица, приползли два огромных крокодила — почему-то два, не ради ли вопроса: «Как их мама уродила»? Все они ругают Петю «жадабой», «злюкой», «угнетателем зверячим», а один из крокодилов (который из двух?) «нацелил ногу и брыкнул, как футболист». И помчался Петя по Москве, как футбольный мяч. В беловом автографе толстуха отдавила ему ухо, а автобус вырвал «ляжки кус», но в окончательной редакции сказочник ограничился руганью милиционера («гадкий мальчик», «дрянный мальчик», «образина милая») и отправкой Пети в виде посылки домой, куда он и прибыл через две недели (почта и тогда, видно, работала нерасторопно), превратившись из шара в блин. Не удовлетворившись этим превращением, автор заставляет своего героя съесть все, что было в отцовской лавке съедобного и несъедобного, и лопнуть, что оценивается как справедливое возмездие за обиду, нанесенную щенку: «Защищайте всех, кто слаб, от буржуевых лап». А все, что съел злосчастный Петя, досталось октябрятской звездочке во главе с Симой, которым нечем было даже посолить картошку. Так реализуется коммунистический принцип о перераспределении материальных благ: взять у богатых и отдать бедным.

А к Симе приходят благодарные звери и несут ему подарки: верблюд — штаны и куртку, баранчик — барабанчик из собственного пузыря. Первоначально прибегала еще и свинья с башмаками, чтобы носить их «на страх врагам», но потом исчезла из повествования, вероятно, потому, что было неясно, как башмаками испугать врагов.

Если в первом случае выбор животных кажется произвольным, то во втором он строго функционален. Возможно, Маяковского привлек опыт К. И. Чуковского, но у того звери ведут себя естественно, у каждого свой характер, описаны забавно и остроумно, и никто из них не провозглашает политические лозунги, как у Маяковского, у которого птицы поют: «Сима — пролетарий!», а щенок призывает: «Люби бедняков, богатых круши!»

Другая ассоциация: объевшийся Петя напоминает Робина-Бобина-Барабека из английской песенки в переводе С. Я. Маршака — Петя съел 4 пуда соли, конфеты, колбасы, консервы, гири, весы, шкаф, велосипед; Робин — 40 человек, корову, быка, кузницу с кузнецом, но не лопнул, а только пожаловался, что у него живот болит, и это было смешно.

Авторская «целевая установка» — любить бедняков и ненавидеть богачей — преподносится от «лица» щенка (щеника, щена — так, кстати, подписывал Маяковский свои письма к Лиле Брик) и определяет идеально-благостную характеристику первых (*храбрый, добрый, сильный, смелый*) и резко отрицательную — вторых (*злее самой злющей крысы*). К социальному контрасту добавляется и политический — красные и белые: «Видно — красный, а не белый», «красный мак, цветший, как советский флаг», прикололся Симе на грудь, как красный орден; «Красную надев звезду, Сима всех сумел бы вздуть!» (явный намек на то, что людям в красноармейской форме разрешено насилие над в с е м и).

И заканчивается сказка неожиданным назиданием: «Полюбите, дети, труд — как написано тут» (о труде упоминается лишь мимоходом — Симин папа «на заводе с молотками дружбу водит») и «Вот и вырастете — истыми силачами-коммунистами» (если будете защищать слабых от «буржуевых лап»). Ну как не согласиться с мнением Ю. А. Карабчиевского, увидевшего в детских стихах Маяковского сочетание «стерильных образцов для подражания» с «приторными поучениями», да еще в придачу «халтурные согласования строк» (Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М., 1990. С. 106). Действительно, замечаешь стилистическую небрежность, обилие просторечий и вульгаризмов (*вздуть, отдуть, вались, катись, слопал, смастачил, дрянь, морда, жадаба, образина*), неряшливость и косноязычие, прямолинейные и упрощенные суждения: «уязви тебя гадюка», «чтоб тебя сожрала жаба», «узнается из конфет — добрый мальчик или нет», «шакал, как только мог, хвать пузана за пупок!», «ходят час, не могут стать», «как бы нам помножиться», «ясно даже и ежу — этот Петя был буржуй», «Петр Буржуйчиков зовусь». Очевидно, эту шероховатость и грубость Маяковский намеренно противопоставлял слащавому сюсюканью прежних детских книжек.

Через полгода после Маяковского сказку на современную тему для детей младшего возраста написал С. А. Есенин, дав аналогичное, зарифмованное заглавие с упоминанием жанра и имени одного из героев своего предшественника: «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве». Вряд ли это было случайным совпадением — скорее походило на творческое состязание и полемику. Действие переносилось из города в деревню, рабочий превращался в пастуха, но получал имя «буржуенка», быть может, с

учетом звуковой «игры»: пастушонок Петя и Пете пять, а Симе семь лет. Соблюдалась как наиболее доступная детскому восприятию смежная рифмовка, и выбран был тот же стихотворный метр — хорей, но не 4-стопный, а 3-стопный. Самое же главное отличие — исчез сказочный колорит и изменилась основная коллизия.

Противоборство буржуев и пролетариев, богатых и бедных, белых и красных заменилось противостоянием тружеников, которым «трудно жить на свете», и комиссаров, которым «все доступно в мире». Не почувствовал ли Есенин, пусть и интуитивно, назревание нового конфликта в советском государстве — между трудящимися и коммунистическим руководством? Отказавшись от всяких чудес, поэт погружает своего героя в обыденный, реальный мир — сельскую природу в разные времена года, «коровье царство», то бишь стадо, тяготы пастушьего труда. Все это изображено без обычной есенинской метафоризации (за редким исключением: «Все колосья в поле / Как лебяжьи шеи»), как бы увидено глазами деревенского мальчишки: «Мокрый лист с осины / И дорожных ивок / Так и хлещет в спину, / В спину и в загривок».

Так же конкретно и реально переданы детские мечты о хорошей жизни, эталоном которой является комиссарово житье: имеет свою квартиру, ездит в тарантасе, пьет из самовара сладкий чай, да еще с варенъем — и всем распоряжается, собирает оброки, чистит дороги, строит школы, распределяет хлеб, произносит речи («Был бы всех речистей» — тонко подмечено, не умнее, а речистее!).

Чтобы развеять эти ребячьи мечтания, Есенин прибегает к балладному приему и вводит «страшный сон», в котором Петя видит себя комиссаром, но убеждается, что ничего не знает и не умеет и не может управиться с народом. «А народ суровый / В ропоте и гаме / Хуже, чем коровы, / Хуже и упрямей». И получил Петруша таску, как бывало и наяву, если коровы заходили в рожь. После такого сна он уже не хочет быть комиссаром, а его пастушество кажется ему не тяжким, а сладким. И береза, улыбаясь, но «сквозь слезы» дает ему разумный совет в духе времени: «Будь ты лучше, Петя, / Раньше пионером» (очевидно, до того, как стать для всех примером в роли комиссара). Любопытно, что у Маяковского в раннем варианте были похожие строки: «Подрасти б чуть-чуть для меры / И годится в пионеры». Но в отличие от Маяковского Есенину не хотелось завершить сказку плоским нравоучением, «прямой скуловоротной дидактикой» (Ю. А. Карабчиевский), и он добавляет шутливую концовку:

Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я — Сергей Есенин.

Итак, оба поэта — и Маяковский, и Есенин — отозвались на социальный заказ — создать новую литературу для детей и воспи-

тывать нового человека. Но один воспитывал классовую ненависть и большевистскую нетерпимость, а другой учил любить свое дело, не завидовать начальникам и жить в согласии с собой, с людьми, с природой. Если один призывал «крушить» богатых и избавляться от всяческой «дряни», вплоть до ее физического уничтожения, то другой видел свою заслугу в том, что «не расстреливал несчастных по темницам» (эту есенинскую строку О. Э. Мандельштам назвал «прекрасным русским стихом»).

Стоит ли удивляться тому, что Сергей Есенин сейчас нам гораздо ближе, чем Владимир Маяковский, воспевший «атакующий класс» и «большевистский партбилет»?..

Алма-Ата

Антинародное слово? или Несколько попутных замечаний в защиту поэта

ЭР. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук

Писатель О. Н. Михайлов в статье, напечатанной в «Литературной газете» (1992. № 17), связывает словотворчество Владимира Маяковского с «великой культурной революцией, учиненной большевиками» («какой поток мусора затопил наш природный словарь!»): «Язык, как мог, сопротивлялся. Недаром бесчисленные неологизмы Маяковского (в отличие, скажем, от осторожных нововведений Н. М. Карамзина) остались только на столбцах его книг, они были антинародны».

Как сегодня говорят: «круто» сказано. Но удивительно не это. Сегодня немало охотников стать дозволенно смелыми. Удивительно иное. Как же до сих пор писатель и филолог О. Н. Михайлов не ведает разницы между неологизмом (новым словом языка) и окказиональным словом, или авторским неологизмом (фактом речи). Как же он не сподобился по сей день понять, что не создавал Маяковский свои более чем 2000 слов для вхождения в язык, в общее употребление. Они предназначались для работы в его стихотворной строке, в его речи. И Федор Тютчев не собирался пополнять словарный запас языка, когда написал *громокипящий* (слово образовано по типу *шлемоблещущий*, кальке с греческого). И Александр Пушкин, создав *кюхельбекерно, василийльвовничать*, не брался обогащать общий язык. Чем же принципиально отличны эти пушкинские слова от маяковских *иудит, шейдеманит, гучковеет, чемберленится, керзонить, муссолинится, расцицеронился, развезувился*?

«Сливеют губы с холода»,— читаем у Маяковского. Кратко, образно. И к месту. Но в язык не вошло. А потому антинародно?

И вообще, что это такое — антинародное слово? В. И. Ленин о словотворчестве Маяковского говорил: «Выдумывает какие-то кривые слова ...» Вождь не был филологом. Но и он не сказал «антинародные».

Словотворчество писателей — одна из черт их слога, один из художественных приемов. Автор волен прибегать к нему. Это его право. Этим правом пользовались Андрей Белый, Велимир Хлебников, Игорь Северянин, Марина Цветаева, Сергей Есенин. Пользуются Александр Солженицын, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко. В «грех» словотворчества Маяковский впал задолго до культурной революции, всуе упомянутой О. Н. Михайловым.

Плюрализм мнений, разномыслие не отменяют желательности профессионализма и требования профессиональной этики — не судить о том, в чем недостаточно разбираешься.

О. Н. Михайлов иронически именует поэта «бардом октябрьского переворота». Мог бы назвать и бардом ВКП(б) («поэтом мне не быть, когда б не это пел», «партия — единственное, что мне не изменит»). А Булата Окуджаву точно на таком основании определить в барды гражданской войны («и комиссары в пыльных шлемах...»). Искренность обоих «бардов» не вызывает сомнений. Сомнение вызывает желание О. Н. Михайлова придерживаться исторического подхода к событиям и фактам прошлого.

Константин Фофанов

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) был одним из наиболее известных русских лириков, выдвинувшихся на литературной арене в восьмидесятых — девяностых годах прошлого столетия. Он родился в Петербурге; отец поэта — небогатый купец, торговавший в столице дровами, дед — олонецкий крестьянин. Крестьянкой была и мать поэта. Воспитывался Фофанов в дешевых частных пансионах, затем был устроен в городское петербургское училище, но учебу оставил, не закончив 2-го класса.

Печататься Фофанов начал с 1881 года. Первая книжка его стихов вышла в 1887 году, вскоре появились еще две, а в 1896 году было напечатано собрание стихотворений в пяти частях. Поэт сотрудничал во многих и разнообразных журналах и газетах, но прочнее других был связан с изданиями А. С. Суворина.

Эпоха безвременья — реакционные, тусклые восьмидесятые и девяностые годы — выражена в творчестве Фофанова по-своему очень ярко. Поэт был полон романтических порывов, стремления оторваться от бескрылой, серой и унылой действительности в мир волшебной мечты, «в лазоревые гроты своих фантазий и причуд». Сын «больного поколения», он чтил заслуги борцов за народное благо, всей душой сочувствовал униженным и сирым, но в бессилии перед злом лишь противопоставлял ему чистую природу, слагая романтические сказки о цветах и растениях. Он писал: «Блуждая в мире лжи и прозы, Люблю я тайны божества: И гармонические грезы, И музыкальные слова». Вместе с тем в лирике Фофанова запечатлена и суровая действительность современного города, и духовная жизнь бедняка-интеллигента, каким был сам поэт. «Вздохи нищеты больной» часто пронизывают самые замечательные строки Фофанова. Критики в свое время находили, что борьба двух начал — трафаретно-романтического и реально-жизненного — и составляет истинный пафос его поэзии.

Поэзия Фофанова окрашена в минорные тона, для нее характерна особая певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов. Эти свойства стихов Фофанова побуждали критику называть его импрессионистом. Фофанов как поэт был плодовит,

написал очень много. Среди его произведений встречается немало банальных и выспренних, отмеченных нарочитой красивостью.

Велика была кратковременная популярность поэзии Фофанова. В какие-то годы он затмевал всех остальных русских поэтов. Один из мемуаристов даже считает, что в русской поэзии период после смерти Надсона (1887 год) и до выступления символистов следует называть фофановским. Большой природный талант Фофанова был бесспорен. Аполлон Николаевич Майков писал о поэте: «В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и, будь он начитан и образован, это была бы гордость русской литературы». Майков, говоря о Фофанове, даже вспоминал имя Пушкина. О нем тепло отзывались Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, им бурно восхищался И. Е. Репин, создавший его живописный портрет.

Жизнь Фофанова прошла в большой нужде и бедности. Поэт запомнился современникам, по словам П. П. Перцова, в облике «глубоко несчастного, приниженного жизнью, надорванного человека», так несхожего с впечатлениями «от его лучших, вечно молодых стихов». Умер он, покинув свое семейство, в полном одиночестве, полунищим; его слава к тому времени уже давно погасла.

Лирика Фофанова во многом оказалась близка символистам, и они объявили его своим предшественником. В. Я. Брюсов печатал стихи Фофанова в символистском альманахе «Северные цветы». Буквально культ Фофанова творили и эгофутуристы, в особенности их глава Игорь Северянин, вошедший в литературу при поддержке Фофанова. Среди этих энтузиастов был и сын Фофанова, тоже эгофутурист, печатавшийся под псевдонимом Константин Олимпов.

Н. В. Банников ©

* *
*

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнущий закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад.

За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали,
И снова тишина вокруг.

И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной.

1882

Два мира

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!

Там — свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...

То край певцов, возвышенных, как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь — злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

1886

* *
*

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зеленый убор.

Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.

Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь,—
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..

1892

После грозы

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалася
И умолкла до утра!..

1892

* *
*

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречалися
И расстанемся без слез.

Только что-то не досказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

*
* *

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полуночи мы украдкою
Увлекалися речью сладкою:

Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..

Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

1881

Стансы

Мой друг, у нашего порога
Стучится бледная нужда.
Но ты не бойся, ради бога,
Ее, сподвижницы труда.

При ней звучнее песнь поэта,
И лампа поздняя моя
Горит до белого рассвета
Как луч иного бытия.

И мир иной перед очами,
То мир восторгов и чудес,
Где плачут чистыми слезами
Во имя правды и небес.

То мир, ниспосланный от бога
Для утешенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачет бледная нужда!

1900

Под музыку осеннего дождя

Темно, темно! На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей.
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!

Пустынно все, но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой.

Они в душе родятся, одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.

Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

1900

* *
*

Догорает мой светильник.
Все стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;
Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают,—
И опять, опять живут!

Ночь морозна. Небо звездно,
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.
Сад в снегу, беседка тоже,
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...

1908

Записные книжки и письма Д. С. Мережковского

Публикация
Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фризмана

Едва с имени Д. С. Мережковского спали оковы запретности, выявился необыкновенный читательский интерес к его творчеству. Вышло в свет четырехтомное собрание его сочинений. Один за другим переиздаются его романы, сборники публицистических и литературно-критических статей. Но остается почти неизвестным эпистолярное наследие Мережковского, а также материалы его записных книжек. Между тем они представляют значительный интерес, помогают проникнуть в духовный мир писателя, содержат важные сведения о его жизни и ценные комментарии к его произведениям.

Несколько десятков писем включены нами в сборник «Д. С. Мережковский. Эстетика и критика», который готовится к выпуску издательством «Искусство». Некоторые из них составили подборку, ныне предлагаемую вниманию читателей «Русской речи». Все они публикуются впервые (за исключением письма Г. Гауптману, которое было напечатано в эмигрантском издании, практически недоступном в нашей стране).

В примечаниях приняты следующие сокращения: ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки; ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

В публикации сохранены особенности орфографии и пунктуации Д. С. Мережковского.

Записные книжки

Напрасно думают, что греки был жизнерадостный народ. Трагедия глубокое, интимное выражение их национальной души, а между тем в мире нет бо́льших пессимистов, чем греческие трагики. Они только умели покориться и терпеть. Они были сильнее и спокойнее нас. Но в жизни самого гармонического и глубокого из их поэтов Софокла — та же безнадежная скорбь, как в Шекспире и Байроне. Что может быть мрачнее представления рока? Греки, не были избалованы беспредметными надеждами христианства, умели меньше требовать от жизни и легче с нею мириться. Христианство — было величайшая попытка человеческой души освободиться от представления Рока. Была ли она удачной? Не возвращает ли нас современная наука к тому же первобытному представлению Рока, только в еще более мрачной форме?

Гений борется и побеждает, талант борется и не побеждает. Гений любит истину, чувствуя свое величие над ней. Талант любит немногих и боится истины. Гений часто хочет быть аристократичным, по существу он всегда бессознательно демократичен. Талант часто хочет быть демократическим, но инстинктивно обращается не к толпе, а к избранным. Впрочем победа гениев дает им мало радости. Толпа подчиняется силе ненадолго, пока она кажется новой, а потом, привыкнув к ней и не поняв ее, равнодушно уходит или даже мстит за свое невольное подчинение. Толпа помнит имена гениев и забывает имена талантов. Вот и все различие.

Величайший трагизм жизни писателя в том, что он никогда не может убедиться в своем таланте. Признание большинства (число распроданных экземпляров книги и хвалебные рецензии?) убеждает только самых пошлых и поверхностных писателей, ибо по статистике больше всего расходятся Онэ [1], Поль де Кок [2], кухонные книги, календари, Дюма-pirés [3], Петербургские трущобы [4] и т. п. Напротив от признания толпы у искреннего писателя внешняя радость не заглушает глубокой внутренней грусти; предчувствий, что самого дорогого в его произведении толпа не поймет и не увидит никогда. Но верить в себя, не слушая толпы — нельзя без тайной и непобедимой мысли: разве тысячи бездарных и глупцов не верят в себя и не презирают толпы еще гораздо искреннее и последовательнее, чем талантливые люди, разве они себя не успокаивают точь-в-точь теми же рассуждениями о распространении календарей, Поль де Кок и т. п. Нет ничего более комичного и жалкого, чем эта самоотверженная и бескорыстная, и святая вера в себя бездарных

людей. А между тем ничто в мире — никакая слава, никакие критические отзывы, никакие слезы восторга (их больше пронеслось над плохими мелодрамами, чем над Фаустом) не могут доказать писателю и убедить вместе, что у него есть талант, что труд имеет смысл, что его вера в себя — не глупое и смешное самомнение. Да, ничто не может доказать, что жизнь его трагикомический фарс. Надо этому покориться, надо работать, не будучи иногда уверенным, что в работе есть смысл, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ надо отречься от единственно возможной на земле награды за страдания творческой работы и надо всегда иметь в виду, что эти страдания достойны, может быть, не слез, а смеха. В чем же награда? Награда — только в надежде открыть новую красоту и сделать ее понятной немногим людям. Вот один из признаков: — эта надежда уничтожает бездарных людей.

Одно из главных условий Прекрасного — бескорыстное отношение, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ такое, в котором отвлекаешься от эгоизма, от самолюбия, от зависти, от личной вражды, от физического страха смерти, от чувственности. Все предметы, которые располагают нас к такому бескорыстному созерцанию, мы называем прекрасными. Вот почему так прекрасна пустынная и безлюдная природа. Мы относимся к ней так бескорыстно, как не можем относиться ни к чему человеческому. Природа не возбуждает в нас ни зависти, ни вражды, ни самолюбия, ни страха смерти, ни чувственности. Впрочем, это наше личное отношение городских цивилизованных людей. Крестьянин относится к ней более корыстно — он материально зависит от нее и она для него уже менее прекрасна. Дикарь относится к ней тоже корыстно — он ее боится и потому менее чувствует ее красоту. Бескорыстное отношение объясняет то, почему все чужое и далекое кажется прекраснее близкого, почему исторически прошлое прекраснее современности. Для горожанина нет ничего прозаичнее улицы его собственного города. Он не понимает красоты своего городского пейзажа, потому что не может отнестись к окружающим предметам бескорыстно, он связан с каждым из них тяжелыми личными воспоминаниями о пережитых мучениях зависти, вражды, самолюбия, страха, чувственности. Но через несколько веков для человека, чуждого теперешней борьбе людских эгоизмов, покажется пейзаж нашего современного города с его фабриками, магазинами и банкирскими конторами, таким же поэтическим, как для нас панорама Венеции с ее штормами или древнего Рима с ареной для кровожадных зрелищ. В этом величайшее нравственное значение искусства — оно дает нам радость свободного и бескорыстного созерцания, позволяет нам понять на минуту, какое счастье, какое спокойствие и какой отдых — не завидовать, не враждовать, не

стремиться к деньгам, к славе, к наслаждениям. Искусство — есть краткое перемирие в ожесточенной и бесконечной борьбе всего существа, и художнику кажется, что это перемирие быть может залог вечного мира (Pax Dei), который когда-нибудь воцарится во вселенной. Вот почему стремясь к определенным, временным и ограниченным целям, человеческой добродетели наперекор бескорыстному созерцанию, художник ослабляет высшее нравственное значение искусства, то есть освобождение в красоте от эгоизма. Кто видит в искусстве это высшее нравственное самоотречение и эту примиряющую любовь к миру, тот не будет спорить о так называемой «тенденции», потому что спорить не о чем. Если высшая цель нравственности освобождение от эгоизма, и все другие цели должны быть ей подчинены, то почему же и в искусстве высшей эстетической и нравственной цели (они совпадают) освобождению от эгоизма, бескорыстному созерцанию не следует подчинить всех частных целей, всего так называемого тенденцией, патриотического, религиозного, социального и т(ак) д(алее)?

Впрочем, как это ни ясно, такие споры о тенденции никогда не прекратятся, потому что для большинства читателей и критиков нравственное значение бескорыстного созерцания, как символа грядущего Божьего мира — непонятно. Но для истинного художника цель красоты та же, как для истинно доброго человека — цель добра, а именно — освобождение от себялюбия. Только в добре освобождение это достигается через действие, а в искусстве — через созерцание красоты.

«Жизнь такова, что ее нельзя ни хвалить, ни порицать» — говорит Софокл — это глубокая правда. Каждое утро я слышу за стеной своей комнаты унылые бесконечные и терпеливые гаммы какой-то прилежной ученицы и думаю — в жизни очень редко бывают мелодии, песни скорби и радости, обычная человеческая жизнь похожа на эти фортепианные гаммы — безнадежные, бесконечные и бесценные. «Жизнь такова, что ее нельзя ни хвалить, ни порицать».

Во всех наших познаниях, нравственных идеалах, созданиях искусства недостает чего-то последнего и единственно нужного. Мы все к нему стремимся и не можем понять и чувствуем, что оно проходит повсюду неуловимое, более близкое сердцу, чем сердце любимое и более далекое, чем самые недосягаемые холодные звуки. Одни туманно и безучастно называют Непознаваемым, другие — несовершенно и бледно — Богом, но нельзя назвать его так, чтобы сердце дрогнуло и почувствовало: «вот он». А между тем — если

вынуть эту тайну, эту невидимую соединяющую нить из наших познаний, из образов красоты, — все они падают и рассыпаются, как зерна жемчуга, [когда] вынимают из ожерелья скрытую нить, на которую они были нанизаны.

Искусство — безнадежный плач человеческой души о Боге.

Всем нам, людям конца XIX века слишком торопливым и нервным, не достает *спокойствия*. Когда знакомишься с повседневной частной жизнью Гете, начинаешь понимать, что одна из главных, а может быть и самая главная сторона его гения заключается в спокойствии. Вспомните то место в библии, где Господь является своему пророку не в буре, не в вихре, не в блистании молнии, а в *тишине*.

Несчастие поэтов в том, что они должны пользоваться для воплощения красоты и правды человеческим символом. Живописец употребляет молчаливые краски, ваятель — мрамор или медь, музыкант — звуки. Их материал — чистый, недоступный человеческому злу. Никто не употребит мрамора, гармонический звук или красоты для человеческой *корыстной* лжи. А слова людей ... — увы, есть ли на земле предмет, который также был бы осквернен ложью, лицемерием и корыстью. Осталось ли теперь хоть единое слово на едином языке — чистым, целомудренным и не солгавшим перед нами. Чем выше и священнее слово, тем чаще люди пользуются им, чтобы прикрывать ложь, чтобы творить под их защитой неправду и насилие друг над другом. Вот почему тот, кто не обратится по слову Евангелия и не сделается как бы ребенком, тот не может быть поэтом. Тот должен забыть условный, мертвый и лживый язык людей, он должен научиться говорить, он должен вернуться к простому, детскому и чистому языку сердца, победить ложь всех человеческих слов. Поэт должен взглянуть на мир Божий простым взглядом тех незапамятных времен, когда словам еще не отвыкли верить, когда их не боялись и не презирали. Тогда он научится простому и вечному языку, которому до сих пор человеческое сердце, несмотря на тысячелетия лжи, не может не верить, потому что нет у людей ничего более сильного, чем правдивое слово, но — увы! — нет и ничего более редкого!

ГПБ, ф. 150, № 379. Полное название: Мережковский Д. С. Записные книжки с его разными выписками и набросками. Дати-

руются по первой записи концом августа и последующими месяцами 1891 года.

1. *Онэ* Жорж (1848—1918), французский романист и драматург. 2. *Кок* Шарль Поль де (1794—1871), французский романист. 3. *Дюма-отец* — Дюма Александр (1802—1870), французский писатель. 4. *«Петербургские трущобы»* (1864—1867) роман русского писателя Всеволода Владимировича Крестовского (1840—1895).

Слово в парламентской речи и культура общения *

С. И. ВИНОГРАДОВ,
кандидат филологических наук

Лексике и фразеологии принадлежит особая роль в установлении стилистической тональности общения. Именно от стилистической окраски слов, словосочетаний и выражений, используемых в тексте, во многом зависит, каким он будет — книжным или разговорным, сухо-официальным или интимно-непринужденным, торжественно-высоким или сниженно-фамильярным.

Парламентское выступление — жанр устной публичной речи, и оно, разумеется, не может претендовать на скрупулезность законодательного акта или концептуальную сложность научной статьи. Чрезмерная книжность, насыщенность словами с абстрактным значением или высокой стилистической окраской, штампами официально-делового стиля, узкоспециальной терминологией — противопоказаны устной речи, поскольку они затрудняют восприятие ее слушателями и живой контакт с аудиторией (хотя это вовсе не значит, что в парламентской речи вообще не должно быть книжной лексики, главное — коммуникативная целесообразность ее употребления).

Еще в 20-х годах прошлого столетия профессор Д. Е. Василевский, выступая на торжественном заседании Московского университета, сформулировал требования, предъявляемые к публичной речи, следующим образом: «Красноречие долженствует отличаться преимущественно краткостию и простотою. Ничто не может противустоять краткости речи, вмещающей в себе всю силу рассуждений и доводов; каждое слово ее осыпается искрами мыслей, уясняющих свойство предлагаемого предмета (...) Чем более речь уподобляется общественному разговору, тем удобнее внушить мысли свои внимающим особам и отверзать их слух ко гласу убеждения. Простота, сопряженная с краткостию выражений, сообщает красноречию те сильные черты, коими поражается сердце и побеждается ум» (Василевский Д. Е. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета. М., 1824).

Столь же, как гипертрофированная книжность, неестественны в парламентской речи нарочитое возвышение стиля, ритуальная тор-

* Окончание. Начало см.: Русская речь, 1993. №№ 2, 3.

жественность и псевдомногозначительность, что нередко приводит, по словам того же Д. Е. Василевского, к «звенящему пустословию».

Неуместное употребление торжественно-высоких слов — один из признаков недостаточного владения литературным языком, поэтому неслучайно они порой встречаются в явно ненормативных контекстах, например:

Депутат С. Я здесь могу сказать о своей телеграмме, которую направлял Михаилу Сергеевичу на XIX партийную конференцию. Там *заложены чаяния*, я считаю, моих избирателей, *на волне этой телеграммы* я попал сюда (I съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет).

Разумеется, стилистический отбор лексики и фразеологии в значительной мере определяется темой выступления, зависит от коммуникативных намерений и социальной роли говорящего. Естественно, когда иерарх православной церкви говорит: «Одной из наших задач является общенародное соборное деяние по восстановлению исторического и духовного облика нашей страны ⟨...⟩ Забота о возрождении села — это задача колоссального духовного масштаба и колоссального духовного напряжения. И церковь в свершении этого великого исторического дела вместе с вами» (II Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет). Но вряд ли уместна выспренность в речи депутата-журналиста, выступающего в ходе обсуждения кандидатур на пост Председателя Верховного Совета РСФСР:

Депутат П. «Избрание Председателя Верховного Совета — наше первое и главное откровение перед народом ⟨...⟩ Он [кандидат на пост Председателя.— *С. В.*] вошел в жизнь от имени протеста ⟨...⟩ Протест есть деяние разума, воли, мужества, ибо он жертвенен» (Шум в зале) (I Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет). Сомнительно, чтобы такая тяжеловесно-торжественная риторика могла убедить аудиторию, и в этом смысле ремарка «Шум в зале» весьма красноречива.

Публичная, в том числе парламентская речь принципиально открыта для разговорно-сниженной лексики, которая свободно обращается в выступлениях депутатов. Причины этого понятны: во-первых, разговорные слова и обороты, включая сюда пословицы и поговорки, делают общение более непринужденным, позволяют удерживать контакт с аудиторией; во-вторых, они могут выразить самый широкий спектр оценок и эмоциональных состояний человека — гнев, раздражение, неодобрение, презрение, пренебрежение, сарказм, иронию. Вполне уместны, например, экспрессивно-сниженные слова и фразеологизмы в следующем контексте (фрагмент выступления депутата-ученого): «Диалектика борьбы части и целого, Союза и входящих в него частей — это норма, это нормально. В этой борьбе должны выковаться права и обязанности тех и других. Кроме того, суверенизация ведь подразумевает ⟨...⟩ баланс прав, обязанностей и

ответственности. К сожалению, мы не сразу это осознали как в сфере демократизации, так и в сфере суверенизации, некоторые наиболее, так сказать, *шустрые суверены* почувствовали бремя ответственности за эту суверенизацию, то есть за права, которые они себе присвоили. И это нормальный ход событий, но полезней было бы заранее прогнозировать такой ход событий, а не *шарахаться из стороны в сторону* (...) Правительство, конечно, и существует, чтобы при случае его посылать в отставку, потому что это та наиболее гибкая, сменяемая часть в органах власти, на которую *вешают всех собак*. Так принято во всем мире (Сессия Верховного Совета СССР. Радиотрансляция, 1990, 17 ноября). Сниженная, разговорная лексика, как мы видим, в публичной речи вполне может сочетаться с аналитической и даже концептуальной информацией, более того — может способствовать восприятию содержания выступления.

«Снижение стиля» в парламентских выступлениях допустимо, разумеется, лишь в определенных пределах. Существует, по крайней мере, три типа ограничений.

Первый — это ограничения, связанные с темой, жанром, коммуникативными намерениями говорящего. Трудно представить, что слова и фразы наподобие приведенных выше встретятся в официальном докладе на ответственную политическую тему или ориентированном на «пафосность» монологе.

Второй — это ограничения, которые условно можно назвать стилистическими: в парламентской речи все же вряд ли допустимы слова с «предельными» экспрессивными характеристиками, например бранная и вульгарная лексика. Поэтому нельзя считать приемлемой такую, скажем, фразу, которой неожиданно закончил свое выступление один из депутатов: «И последнее, товарищи, не ссылайте к нам в Сибирь, извините, сволочь со всей страны» (I Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет).

Наконец, ограничения третьего типа носят этический характер. Каким бы пустым или ошибочным ни представлялось выступление кого-либо из коллег-депутатов, непозволительно выражать свое отношение при помощи таких слов и оборотов, как *треп*, *бред*, *нечего ахинею нести*. Сколь бы малосимпатичными ни казались политические оппоненты, элементарные нормы приличия накладывают запрет на то, чтобы называть их «толпой подонков».

Завершая разговор об использовании в публичной речи слов и словосочетаний, относящихся к разных пластам лексики и фразеологии русского языка, уместно привести чеканную и лингвистически точную формулу А. С. Пушкина, вполне применимую к полифоничным текстам парламентских выступлений: «Истинный вкус состоит не в безусловном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, а в чувстве соразмерности и сообразности».

Одно из важнейших условий культуры речи — неукоснительное соблюдение норм литературного языка. Норму словоупотребления можно определить, во-первых, как использование в текстах только тех слов и устойчивых словосочетаний, которые входят в лексико-фразеологический состав литературного языка (употребление нелитературных фактов должно быть мотивировано какими-то специальными коммуникативно-стилистическими заданиями), а во-вторых, как соответствие употребляемых в текстах слов и фразеологизмов эталонным единицам (в типичном случае, хотя и далеко не всегда, они зафиксированы в словарях).

Что касается первого из указанных измерений нормы, то отступление от нее в этом случае заключается в немотивированном использовании нелитературной лексики и фразеологии — диалектизмов, жаргонизмов, просторечия.

Диалектизмы, составляющие словарь русских народных говоров, то есть территориальных языковых образований, редко встречаются в парламентской речи. Это вполне закономерно потому, что, во-первых, диалекты сегодня вообще испытывают сильное воздействие со стороны литературного языка, а, во-вторых, выходцы из диалектной языковой среды при переходе к общению на литературном языке довольно быстро утрачивают специфическую диалектную лексику, при этом долго сохраняя черты диалектного произношения (достаточно вспомнить особенности южнорусского произношения в речи некоторых бывших руководителей государства). И все же отдельные диалектизмы и полудиалектизмы (генетические диалектизмы, вошедшие в более широкий обиход) могут быть «опознаны» в речи парламентариев. Можно указать, например, на сакраментальное «Обождите, товарищи» в устах спикера бывшего союзного парламента — уроженца Смоленской области, где как раз распространен глагол *обождать*. Иногда диалектизмы (или экс-диалектизмы) используются для придания речи экспрессивности, для выражения оценки: «Вся беда в том, что мы пока далеки от правового государства. Сегодня такой *раскардаш* идет в стране, сегодня в таком состоянии Закавказье, Прибалтика, Молдавия» (Сессия Краснодарского краевого совета народных депутатов. Советская Кубань. 1990. 30 авг.). В целом же употребление областных слов в выступлениях депутатов носит спорадический, нерегулярный характер. Хотя диалектная лексика, аккумулировавшая в себе историю быта и культуры народа, особенно в пословицах и поговорках, среди которых столько метких, ярких выражений, вполне может рассматриваться как важнейший источник обогащения парламентской речи.

Жаргонизмы, то есть слова и фразеологизмы, характерные для словоупотребления той или иной социальной группы людей (возрастной, профессиональной), «в чистом виде» в речи парламентариев также встречаются нечасто. Скорее можно говорить об употреблении

«жаргоноидов» — слов и словосочетаний, хотя и генетически связанных с жаргонами и несущих на себе отпечаток своего происхождения, тем не менее уже вошедших в состав экспрессивно-сниженной лексики литературного языка. Таковы, например, слова *зациклиться*, *зарубить* (в парламентском обиходе — не избрать, не утвердить, проголосовать против), *порнуха*, *тусовка* и под. Некоторые генетические жаргонизмы могут приобрести в тот или иной момент большую популярность. К ним можно отнести, например, существительное *беспредел*. По происхождению это лагерное слово, обозначающее беспредельную власть «авторитетов» «на зоне», связанную с беззаконием, крайней жестокостью и насилием. Благодаря публикации «Огонька» оно приобрело широкую известность и, оказавшись созвучным эпохе, стало использоваться при характеристике разного рода негативных явлений (преступности, экономического хаоса, отступлений от правовых норм) в разных сферах и ситуациях общения, не исключая парламентскую речь:

Депутат Б. Буквально через несколько месяцев после принятия Закона о кооперации (...) под лозунгом «Все, что не запрещено,— разрешено» начался беспредел мафии под видом живого творчества масс (IV Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет). Такое употребление жаргоноида вполне нормативно.

Просторечие, под которым понимают нелитературную (преимущественно городскую) разговорную речь, обладает, как говорят лингвисты, наибольшей нормативной маркированностью, то есть оно наиболее очевидным образом противостоит литературному языку. Относящиеся к просторечию факты, не обладая какими-либо особыми экспрессивными и стилистическими свойствами, во всех случаях выступают лишь как показатели ненормативности речи. Употребление просторечного слова или фразеологизма — всегда ошибка. Отступление от нормы особенно заметно в этом случае по той причине, что многие просторечные слова воспринимаются на фоне своих безусловно литературных эквивалентов, от которых они часто отличаются лишь несколькими звуками, приставкой или суффиксом: *вовнутрь* (при литературном *внутрь*), *вскорости* (правильно *вскоре*), *задаром* (нужно *даром*), *попервости* (верно *первоначально*, *сначала*).

Между тем именно просторечными словами порой обильно уснащена речь депутатов и представителей исполнительной власти. Некоторые фразы вообще могут восприниматься как цитирование зощенковских героев: Полномочия спустить наниз; Еще одно выступление, и я закругляю (*закруглять*, *закругляться* вместо *заканчивать*, *завершать* — весьма распространены в парламентской речи, хотя это явное просторечие); Микрофоны нужно перенести немножко взад (это уже прямо по Зощенко — сразу вспоминается незабвенная «Аристократка»: Тут ударила мне кровь в голову.— Ложи,— говорю,— взад! А она испужалась. Открыла рот. А во рте

зуб блестит). Просторечие — лакмусовая бумажка литературной нормы, и использование в речи разного рода словечек типа *напополам, сперва, скомпенсировать, закругляться, навряд ли* может серьезно подорвать репутацию депутата.

Многочисленны и разнообразны отступления от нормы, которые можно квалифицировать как несоответствие слова или фразеологизма эталонной (общепринятой, словарной) единице.

Это, например, ненормативные трансформации формы слов и словосочетаний — неправильное произношение и ударение, ошибочное образование грамматических форм: *бюллетни, побережется, начать, произведенный, договора, приедьте* при нормативных *бюллетени, побережется, начать, произведенный, договоры, приезжайте.* Часто такие ошибки являются рудиментами, то есть остаточными явлениями, диалектов и просторечия.

Применительно к фразеологизмам наиболее типичны следующие отступления от нормы: замена компонента (*играть значение* вместо *иметь значение,* при *ближнем рассмотрении* вместо при *ближайшем рассмотрении*); опущение компонента (*посыпать голову* вместо *посыпать голову пеплом, раскинуть* вместо *раскинуть умом* или *раскинуть мозгами*); вставка лишнего компонента (*проглотить горькую пилюлю* вместо *проглотить пилюлю, отдать должную дань,* вместо *отдать дань*).

Самым распространенным типом лексической ошибки является употребление слова в несвойственном ему значении. Между тем это такой вид отступления от нормы, который может стать помехой в общении, обернуться коммуникативным недоразумением или стилистическим курьезом. Вот несколько примеров из парламентской речи.

На заседании съезда выступает председатель секретариата и «выражает соболезнование» аудитории в связи с тем, что разосланные телеграммы с вызовом на съезд привели к определенным неприятностям, так как некоторых адресатов в это время не оказалось дома. Причем говорится это без тени иронии, без какого-либо намека на языковую шутку (V Съезд народных депутатов РСФСР. Телетрансляция. 1991, 15 июля).

На I съезде народных депутатов РСФСР один из парламентариев, явно желая дискредитировать кандидата на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, делится с аудиторией своими разысканиями в области этимологии английского слова: «В своих выступлениях и речах уважаемый мною Борис Николаевич не раз ставил вопрос об „импичменте“ для первого лица государства. Вот здесь я целиком и полностью согласен с претендентом на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, тем более что дословный перевод с английского „импичмент“ означает „шаловливый мужчина“» (Аплодисменты. Шум в зале) (I съезд народных депутатов РСФСР. Сте-

нографический отчет). На эту недвусмысленную эскападу отвечает другой депутат, справедливо говоря о том, что политический термин «импичмент» означает определенно процедуру привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства и по происхождению никак не связан с сочетаниями «шаловливый мужчина» и «шаловливый мальчик» (действительно, между английскими impeachment и impish «проказливый, злой» нет ничего общего); более того, резонно усматривая в этом лингвистическом откровении попытку оскорбить кандидата, он требует принести извинения. Таким образом, ситуация компрометации перерастает в ситуацию самокомпрометации: стремление уязвить политического оппонента оборачивается саморазоблачением (незнание точного значения распространенного политического термина, попытка истолковать его в духе «народной этимологии», невысокая политическая культура, отступление от этических норм общения).

Отступление от значения эталонной лексемы (а следовательно, и от нормы словоупотребления) иногда приобретает характер лексической инфекции. Глагол *определиться* никогда не имел значения «выработать позицию, принять решение», но под влиянием идиостиля (т. е. индивидуальных речевых особенностей) некоторых политических деятелей именно в этом значении он не только утвердился в парламентском узусе, но и вошел в массовое употребление. Судьба этого слова окончательно станет ясной только в будущем, однако нужно учитывать, что распространенность факта еще не свидетельствует о его нормативности, так как норма, по определению, явление не статистическое, а типическое.

С неточным знанием значения того или иного слова связан такой вид лексической ошибки, как смешение паронимов (от греч. para — возле, при и onoma — имя), то есть близких по звучанию, но разных по значению слов. Неправильно говорить, например, *проистекают процессы* вместо *протекают процессы* (*проистекать* означает возникать, появляться из чего-либо); *душевное потребление* (нужно *душевое потребление*, т. е. потребление на душу населения); *представить слово* (правильно *предоставить слово*); депутаты не могут *демонстрационно* покинуть зал — они могут это сделать *демонстративно.*

Еще одним типом лексической ошибки является плеоназм (от греч. pleonasmos — переизбыток). Плеоназмом называют создание избыточных сочетаний, где одно из слов оказывается излишним, поскольку присущее ему значение уже выражено другим словом. Примером плеоназма могут служить такие обороты, как *толпа людей* (а из кого еще может состоять толпа?), *нравственная порядочность* (трудно представить безнравственную порядочность), *январь месяц* (январь — само по себе название месяца). Крайний случай плеоназма — тавтология (от греч. tauto — то же самое и

logos — слово), то есть буквально — повторение одного и того же. Тавтология относится к числу наиболее грубых ошибок словоупотребления, однако с высокой парламентской трибуны нет-нет да и донесется словесный перл наподобие сочетаний *всевозможные возможности, значительное по значению событие, поддержка наибольшим большинством парламента, в отношении отношения к руководству* и т. д.

Разумеется, подобные построения свидетельствуют прежде всего об отсутствии должного внимания депутатов к собственной речи.

Очень распространенной в парламентской речи ошибкой является нарушение норм лексической сочетаемости слов. Дело в том, что каждая лексема обладает ограниченной валентностью: она может объединяться с одним словом, но не вступать в сочетания с другими, пусть даже близкими первому по значению. Нельзя сказать: «Поезд приехал вовремя». Следует говорить: «Поезд пришел вовремя» или (в деловой речи): «Поезд прибыл вовремя». Вот лишь немногие примеры явно ненормативных, иногда просто алогичных оборотов, заимствованные из текстов выступлений на съездах и заседаниях сессий: *я с этим очень согласен, не сказать своего голоса, проголосовать вручную, сделать подпись в документе, удовлетворить престиж, у нас есть альтернативные люди, устроить деструкцию, борьба за личные амбиции* и т. д.

В некоторых случаях неправильное словоупотребление сопровождается неудачным построением фразы. В результате появляются стилистически ущербные построения, почти всегда курьезные, часто вообще находящиеся за порогом здравого смысла: Мы долго думали о тех процессах, которые протекают с точки зрения самостоятельности республик; Вопрос межнациональных отношений самый тонкий, ранимый такой; Амплитуда выхода из КПСС намного превышает тех, кто в нее вступает; Мы собрались на съезд, чтобы узнать место, где мы находимся; Неужели мы этими моментами хотим удовлетворить избирателей? Вы не возражаете, если мы немного обсудим этот вопрос, примерно в пределах шести микрофонов? Меры социальных гарантий были широко оповещены; Это самая серьезная ошибка, которую бы мы сегодня могли вместе принять. Угроза голода и холода не стоит.

Итак, нормы словоупотребления синтетичны, равно как синтетической единицей языка является само слово. Безукоснительное следование этим нормам — важнейшая составляющая культуры речи. Пусть не всегда ошибки в употреблении лексики и фразеологии ведут к непониманию или неверному пониманию, но они всегда направлены против говорящего, затрудняя контакт с аудиторией и снижая в глазах слушающих его ораторский и личностный образ.

* *
*

Слово — один из инструментов профессиональной деятельности парламентария. И от того, насколько богат его лексикон, насколько развито у него умение правильно, точно и уместно использовать словарный запас, согласуя словоупотребление с теми целями, которые он ставит перед собой, и ситуацией общения, во многом зависит результат его работы.

ИЗ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ *

Л. П. КАТЛИНСКАЯ,
доктор филологических наук

Евродоллары (англ. eurodollars). Банковские депозиты в долларах, размещенные за пределами США.

Застой. Исторический период от второй половины 60-х годов до первой половины 80-х в СССР, характеризующийся экономической и политической стагнацией.

Золотая банкнота. Денежный знак, обеспеченный золотом. *Государство должно приступить к чеканке золотых монет и одновременно эмиссии специальных «золотых» банкнот, которые можно будет покупать на рубли по твердому курсу, а на банкноты — золото* (из газет).

Имидж (англ.— image «представление, образ»; термин в литературе, живописи: ср. имажинизм). Представление о ком — чем-л. со стороны внутренних, характерных свойств и внешнего облика, формирующих образ личности или явления в их восприятии окружающими людьми или обществом в целом. *Стремление создать себе демократический и.* (из газет). *У артиста своеобразный и.* (из средств массовой информации).

Импи́чмент (англ. impeachment). Процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства. *Парламент мог бы пойти на импичмент, если бы сам оставался на высоте* (из газет).

Импортная квота (англ. import quota). Форма государственного регулирования внешней торговли, предполагающая установление количественных ограничений на ввоз в страну определенных товаров (например, определенного числа автомобилей в течение года).

Инвестиции (нем. Investition < лат. investire «облачать»). 1. Вложения в основной капитал и материально-товарные запасы для развития производства. 2. Вложения средств в активы с целью

* Начало см.: Русская речь. 1993. №№ 2, 3.

получения дохода. И. в ценные бумаги позволяют только получать доход, прямые и. предназначены также для участия в управлении компанией. *Не следует возлагать больших надежд на западные и.* (из газет).

Индексация, индексирование (лат. index «указатель, список»). Способ защиты от инфляции путем привязки суммы зарплаты, контракта, кредита и т. п. к индексу роста цен: сумма растет параллельно с ростом цен. *И. пенсий и зарплаты раз в квартал* (из выступлений депутатов ВС РФ).

Инициировать (< лат. initium «начало»). Побудить (побуждать) к началу какого-л. дела. *Забастовка и. безответственным поведением руководящих структур* (из газет).

Институционализированный, институционализация (лат. institutum «установление, учреждение»). Представленный в виде соответствующих социальных институтов; возведенный в ранг социального института. *Реформа делала шаг от гласности к реальному, институционализированному демократизму* (из газет).

Интуитивизм (философ.). Один из видов эмпиризма как учения о том, что знание основано на опыте. *И. можно назвать универсалистическим эмпиризмом, потому, что согласно этому учению все виды бытия даны в опыте, следовательно, существует много видов опыта* (Н. О. Лосский. Характер русского народа).

Инфляция (< лат. inflatio «вздутие»). Безудержное увеличение находящейся в обращении массы бумажных денег, сопровождающееся их обесценением и неостановимым ростом цен. *В январе и. достигла пятидесятипроцентной отметки* (из газет).

Инфраструктура (< лат. infra «под» + структура). Вспомогательные составные части устройства экономической жизни страны или отдельных территорий, обеспечивающие их нормальную жизнедеятельность; в экономическую и. входят транспорт, связь, жилье, коммуникации, коммунальное хозяйство, образование и профессиональное обучение, от состояния которых зависит общественное производство. *Создание и. микрорайона* (из газет).

Ипотека (< греч. hypothēkē «залог, заклад»). Закладная на недвижимость, под которую получается кредит. И. дает право кредитору распоряжаться имуществом заемщика в случае невыполнения им своих обязательств.

Кабельное телевидение. Система телевизионного приема через кабельную сеть телевидения, ведущегося из самостоятельной студии.

Карго (англ. cargo). Перевозимый на судах и подлежащий страхованию груз (термин используется в контрактных и транспортных документах в случае отсутствия точного наименования груза).

Киднэппинг (англ. kidnap). Похищение людей, главным образом,

детей, с целью получения выкупа. *Управлением по борьбе с терроризмом проведена операция по ликвидации вооруженной группы, промышлявшей к.* (из газет).

Клиринг (англ. clearing). 1. Система безналичных расчетов путем зачета взаимных требований и обязательств. 2. Система двусторонней торговли на основании межгосударственного соглашения, при которой импорт и экспорт должны балансироваться: сальдо не должно превышать оговоренной соглашением суммы (лимит технического кредитования).

Коммерциализация. Широкое внедрение в производственные отношения системы купли-продажи, направленной на получение прибыли и сверхприбыли. *«Коммерциализация» государственных предприятий до их акционирования или прямой приватизации должна рассматриваться только как промежуточная мера, без которой на данном этапе не обойтись* (из газет).

Коммерческий банк (англ. commercial bank). Банковское учреждение, специализирующееся на приеме депозитов, краткосрочном кредитовании и расчетном обслуживании клиентов.

Коммунитарность (философ.). Обращенность к проблемам общества, отражающая исконные русские искания универсальной социальной правды. *Русским одинаково свойственны персонализм и коммунитарность. В Достоевском соединяется и то и другое* (Н. Бердяев. Русская идея...).

Комплементарный, комплементарность (< лат. complementum «дополнение»). Дополнительный (дополнительность). *И все же его* (языка межнационального общения) *чертой выступает комплементарность, т. е. дополнительность по отношению к родным языкам пользующихся им для общения друг с другом наций, которые в норме пользуются родным языком...* (В. Г. Костомаров. Мой гений, мой язык).

Конверсия (лат. conversio «превращение, изменение»). Перестройка предприятий военно-промышленного комплекса в направлении их переориентации на производство товаров невоенного назначения. *Слово «конверсия» мы услышали в 1988 году* (из газет).

Конвертируемость и конвертация (англ. convertibility). Режим национальной валюты, характеризующийся отсутствием ограничений по текущим операциям (торговле товарами и услугами), рыночным валютным курсом.

Конвертируемые валюты (свободно обратимые валюты) (англ. convertible/hand currencies). Валюты, которые повсеместно принимаются в платежи по текущему рыночному курсу. Денежные единицы, свободно, без ограничений, обмениваемые на другие национальные валюты и международные платежные средства всеми категориями юридических и физических лиц по всем видам операций.

Коносаме́нт (фр. connaissement «расписка в получении груза»). Товарораспределительный документ с кратким описанием товаров и условий перевозки; подписывается владельцем судна и отправляется получателю груза; может быть документом на предъявителя, а также именным в виде приказа отправителя или получателя.

Консенсус (< лат. consensus «согласие, единодушие»). 1. (юрид.) Принятие решения или текста договора на международных конференциях, совещаниях на основе общего согласия участников без проведения формального голосования. 2. (Офиц.) согласие. *Достичь к. Стремиться к к.*

Консорциум (< лат. consortium «соучастие, сотоварищество»). Временное договорное объединение фирм, компаний, банков для осуществления конкретных экономических или финансовых проектов и операций, или для предоставления кредита третьим лицам.

Контрольный пакет акций. Индивидуальный пакет акций, находящийся в руках одного владельца или коллективного акционера, достаточный для полного контроля за деятельностью акционерного общества.

Контрагент (< лат. contrahens/contrahentis «договаривающийся»). Лицо или учреждение, принявшее на себя те или иные обязательства по договору; каждая из сторон в договоре по отношению друг к другу.

Конфессия (< лат. confessionalis «вероисповедный, церковный»). Каждый отдельный вид вероисповедания и соответствующих церковных установлений (православный, католический, протестантский, иудейский и т. п.). *Соглашение между разными к.*

Копирайт (англ. copyright). Авторское право.

Корпоративизация. *Объединение предприятий в корпорацию.*

Легитимность (< лат. legitimus «законный»). Соответствие законоположениям.

Лизинг (англ. leasing). Аренда имущества (машин, оборудования, транспортных средств и т. п.) у кредитора — лизинговой компании, приобретшей объекты производственного назначения с целью сдачи их в аренду фирме-арендатору на условиях постепенного погашения задолженности.

Оперативный лизинг. Краткосрочная аренда.

Финансовый лизинг. Долгосрочная аренда, являющаяся формой кредитования товаров длительного пользования.

Ликвидность (англ. liquidity, фр. liquidite < лат. liquidus «текучий»). Способность компаний и банков к быстрой и легкой реализации активов путем превращения статей актива в деньги для оплаты обязательств по пассиву; возможность оперативной мобилизации кредитов, сбалансированность активов и пассивов по срокам.

Листинг (англ. listing). Предпродажная проверка ценных бумаг на реальную обеспеченность активами. *Фондовые биржи ввели у себя л.* (из газет).

Лицензия (< лат. licentia «разрешение»). Выдаваемое компетентными государственными органами разрешение на ведение некоторых видов хозяйственной деятельности, в том числе внешнеторговых операций (экспортная и импортная лицензия).

Лот (< фр. lot «жребий»). Выставленный для продажи на аукционе предмет торга. *В списке лотов две булочные* (из газет).

Люмпенизация (< нем. Lumpen «лохмотья»). Превращение в деклассированных, опустившихся людей. *Л. рабочих и работников управленческого аппарата* (из газет).

Маргинал (< лат. marginalis «находящийся на краю»). Человек, занимающий промежуточное место между какими-л. социальными общностями (национальными, классовыми, культурными). *Классическая, эталонная фигура маргинала — человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий...* (Е. Стариков. Маргиналы или размышления на старую тему... / Знамя. 1989. № 10).

Ма́ркетинг (англ. marketing, < market «рынок»). Комплекс организационных, рекламных и других мер, обеспечивающих устойчивый сбыт продукции; прогноз спроса и возможности морального устаревания товара, правильный выбор цены, рекламная стратегия и т. д.

Ме́неджмент (англ. management «управление, заведование, организация»). Совокупность принципов, методов, средств и форм управления производством, применяемых с целью повышения его эффективности и увеличения прибылей.

Менталитет (нем. Mentalität «склад ума, образ мысли»; лат. mentalis «мысленный»). Умонастроение, мировосприятие, образ мысли. *Изменились цели, политические установки, а восприятие мира, менталитет, образ действия — прежние* (из газет).

Ментальность (польский mentalność, то же и umysłowość образ, способ мышления; «склад ума»). То же, что менталитет. *Произошла смена м.* (из газет).

Монито́ринг (англ. monitoring < лат. monitor «предостерегающий»). Электронная система для получения оперативной информации о состоянии рынка в каждый данный момент; информация вызывается на экран путем нажатия нужной клавиши. *Биржевой м.*

Натурализация. Процедура обоснования законного права на гражданство, предусмотренная в Литве для некоренных жителей. *Беспрецедентная деятельность властей преследует цель резко сократить число лиц, подлежащих натурализации* (из газет).

Норма прибыли. Средняя расчетная прибыль производителей (после выплаты налогов, заработной платы и т. д.).

Ноу-хау (англ. Know-how «знать как»). Совокупность технических, коммерческих, производственных и т. п. секретов, знание которых необходимо для освоения технологии изготовления данного изделия или продукта. Ноу-хау оформляется в виде технической документации, навыков и производственного опыта, необходимых для организации того или иного вида производства, но не запатентованных.

«ПО ФЕНЕ БОТАЮ — ТЮРЬМУ СХЛОПО́ТАЮ»

М. А. ГРАЧЕВ,
кандидат филологических наук

Писать о речи деклассированных элементов вплоть до последнего времени было как-то не принято: считалось, что такие негативные явления, как профессиональная преступность, коррупция, проституция — лишь отдельные случаи, а не социальные болезни нашего общества, которые нуждаются в серьезном лечении.

Сейчас арго широко используется в художественной литературе при изображении тюремной или лагерной жизни заключенных. Таких произведений с полным набором соответствующей лексики в последние годы появилось достаточно много. Издаются словари блатной музыки, воровского жаргона и т. п. И мы увидели, что это совершенно особый язык, отражающий особые представления о жизни, человеческих ценностях, взаимоотношениях между людьми и т. п.

Предлагаемые вашему вниманию заметки о языке деклассированных элементов дают возможность заглянуть в этот мир — не ради праздного любопытства, а чтобы доподлинно знать, что стоит за тем или иным блатным словечком, которыми стало модно щеголять и в разговорной речи, и в печати, и в литературе, и в кино. Может быть, такое знакомство в какой-то степени повлияет на отношение к арготизмам, и прежде чем «блеснуть» каким-то выражением, кто-то и задумается...

Арго вырабатывалось стихийно, оно непонятно для непосвященных (законопослушной части населения), и эту непонятность уголовный мир нередко использует в своих противоправных целях. Преступники прибегают к арготизмам, чтобы скрыть свои намерения, легче совершить преступление. Вот диалог следователя с потерпевшим:

Следователь. О чем говорили эти люди (грабители.— *М. Г.*)?

Потерпевший. Перед ограблением я слышал только одну фразу,

но не понял ее: «Бери за свисток фуцена, а я распрягу его» (Бери за горло жертву, а я сниму с него одежду.— *М. Г.*).

Еще пример. В троллейбусе один человек сказал другому, кивнув в сторону женщины: «Ласкай у шубы крабы» (воруй золотые часы у женщины.— *М. Г.*). Эту речь понял стоявший рядом сотрудник уголовного розыска. Преступники были задержаны с поличным (Версемеенко Ю. В микрорайоне лейтенанта Беляева // Правда, 1982. 21 сент.).

Иногда уголовный мир использует арготизмы в письмах из мест лишения свободы. Вот характерная выдержка из такого послания: «Пришлите Кате триста поцелуев» (Пришлите триста граммов наркотического вещества — *М. Г.*).

Язык «дна» родился не сегодня. У него богатое прошлое, великолепно описанное Вс. Крестовским, В. Дорошевичем, зафиксированное в словарях В. Даля, С. Максимова, В. Попова и В. Трахтенберга.

В книге М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (М., 1779) есть любопытный пример употребления арготизмов в конспиративных целях. Знаменитому вору Ивану Осипову по кличке Каин, который был закован в кандалы и заключен в тюрьму, сообщники передали калач с запиской, написанной на арго. В ней имелась следующая фраза: «Триошка качела, стромык сверлюк стракторило». Стража не поняла, а В. Каин узнал, что «тут ключи в калаче для отпирания цепи». Побег удался.

В настоящее время существует мнение о быстрой смене арготизмов. Будто бы деклассированные элементы, узнав о том, что значение их слов стало известно широким массам людей или даже отдельным представителям правоохранительных органов, стараются заменить их другими. Эта наивная сказка дожила до наших дней по той причине, что арго не было полностью исследовано. Если бы так было на самом деле, то уголовникам пришлось бы очень туго: они были бы вынуждены обновлять значительное количество слов через короткие промежутки времени, допустим, через 2—3 года. Действительно, представители правоохранительных органов, работающие в местах лишения свободы, неплохо знают большую часть общеуголовного арго, оперативные работники, специализирующиеся по борьбе с ворами-карманниками, прекрасно разбираются в «терминологии» своих «подопечных». И тем не менее арго не обновляется полностью. Основной костяк слов довольно устойчив. Из трех тысяч дореволюционных арготизмов, обнаруженных нами, в современное арго перешло около пятисот. Причем есть такие слова, которые пришли от волжских разбойников XVII в.

В середине XIX века преступники, если не знали человека, если

сомневались в его принадлежности к уголовникам, спрашивали: «Ходишь по музыке?» (Совершаешь преступления? — *М. Г.*). В двадцатых годах XX века спрашивали: «Свой? Стучишь по блату?» (Преступник? Говоришь на арго? — *М. Г.*). Нынешние деклассированные могут задать вопрос: «По фене ботаешь?» (Говоришь на арго? — *М. Г.*). Герой романа Г. Медынского «Честь», профессиональный преступник, спрашивает случайно оступившегося правонарушителя Антона Шелестова: «По фене ботаешь?» И, видя, что тот не понимает этого выражения, делает вывод, что Шелестов не «свой».

В арго имеются любопытные контрасты: любовь — измена, друг — враг, уголовник — честный человек. В нем нет полутонов. Есть два цвета: черное и белое. Причем белым считается, по мнению уголовников, то, что они делают, а все остальное — черное, враждебное.

Воровская философия (а арго — это ее часть) делит всех людей на суперменов и неполноценных. Суперменом, конечно, является профессиональный преступник, а неполноценным — любой человек, не относящийся к преступному миру. Это отчетливо проявляется в названиях деклассированных элементов. У них слово *люди* обозначает профессиональных преступников, *честняк* — «честный вор; лицо, честно соблюдающее воровские традиции», остальные же — даже не люди, а какие-то зоомифические существа: *олени, крысы, черти* и т. д.

У них все мерзавцы, подонки, дураки и предатели. В семнадцати тысячах современных арготизмов мною обнаружено около шестисот названий подобных категорий людей (*валет* — «дурак», *стукач* — «доносчик», *ишак, шестерка* — «подхалим»).

Л. Гумилев назвал арго языком, который ненавидит. Я бы добавил: и зло смеется над тем, что против него и что для него непонятно. «Арго,— писал Д. С. Лихачев,— есть явление своеобразного мироощущения. Произнося арготическое слово, человек символизирует свою нечувствительность к враждебным и неприятным воздействиям. Цель арго — высмеять враждебную стихию (Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1965).

Враждебная стихия для преступников — все честные люди. И особенно — представители правоохранительных органов (*мусор* — «представитель правоохранительных органов», *судак* — «член суда», *ходик* — «патрульный милиционер», *мирошка, мирон никитич* — «мировой судья», *легавый* — «сыщик, следователь», *вертухай* — «надзиратель в местах лишения свободы»).

Злая насмешка, пренебрежение звучат в арго и по отношению к женщине: *белка, кошка, коза, крыса, кобра, курва, бикса, свиноматка*... Этот ряд можно продолжать до бесконечности. В арго нет слов, которые обозначали бы любовь. Вместо *влюбился* деклассси-

рованные говорят: *влопался, втюрился, упал*... Профессиональные преступники утверждают, что по-настоящему они любят только одну женщину — мать. Однако анализ арготизмов утверждает обратное. Мать уголовники называют *мотайкой, мотаякой, матухой.* Как видим, и это слово у них искажено, извращено. Но кого же они называют для всех нас святым словом: мать? *Мама* у деклассированных элементов — это женщина, главарь преступной группы или игральная карта (дама). Даже татуировка «не забуду мать родную», выколотая на теле преступника, имеет в виду не мать, породившую его на свет, а воровскую шайку, членом которой он является.

Известно, что Ф. М. Достоевский оценивал героя по его отношению к детям. А как к детям относятся уголовники? В арго дети называются *грызунами, потрохами, скорпионами, спиногрызами*...

Кого же любят преступники, кому или чему поклоняются? Любить они никого не любят, а поклоняются деньгам. В арго 340 обозначений денег: *бабки, маньки, сара, сарепка, желтуха* и т. д. Для таких слов характерна только положительная экспрессия.

В арготизме с самого начала заложено критическое отношение к действительности. Деклассированные элементы упрощают, как бы обнажают некоторые стороны жизни, односторонне сгущают нужное им значение слова. Так, к примеру, общенародное слово *выдавать* в значении «предавать» не нравится уголовникам, так как оно не содержит отрицательной экспрессии. Арготизм же *продавать* охватывает только часть этого понятия — «выдавать товарищей по преступной шайке с целью облегчения своей участи». Объем арготического слова гораздо меньше, чем у общенародного. Большинство слов имеет только одно значение. Так, слово *убить* в общенародном языке может быть и частью словосочетания — *убить целый месяц* (в значении потратить), арготические же синонимы *заделать, грохнуть, урыть* могут употребляться, в основном, со словом «человек», очень редко со словом, обозначающим животное, и никогда — со словом «месяц».

В арго очень мало абстрактных существительных, так как уголовники не любят заумные вещи — им нужна конкретность. В их лексиконе не найдется слов, относящихся к науке, искусству, литературе. Небогат блатной язык и названиями явлений природы. Это и понятно: ведь то, что окружает вора, нищего, проститутку, является, чаще всего, низменным и циничным. А арго, как зеркало, концентрированно отражает образ жизни этих людей. Бедный язык есть следствие примитивного мышления и кругозора. Конечно, при анализе мы используем обобщенный образ деклассированных элементов. Нельзя забывать, что среди них есть лица и с высшим образованием, но в основном — это люди с незаконченным средним, а если брать прошлое — то и совсем безграмотные.

Арго мыслит не понятиями, а образами, оно больше воздействует на чувства, чем на разум. Не случайно арго деклассированных элементов называлось *музыкой* и позже — *блатной музыкой*. Очень точное название: ведь музыка воздействует на эмоции, хотя сразу оговоримся, что настоящая музыка — на возвышенные, а арго — на низменные.

Арготические слова многим кажутся блестящими и остроумными, метафора — неожиданной и привлекательной. Так попадают в тину этой внешней красоты и оригинальности и тонут в арго, как тонут в трясине, которая привлекает путника, утомившегося от однообразных буреломов, миражом живописной лужайки.

Но яркая окраска и причудливость арготических слов, в большинстве своем — издевательство и оскорбление. Достаточно услышать такие слова, как *оторва* — «лагерная проститутка», *придурок* — «обслуга из заключенных в исправительно-трудовом учреждении», *змей* — «вредный человек».

В основе жизни уголовника, каким бы смелым и удачливым он ни был, лежит страх. Страх и совесть он глушит водкой, наркотиками, словами. Не случайно в арго много лихих, удалых слов, с помощью которых он как бы выражает презрение к болезни, опасности и смерти, например: *сифилёк* — «сифилис», *загиб петрович, загиб иваныч* — «смерть», *кони бросить, тапочки откинуть* — «умереть». Характерно, что подобные слова есть и в арго других языков. Так, в арго английских пиратов: *веселый роджер* — «черный пиратский флаг с изображением черепа и двух скрещенных костей», *сушиться на солнышке* — «быть повешенным», *желтый джек* — «лихорадка» и др. Такие слова — черный юмор висельника, который ужасно боится смерти.

Еще в 30-х годах Д. С. Лихачев отметил любопытную сторону жизни деклассированных элементов. «Одно из интереснейших бытовых явлений, которое нельзя обойти, чтобы понять многие языковые факты,— писал он,— это „хвастовство“» (Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М., 1935). Хвастовство и пустая бравада стали причинами появления многих арготических слов.

Преступники всячески стараются даже внешне выделиться среди законопослушных людей. Они гордятся принадлежностью к уголовному миру и стараются всячески это подчеркнуть: манерой поведения, одеждой, татуировками, лексикой. Речь уголовника вычурна. Ей свойственны неожиданные эпитеты, сравнения, обороты. Приведу отрывок из диалога преступников:

— Ты с Федькой Косым в «девятке» (номер исправительно-трудовой колонии) *чалился* (отбывал наказание)?

— Да я его там и во сне не видел!

— А чего же он на тебя кивает? Я, мол, с Лаптем четыре года

мотался, вместе *зону держали* (командовали над другими заключенными).

— *Порожняк гонит* (лжет)! За такую *лапшу* (ложь) *рога* ему *посшибаю*!

Сам процесс преступления для уголовников не есть что-либо аморальное, антигуманное, а вполне нормальная человеческая деятельность, на их языке слова: *дело, работа* — «преступление», *портняжное* или *швецовое* искусство — «воровское ремесло, основанное на краже платья», *дело грубое* — «преступление, совершенное с большим искусством», *работать* — «совершать преступления». Непосвященному может показаться, что сами названия воровских специализаций говорят в пользу того, что преступники занимаются обычной трудовой деятельностью: *слесарь* — «взломщик», *железнодорожник* — «нищий, просящий милостыню в вагонах поезда», *охотник* — «нищий высшей квалификации», *кассир* — «взломщик несгораемых касс», *стрелочник* — «сообщник шулера, сигнализирующий о картах жертвы», *стекольщик* — «вор, который специализируется по кражам в квартирах, предварительно проникнув в них через окно», *грузчик* — «убийца», «лицо, взявшее на себя вину другого человека». Под стать этим словам и названия притонов деклассированных элементов: *завод, пекарня* — «квартира, где изготовляются фальшивые деньги», *контора* — «место, где шулера собираются для обсуждения карточной игры».

Так как деклассированные элементы не хотят честно трудиться, то названий «непреступных» занятий у них очень мало. Чаще всего они обозначают профессии, которые имеются в системе правоохранительных органов и исправительно-трудовых учреждений, например: *всеведущий* — «прокурор», *кормило* — «повар в исправительно-трудовом учреждении», *бонщица* — «бухгалтер в исправительно-трудовой колонии».

В арго нет ни одного слова, которое одобряло бы труд, как, впрочем, нет ни одного воровского рассказа, поговорки, блатной песни, в которых бы он воспевался. Те, кто добросовестно трудятся, называются *бесами, работягами, дурындами.*

Подведем итог. В арго, которое создавалось многими поколениями деклассированных элементов, отразились не только различные стороны жизни людей «дна», но и их мораль, мораль мизантропа, у которого нет ничего святого, который все и вся ненавидит и ничему не верит.

Нижний Новгород

Из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского *

ИЗ СЛОВА IV ДНЯ (ОБ АСТРОЛОГИИ)

Астрологи считают, что на небесах имеется четыре места под общим названием «кентры», то есть точки [1], каждая из которых имеет свое особое имя. Одна из них называется «часоблюдец» (восток), другая «запад», есть еще одна, находящаяся посреди неба [в зените] и другая, с противоположной стороны неба, противолежащая ей, проходящая под землей. Астрологи принимают за одну из частей гороскопа [2] один знак зодиака [3]. Как мы сказали бы, приведя пример, это будет Криос, что значит Овен, посреди неба находится Егокера, то есть Козерог, на западе — Зигу, то есть Весы, с противоположной [зениту]стороны неба находится Каркин, называемый Раком [4]. (...)

Поскольку так называемые планеты являются «плавающими звездами», то и их разделяют на благотворивые, среди которых называют Диеву звезду (Юпитер) и звезду Афродиты (Венеру), и на злотворивые, среди которых имеют в виду звезду Арея (Марса) и Кронову

* Начало см.: Русская речь. 1993. №№ 1, 2, 3.

звезду (Сатурн). И только одну Армову звезду (Меркурий) считают общей для обеих сторон [5]. Астрологи учат и рассказывают о Солнце и Луне, что они имеют силу властелинов. Потом астрологи проводят круг с четырьмя «кентрами» (точками) и вычисляют с помощью числа, которое они считают истинно верным, как велят им правила счета, период движения звезд и все остальное по тому образу, что и положено им при таком исследовании. И когда найдут в четырех тех точках, что *более сильными и многочисленными являются* добротворивые звезды или, напротив, найдут места злотворивых звезд, откроют их схождения, соотношение и взаимное расположение, происходящее по их воле и определению, найдут совпадение и различие их так называемых «домов», их возвышение, и спуск, и возношение, или найдут форму звезд, по которой можно установить будущее (либо в форме трсугольника, либо в форме копья, либо нечто подобное),— когда откроют это, тогда астрологи начинают хвалиться, что могут прорицать то, что должно произойти и могут сказать, каким быть новорожденному: славным или богатым, князем ли могучим или царем мудрым, сильным, доблестным, деятельным, усердным в учении. По образу находящихся в кентрах знаков зодиака, добросердечных и терпеливых, родятся и люди добросердечные и терпеливые, кроткие, белые плотью, голубоглазые, с русыми волосами, благообразные. И еще рассказывают, что можно быть *противоположными им: бесславными и убогими, плохими, зависи*мыми, боязливыми, глупыми, слабыми, привыкшими к злу, коварными, лукавыми, тщеславными, скорыми на гнев, черными плотью, сварливыми, надменными, творящими зло.

Услышав все это, как не посмеется кто-нибудь и не поругает тех, кто, как в лихорадочном бреду, так говорит. Кто же из глубины сердечной не вздохнет и не оплачет их, поскольку только тем они заняты, что весь свой ум направили на то, что приносит им большой вред, и просто на погибель. Зачем ты бесишься, о, человек? Зачем бесчестные и хулительные слова произносишь из уст своих? Зачем становишься противником истины? Зачем искажаешь образы природные? Зачем искривляешь правые пути? Зачем так бесстыдно преступаешь пределы праведного порядка и худыми мыслями извращаешь причину творения, старшинство и управление бо́льших отдавая меньшим и считая, что человеческая жизнь подчинена управлению звезд?

Люди несравненно достойнее, славнее и лучше звезд не только потому, что имеют душу, но и потому, что они разумны, имеют свободную волю и ум. И если они что-либо хотят, то делают это, а если чего-то не хотят, то могут и не делать этого. И доброе отличают от злого, и господствуют над всеми живыми существами, которые сильнее и быстрее их, и на земле и в море, но, будучи разумными, люди могут владеть и ими, ибо они и созданы ради

них. Но и над звездами теми имеют они власть: хотя звезды и находятся над ними на такой высоте, но люди все равно могут умом своим изобретательным узнать их расположение и порядок, могут определить места их восхождения, их скорость, замедления в их движении и моменты их остановки и поворотов. Еще же и о великих светилах (имею в виду о солнечном и лунном затмениях) узнают люди за много лет вперед и предсказывают, говоря о них ⟨...⟩

Мы же добавим еще кое-что для разрушения обмана астрологов, из чего станет явным, что они говорят нам ложь, рассказывая небылицы. Если кто-то родится в один из зодиакальных, то есть «животных» знаков, то он будет таким по виду, каким был в тот момент этот знак, при этом человеческая природа, как бы сообразуясь со своим первообразом, уподобляется ему. И никто не родится чернокожим, пока небо и земля находятся в двух знаках — Деве и Рыбах [6]. По словам астрологов, те, кто рождается под этими знаками зодиака, всегда бывают белыми. И напротив, в Близнецах, Раке и Скорпионе, в тех знаках зодиака не рождается ни один из скифов, а, наоборот, рождаются все чернокожие, то есть негры. Мы же ныне видим и слышим, что все люди эфиопские, которым нет числа, рождаются черными, а у скифов все белые, редкий же бывает черным [7]. Итак, необходимо признать следующее: или нигде не существует зодиакальных знаков, которые делают людей белыми или черными, или нигде не может быть ни черных негров, ни рода белых скифов. А раз рождаются и те и другие, то не нужно ли предположить, что истинным может быть лишь одно из двух. Но так как встречаются и черные, и белые люди (ведь все знают, что в Эфиопии все черные, а у скифов все белые), то необходимо признать, что в так называемом зодиакальном, то есть «животном» круге нет знака зодиака, который может создавать это. Если бы этот круг был таков по своим свойствам, то не было бы такого множества белых людей среди скифов и столько черных в Эфиопии. Все это показывает астрологов как пустословов, речи которых построены на лжи.

Но иные, переходящие все границы и превосходящие всякую меру, помогая генефлиалогии (науке о днях рождения) ... говорят, что наша жизнь связана с движением небесных звезд [8]. Поэтому от звезд бывают знамения, показывающие, что с нами может случиться. И простое книжное выражение «Да будут на знамения» воспринимают они не как высказывание об изменениях воздушных или о смене времен, но как им нравится, так и толкуют. Ибо что они говорят? Когда движущиеся звезды (планеты) переплетаются с находящимися в зодиаке, то есть «животном» круге, звездами и, таким образом сошедшись друг с другом, составляют определенные фигуры, то становятся причиной того или иного рождения, а про-

тивоположное расположение звезд предсказывает иную судьбу
⟨...⟩

Те, что изобрели генефлиалогию, уразумев, что в большой отрезок времени от них ускользают многие из образов, полученных от расположения звезд, заключили измерение времени в возможно более тесные рамки, потому что даже быстрее, чем за один миг, как сказал Апостол, «в мгновение ока» может произойти большая разница между родившимися. Родившийся в тот момент будет властителем города, владыкой народа, очень богатым и сильным. А тот, кто родится в иное мгновение, будет нищим и просящим милостыню, станет скитаться от двери до двери.

Поэтому, разделив на двенадцать частей зодиакальный круг (ибо солнце за тридцать дней проходит двенадцатую часть так называемой неподвижной сферы), каждую двенадцатую часть они разделили на тридцать частей. Потом каждую такую часть они разделили на шестьдесят частей, из которых каждую раздробили еще на шестьдесят [9]. Полагая, что рождение младенца можно увидеть, посмотрим, могут ли в действительности очень точно определить астрологи границу мельчайшего того отрезка времени. Как только родится младенец, баба, помогающая роженице, осматривает родившегося, определяя мужского ли он пола или женского, затем ожидает крика, который является признаком жизни в новорожденном. Сколько пройдет в тот момент шестидесятых долей? Вот объявила она халдею о новорожденном. Как ты думаешь, сколько мгновений пройдет, пока она расскажет об этом, притом еще, если случится, что тот, кто хочет определить гороскоп, стоит вдали от этой жены. Тому, кто хочет правильно составить гороскоп, нужно точно определить время рождения, будет ли оно дневным или ночным [10]. Сколько шестидесятых долей протечет в этот небольшой промежуток времени! Составляющему гороскоп необходимо определить не только в какой из двенадцати частей находится звезда, но и знать, в какой из шестидесятых долей двенадцатой части, на которые, как мы сказали, разделили часть, или точнее, в какой шестидесятой доле, на которые подразделяются первые шестидесятые доли, находится звезда. И такое же точное и неуловимое определение краткого момента времени, говорят они, нужно произвести для каждой из планет, чтобы найти, какое расположение они имели по отношению к неподвижным звездам и каков был их образ по отношению друг к другу в момент рождения младенца.

Так как невозможно точно определить время рождения, а замена одного момента другим делает ошибочным все рассуждение, то заслуживают хулы те, кто занимается этой лженаукой и те, которые, разинув рот, глядят на них, как будто могут увидеть, что случится с ними.

А каковы их предсказания? Тот, говорят, кудряв и приветлив,

потому что рожден в час Овна, таков вид этого животного, но и велик, и мудр, потому что Овен — предводитель, и щедр, без печали слагает с себя руно, так как от природы снова облачится в него. Но и Тауриан, то есть Телец [11], печален и работящ, потому что находится под ярмом. И Скарпия (Скорпион) драчлив, ибо подобен зверю тому. Зукиан (Весы) правдив, так как у нас весы являются символом равенства.

Да что может быть смешнее сего? Овен, с которым ты связываешь рождение человека, есть двенадцатая часть неба, в которой бывает солнце, касаясь весенних знаков. И Ярем (Весы) и Юнець (Телец) суть также двенадцатые части так называемого «животного» круга (зодиака). Как же, считая их первопричиной человеческих жизней, придаешь рождающимся людям черты характера, взятые у скотов? Овен щедр, говоришь ты, но не потому что такой нрав создает та часть небесная, а потому, что такова по роду своему овца. Что же пытаешься уверить нас в достоверности звездных предсказаний и убедить выдумками? Если бы небо имело в себе такие свойства нравов, взяв их у животных, то это означало бы, что и само оно подчинено чужой власти, причины которой полностью зависимы от скота. Но если смешно говорить так, то еще смешнее приводить в доказательство вещи, которые ничего общего не имеют друг с другом ⟨...⟩

Если звезды каждый миг меняют свой вид, переходя от одного к другому образу, и в бесчисленных сих переменах несколько раз в день создаются образы, предсказывающие рождения царей, то почему не во все дни рождаются цари? Почему всегда отцово царство принимают сыновья в наследство? Никакой царь не может, наблюдая расположение звезд, сообразовать с ним рождение своего сына. Кто тот человек, который владеет этим? Как Озия родил Иоафама, Иоафам же Ахаза, Ахаз же Езекию? [12] И никто из них не получил рождения в час рабский?

Далее еще: если истоки плохих и хороших поступков не в нас, но по необходимости заложены в нас от рождения, то тогда напрасно сидят судьи, устанавливающие законы, которые приказывают нам это делать, а от того уклоняться. Бессмысленна и деятельность судей, которые награждают добродетели и наказывают порок. Нет ничего преступного и в воровстве и в разбое, потому что даже если бы некто хотел удержать руку от этого преступления, то все равно бы не смог, нельзя ведь убежать от того поступка, к которому понуждает необходимость.

Но всех глупее те, кто учится каким-либо ремеслам и трудится без устали. Ведь богат изобилием будет ратай, не сея в землю семян и не наточив серпа. Разбогатеет купец, хочет он этого или нет, потому что судьба соберет ему богатство. И большие надежды христиан погибнут бесследно, ибо ни правда не будет в почете, ни грех не будет осужден, так как люди ничего не творят по своему

волеизъявлению. Ведь там, где господствует необходимость и судьба, то есть рок, не бывает и малого воздаяния по достоинству, которое является большим преимуществом праведного суда.

Примечания

Предлагаемый вниманию читателей отрывок из IV Слова Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского посвящен критике астрологических воззрений древних. Это Слово, посвященное созданию в четвертый день творения «великих светил» — Солнца, Луны, а также неподвижных звезд и «плавающих» звезд — планет (см. Русская речь. 1993. № 3), содержит большой материал «на разрушение астроложской прелести». Подвергая с позиций христианского вероучения резкой критике астрологов и тех, кто верит их «басням», Иоанн Экзарх с достаточной полнотой освещает основные положения астрологии, поясняет, как составляется гороскоп, как ведут свои наблюдения астрологи и на чем основаны их предсказания.

Таким образом, в Шестодневе мы находим один из первых в славянской литературе «трактатов» по астрологии. Этот астрологический отрывок состоит как бы из двух частей: первая содержится во фрагменте, принадлежащем самому Иоанну, вторая — в переводе из Шестоднева Василия Великого. Примечательно, что в разных списках Шестоднева этот отрывок представлен с разной степенью полноты: наиболее полным является с этой точки зрения сербский список Шестоднева 1263 года. В русском списке XV в., с которого сделан настоящий перевод, астрологический текст дан в сокращенном варианте.

1. *Центр* (от греческого *kentron*) — центр, точка.

2. Слово *гороскоп* — греческое по происхождению (греч. *hora* «час, пора», *skopw* «смотрю»). В Шестодневе употребляется как сам грецизм, так и его церковнославянское соответствие, построенное по модели греческого слова: *гороскопъ — часоблюдець*.

3. Речь идет о зодиакальной и гороскопной астрологии, основателями которой являлись древние вавилоняне. Гороскопы составлялись в Вавилоне уже около 410 г. до н. э., и менее чем за три столетия они распространились по всему античному миру. Вавилонские гороскопы содержали дату рождения ребенка, положения Солнца, Луны и планет, знаки зодиака, иногда долготу в градусах в пределах знака и другие данные. Астрологов называли «магами», «халдеями». Астрология находилась в тесном взаимодействии с астрономией, так как нуждалась в астрономических наблюдениях, расчетах движения планет и т. п. Систематическое изложение астрологии содержится в книгах «Тетрабиблос» («Четверокнижия») Клавдия Птолемея.

4. Названия знаков зодиака даны в Шестодневе в двух вариантах:

на первом месте стоит грецизм (*Егокера, Зигу, Каркинъ*), его поясняет славянское название, которое зачастую отличается от соответствующего наименования в современном русском языке: *Козорожець* — Козерог, *Яремъ* — Весы.

5. Приведенный отрывок показывает, что в соответствии с античными традициями Иоанну Экзарху было известно пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). Уже пифагорейцы знали эти планеты, прибавляя к ним Солнце и Луну. Любопытно, что приведенные в Шестодневе планеты названы именами греческих богов: *Дий* — одно из имен Зевса, *Арм, Армес* — Гермес. Б. Ван-дер-Варден в книге «Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии» (М., 1991) отмечает, что уже Платон и его современники применяли только божественные имена для обозначения планет, ибо, как говорится в диалоге «Послезаконие», «божественные звезды не имеют имен, а только прозвища: они названы по именам богов Афродиты, Гермеса, Кроноса, Зевса и Ареса» (с. 195). Римляне заменили греческие названия именами соответствующих римских богов, традиция латинских названий планет утвердилась в русском языке.

6. В древнейшем списке Шестоднева 1263 года сербского извода содержится более правильное чтение: в *льва зодии парфенъ и иктуахъ*, то есть речь идет не о двух, а о трех знаках зодиака — Льве, Деве и Рыбах.

7. Последнее утверждение неясно, место испорчено во всех списках Шестоднева. Вряд ли речь здесь идет о черном цвете кожи. У слова *черныи* в церковнославянском языке имелись и другие значения: *«простой, незнатный», «тяглый, податной»*.

8. Здесь говорится о так называемой генетлиалогической астрологии, учитывающей прирожденные свойства человека, то есть о предсказаниях, основанных на выяснении зависимости судьбы человека, качеств его характера и внешних данных от взаимного расположения звезд и планет в момент рождения человека. Генетлиалогическая астрономия довольно подробно изложена Клавдием Птолемеем в III—IV книгах «Тетрабиблоса» — см. Культура древнего Рима. I. М., 1985. С. 283.

9. Речь идет о делении каждого знака зодиака на 30 градусов, во всей эклиптике содержится, таким образом, 360 градусов, каждый градус подразделяется на 60 угловых минут, а каждая минута — на 60 секунд.

10. Составление гороскопа в тех случаях, когда ребенок рождается днем и звезды на небе не видны, или ночью, когда небо затянуто облаками, было осложнено и, безусловно, требовало определенных астрономических знаний, регулярных фиксированных наблюдений и теоретически рассчитанных таблиц — см. Ван-дер-Варден. Указ. соч. С. 191.

11. В рукописи: *Таурианъ еже есть юнець.*

12. Имеется в виду династия иудейских царей, история правления которых изложена в IV книге Царств и во II книге Паралипоменон.

Перевод и примечания кандидата филологических наук Л. С. Баранковой ©

КОГО РАЗБУДИЛА НОЧЬ?

П. И. БЕЛОУСЕНКО,
кандидат филологических наук

Известное выражение «нощь стонущи ему грозою птичь убуди» в «Слове о полку Игореве» при переводе на современный язык не вызывало затруднений. Аористичная форма третьего лица единственного числа *убуди* однозначно переводится как *разбудила*, имя существительное *птичь* все переводчики понимали как *птиц*.

Первые издатели «Слова» (1800) А. И. Мусин-Пушкин и его друзья-ученые А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский, лучшие знатоки древнерусских рукописей того времени, прочли это место так: «восставшая ночью буря пробуждает *птиц*» (здесь и далее курсив мой.— *П. Б.*).

В последующие годы первоначальный перевод указанного выражения практически не подвергается сомнению. Например, В. Жуковский, В. Стеллецкий, И. Шкляревский, С. Ботвинник и другие переводят так: «Ночь ⟨...⟩ *птиц* пробудила»; А. Майков — «Ночь ⟨...⟩ *птиц* поразбудила»; Н. Заболоцкий — «Ночь ⟨...⟩ *птиц* перебудила» и т. д. Некоторые отклонения от дословного перевода вызваны скорее всего причинами поэтическими, нежели лингвистическими. Например, у М. Деларю: «ночь ⟨...⟩ *хищных птиц* разбудила»; у К. Бальмонта: «Будит ветер *птиц кричащих*»; у С. Шервинского: «Ночь ⟨...⟩ встревожила *птиц*»; у А. Степанова: «*Птичий свист* пробудился» и т. п. Так же понимали слово *птичь* украинские переводчики, например, М. Максимович: «Пробудилась сонна *птиця*», М. Рыльский имя существительное *птичь* перевел на украинский язык собирательным словом *птаство*. Считал *птичь* собирательным существительным и белорусский поэт Я. Купала: «Ноч ⟨...⟩ *птушо* разбудзіла».

Современные ученые Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин, сделавшие научную реконструкцию древнерусского текста, это место переводят так же: «почь ⟨···⟩ *птиц* разбудила», увидев в слове *птичь* собирательное значение. Таким образом, все переводчики «Слова» не сомневались в том, что ночь разбудила именно *птиц*.

Следует отметить, что форма *птичь* в памятниках древнерусского языка встречается очень редко. По крайней мере, И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» (1893) рассматриваемый пример из «Слова» приводит в качестве иллюстрации к статье *пътиць-птиць*, полагая, наверное, что *птичь* — фонетический вариант *птиць*. Нам представляется такое предположение ошибочным по нескольким соображениям. Дело в том, что слово *пътица* в винительном падеже множественного числа в самом «Слове» встречается трижды и каждый раз в форме *птиць*: «далече зайде сокол, *птиць* бья, — к морю», «уже бо беды его пасет *птиць*», «коли сокол в мытех бывает, высоко *птиць* възбивает». Маловероятно, чтобы автор «Слова», по общему признанию высокообразованный человек своего времени, вдруг проявил такую непоследовательность в употреблении форм.

Дальше. Слово *птичь* вполне вписывается именно в такой форме в словообразовательную систему имени существительного. В древнерусском языке XI—XII веков был распространен суффикс *-ичь* (старославянский вариант *-ищь*), который, как считают историки языка, происходит из балтославянского *-itъ + jo*. Суффикс *-ичь* (*-ищь*) унаследовал из праславянского языка значение невзрослости. В древнерусском языке XI—XIV вв. он служил для образования наименований детей (чаще всего сыновей) по отцу или по матери. Например: «в ⟨···⟩ сына *вдовича*» (Хроника Амартола. XI в.); «княгиню и *княжичя* оумчим на сю *страну*» (Повесть временных лет. 1118 г.); «иди ⟨···⟩ к *отчичю*»; «Мъстислав ⟨···⟩ с Володимиром Мъстиславичем *мачешичем* [сыном мачехи.— *П. Б.*] воротишася» (Киевская летопись. Конец XII в.).

Нередко при помощи этого суффикса образовывались наименования детенышей (безотносительно к полу). Например: цр(с)твова Лагоевичь рекше *заячичь* (Хроника Амартола); «Аже сокол к гнезду летить, *соколичя* ростреляеве своими злаченными стрелами» (Слово о полку Игореве). Кстати, последнюю фразу переводят так: «Если сокол к гнезду летит, *молодого сокола* [*-соколенка.— П. Б.*] мы с тобой расстреляем своими золочеными стрелами». В этом же ряду, мы убеждены, стоит и слово *птичь*, образованное от довольно часто встречаемого в памятниках древнерусского языка существительного *пъта* «птица» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II). Необходимо подчеркнуть, что в древнерусских памятниках это слово чаще встречается в старославянской

огласовке *пътищь*; но автор «Слова» употребил именно древнерусский вариант, почерпнутый из живой народной речи.

Остается установить грамматическую форму существительного *пътичь*. Контекст не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с винительным падежом, однако нулевое окончание в древнерусском языке могли иметь формы существительного как единственного, так и множественного числа древней основы на *-jo̯*. Но в этот период категория одушевленности была довольно развитой, и названия детенышей в единственном числе винительного падежа почти повсеместно имели окончание *-а*. Значит в анализируемом выражении речь идет о множестве детенышей птиц.

По поводу существительного *пъта* нужно заметить, что оно постепенно вытеснялось суффиксальными вариантами *пътица*, *пътка*, *пътаха*, но суффикс *-ичь* (*-ищь*), как показывает древнерусский материал, мог дублировать лишь только значение невзрослости, например: «мати не хотячи *детича* бежа ге(т)» (Надпись Софии Киевской).

Исходя из этого, нам представляется, что выражение «*птичь* убуди» следует переводить как «*птенцов* разбудила» (укр. «розбудила *пташенят*»): детеныши, как и дети, спят более крепким сном.

Полагаем, что поэтический строй «Слова» в этом случае имеет несколько иную окраску, чем принято думать.

Кривой Рог

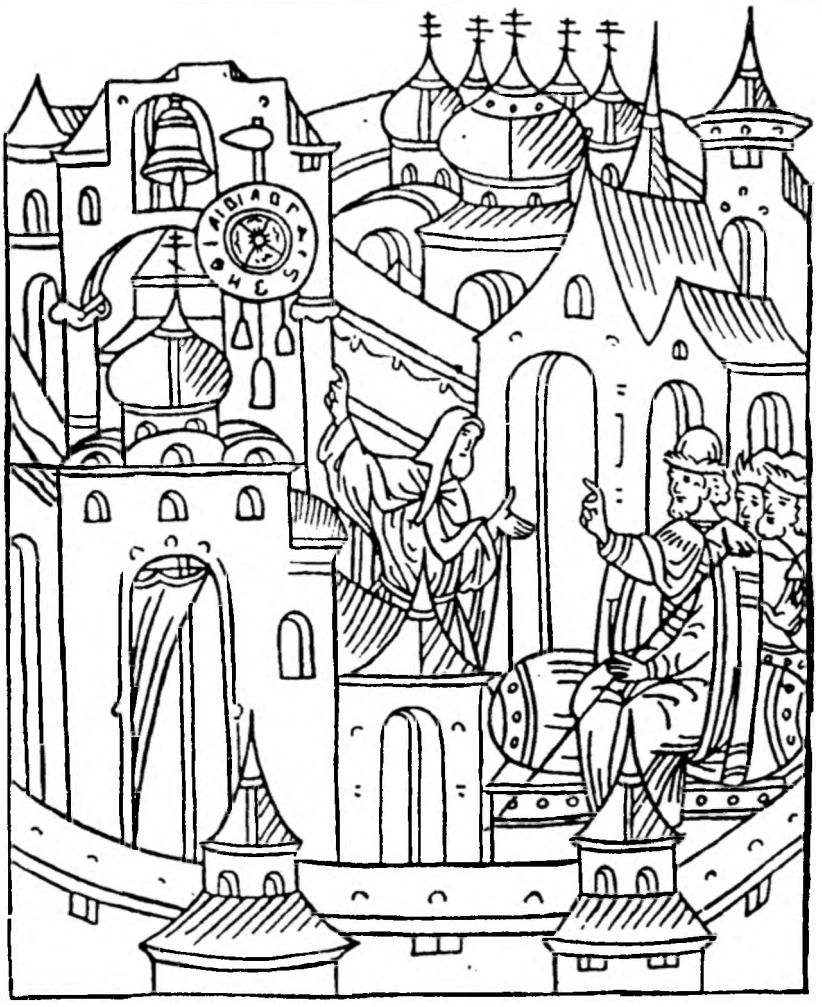
КОСОЙ, ДНЕВНОЙ, НОЧНОЙ ЧАС

Р. А. СИМОНОВ,
доктор исторических наук

Первые русские механические часы, установленные в Московском Кремле, отсчитывали часы р а з н о й длительности. Установка этих часов имела общенародное значение, поэтому удостоилась освещения в государственной летописи. Событие описано в летописи под 1404 годом и позднее проиллюстрировано миниатюрой, на которой дано изображение часов. Эти материалы позволили ученым разобраться в том, какую конструкцию имели первые русские башенные часы.

Циферблат у них был наподобие привычного нам: с 12 делениями. Только на современных башенных часах, например, на Спасской башне Кремля, используются римские цифры, а на циферблате 1404 года применялись славянские «буквенные» цифры, которые в то время были распространены на Руси. Еще одним отличием было то, что начинался счет не с нуля (двенадцати) часов, как теперь, а с единицы. Соответственно на циферблате сверху находилось не двенадцать, а единица, внизу располагалась не шестерка, а семерка. Как объясняет советский историк часового дела В. Н. Пипуныров, это обусловлено тем, что начало счета часов на Руси велось не с полудня или полуночи (как теперь), а с рассвета.

То, что на Руси до начала XVIII века день начинался с рассвета, известно историкам давно, и подтверждается многими источниками. Например, в одной рукописи XVI века «Устава церковного» (РГБ) сообщается, что 15 декабря (речь идет о широте Новгорода или Пскова) светлое время суток равно шести часам. При этом добавляется: «ино полдни по-руски, как 3 часы отбиет». Это значит, что рассвет наступал в 9 часов. Спустя час, то есть в 10 часов, часы били один раз; в 11 — два раза, а в полдень — три. Общий же



Часы на княжеском дворе в Москве. *Миниатюра XVI в.*

вывод этого источника XVI века таков: счет часов «по-русски» — значит *с рассвета.*

Вернемся из XVI в начало XV столетия и познакомимся с записью летописца об установлении первых русских часов: «Сей часник нарецется часомерье, на всякий час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные, и не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческой хитростью преизмечтано и пре-

ухищрено. Мастер же и художник сему бяше некий чернец, иже от Святые горы пришедший, родом сербин, именем Лазарь; цена же сему бяше вящьше полутоврасто рублей». Цену историки соотносят примерно с 20 тысячами золотых рублей начала XX века.

Из записи следует, что более всего летописца поразил феномен автоматизма в устройстве часов, который, пользуясь современной терминологией, можно назвать робототехническим. До сих пор людей восхищают электронно-механические роботы тем, что они как бы уподобляются человеку в его разумной деятельности. Поэтому нередко роботам придается человеческий облик. Нашим далеким предкам не было чуждо аналогичное отношение к успехам техники. Летописец подчеркивает, что часы имели ударный механизм, который работал независимо от человека — «человековидно», то есть автоматически. Описание часов содержит важную информацию об их часомерной функции: что они работали, «размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные». Теперь мы говорим о часах иначе: они не «размеряют и рассчитывают», а п о к а з ы в а ю т время. Мы сами решаем, ориентируясь по времени суток, день в настоящий момент или ночь, и не ждем от часовых устройств, чтобы они это за нас решали, особо показывая *часы ночные* и *дневные*.

Все становится на свои места в этой не совсем понятной современному человеку фразе, если учесть, что в Древности и в Средние века одним из употребительных был счет *косыми* часами. *День*, то есть светлое время суток, независимо от времени года, делился на 12 равных между собой частей, которые назывались *дневными* часами. *Ночь* — время, наступавшее после захода солнца и продолжавшееся до его восхода, также делилось на 12 равных частей, каждая из которых называлась *ночным* часом. Таким образом, в сутках содержалось, как и теперь, 24 часа, только они были разными по длительности, отсюда название *косой* час. Правда, два раза в год — в периоды весеннего и осеннего равноденствия — *дневные* и *ночные* часы сравнивались между собой, становясь равными нашим современным часам по длительности. В другое время разница между *дневными* и *ночными* часами достигала значительного размера. Так, на широте Москвы величина *дневного* часа была примерно вдвое больше *ночного* летом и вдвое меньше — зимой.

Из летописной записи следует, что автором часов 1404 года был приехавший с Афона (Святой горы) серб Лазарь. На Афоне (Византия) находились монастыри различных православных церквей, монахом одного из них и был этот мастер часового дела. Сведения об авторе являются дополнительным свидетельством того, что установленное в Московском Кремле часовое устройство «считало»

косыми часами, так как именно такие устройства в то время устанавливались в Византии.

Впервые о *косом* часе говорится в «Учении» Кирика Новгородца (1136 г.). Перечисляя единицы счета времени: год, месяц, неделя, день, час, он сообщает, что «вси ведают и аз поведаю яко в дни одином 12 есть часа, а тако же и в нощи». Это всеобщее знание для Новгорода, а, может быть, всей Руси XII века, современному человеку чуждо, так он уверен, что не может быть всегда равного количества часов во дне и ночи. Но эта уверенность обусловлена тем, что мы пользуемся постоянным часом, равным 60 минутам. Однако могло быть так, что мы продолжали бы употреблять *косой* час и считать в сутках 12 *дневных* и 12 *ночных* часов.

Когда же на Руси перестали применять *косой* час? Сохранился подлинный текст XVII века «Предисловие святцам» (Центральный государственный архив древних актов). Здесь счет времени *косыми* часами рассматривается в качестве распространенного во Пскове («яко мы чтем»). Произведение написано псковским писателем и ученым второй половины XVI века Иваном Рыковым. Значит примерно до 1579 года (в этом году Рыков покинул город в свите Ивана Грозного и больше его имя не встречается в исторических источниках) на северо-западе Руси еще употреблялся *косой* час. По мнению русского историка И. Е. Забелина, в середине XVI века, в Москве уже употреблялся час постоянной длительности, а не *косой*. Следовательно, здесь перестали использовать «часник» 1404 года с *косым* часом, заменив его часовым устройством для постоянного часа. В. Н. Пипуныров это объясняет значительной сложностью устройств с *косым* часом, требовавшей использования двух механизмов. Кроме того, частая перерегулировка затрудняла их эксплуатацию и снижала точность счета времени. Поэтому из-за своей сложности механические устройства с *косым* часом в России и других странах не получили развития.

Башенные часовые механизмы стали делаться для часов постоянной длительностью в 60 минут, т. е. как теперь. Однако старинные русские часы отличались от современных тем, что показывали и отбивали отдельно *дневные* и *ночные* часы. На широте Москвы самый длинный день летом и самая длинная ночь зимой достигали 17 часов. Поэтому на циферблате старинных московских часов было 17, а не 12 делений, как теперь.

Австрийский посол (1661—1662 гг.) в России барон А. Мейерберг приводит следующие сведения о счете времени в Москве с помощью механических часов. Внешний вид часов, установленных на Спасской башне, воспроизводится в его альбоме. Циферблат у них имел 17 делений. Отсчет времени начинался с рассвета, по прошествии часа они били один раз, по прошествии двух часов — два раза и т. д. Когда наступала ночь — били ночное время: по прошествии часа —

один раз, по прошествии двух часов — два раза и т. д. Русский историк Ф. П. Аделунг в своих объяснениях к альбому А. Мейерберга писал: «Они [часы Спасской башни Кремля] показывают час дня от восхождения до заката солнечного. В летний солнцеворот, когда бывают самые долгие дни, часы эти показывают и бьют до 17, и тогда ночь продолжается 7 часов».

По всей Москве расходился эхом бой кремлевских часов, который сторожа дублировали соответствующим количеством ударов по водосточным желобам или доскам. По мнению А. Мейерберга, это делалось для того, чтобы ... пугать воров и грабителей: «...На всякой улице поставлены сторожа, которые каждую ночь, узнавая время по бою часов, столько же раз, как и часы, колотят в сточные желоба на крышах, или в доски, чтобы стук этот давал знать об их бдительности шатающимся по ночам негодяям, и они, из боязни быть схваченными, отстали бы от злодейского дела, за которое принялись...»

Неизвестно, насколько воры и грабители боялись этого стука, но лишая барона сна, сторожа «вбивали» ему в голову русский способ измерения суточного времени: «Они [«московитяне».— *Р. С.*] ⟨···⟩ дню вместе с ночью, дают 24 часа, для различения которых принимают за правило присутствие и отсутствие солнца: от восхода его часы бьют 1 дневной час, все прочие до самого его захождения означают, по общему обыкновению, умножая число ударов; а потом начинают опять с 1-го часа ночи и продолжают бить прочие часы до самого солнечного восхода. Если бы этого не сказали мне прежде, я бы и сам узнал в продолжение стольких моих бессонных ночей». У А. Мейерберга дается внешнее описание русского способа суточного счета времени. Он ничего не говорит о том, каким путем русские добивались соответствия между меняющейся длительностью светлого и темного времени суток и требуемым количеством часовых ударов *при дневном и ночном счете времени.*

Историки науки и часового дела установили, что для этого нужно было производить особые операции, требующие определенной квалификации. Какие именно, легко объяснить на следующем примере. Скажем, некий день длился 16 часов, а ночь 8. Значит, после того, как часы с циферблатом, рассчитанным на 17 часов, пробьют 16 раз, их надо переключить в исходное положение, чтобы они, начав показывать ночное время, через час пробили один раз, а не 17. На исходе ночи, после 8 ударов, часы вновь следовало переключить в исходное положение, чтобы они, начав показывать дневное время, через час пробили один раз, а не девять. Таким образом, два раза в сутки — в конце дня и в конце ночи — надо было часы переключать в исходное положение, причем делать это быстро, чтобы задержки не отразились на точности счета времени. Переключение осущест-

влялось не автоматически, а вручную, что создавало дополнительные трудности.

Иначе возникали курьезные ситуации, как в случае, рассказанном в одной челобитной: «В прошлом 1688 году часовщика Спасской башни Андрияна Данилова не стало, а по смерти осталась его вдова Улита бездетна и безродна, и живет она на той Спасской башне, и часы держит она неуставно, по многие времена часы мешаются передачею часов дневных и ночных, бывает у нее один час продлится против двух часов, а в нынешнее время бывает в одном часе два часа поскорит». Улита упрекалась в неточности боя, в нарушении (удлинении и сокращении) длительности отдельных часовых отрезков, в путании счета дневных и ночных часов, что могло произойти при несвоевременном переключении механизма с дневного боя на ночной, и наоборот.

Дат, в которые изменялось соотношение между количеством дневных и ночных часов в сутках, в каждом месяце было две; чередовались они примерно с двухнедельным перерывом. Эти даты находились в особых «пособиях», в которых указывалось, в какие дни месяца следовало *прибавлять* (*убавлять*) *по часу к дневному* (ночному) времени. В соответствии с этим устанавливалось максимальное число ударов часового колокола для дня и ночи. Одно такое «пособие» названо «Указ часом боевым, колико на кий день или нощь ударит, в коем месяце и числе».

Общим в счете *косыми* часами и часами равной длительности (*дневными* и *ночными*) было начало суток — с рассвета. Современное начало суток — с полуночи — было введено в процессе петровских преобразований. Часы, подобные современным, с 12 делениями циферблата были установлены на Спасской башне в начале XVIII века. В быту же царского двора и обеспеченных людей уже во 2-й половине XVII века получили распространение настольные, напольные и карманные часы западноевропейского производства с 12 делениями циферблата. Был известен и соответствующий отсчет времени с полуночи, который назывался *немецким* или *латинским*.

Былое расхождение в начале суток иногда «подкидывает» историкам загадки. Например, известны две даты рождения Петра I, зафиксированные официальными источниками: 30 мая в 1-м часу пополуночи и 29 мая в 5-м часу ночи. «Верной» считается первая дата. Однако и вторая справедлива. Дело в том, что обе даты относятся к одному и тому же моменту времени, но выражают его в разных временных «координатных» системах. Мы привыкли к тому, что одна и та же дата может быть выражена в разных календарных «стилях» — например, 25 декабря по старому стилю (юлианскому) соответствует 7 января по новому стилю (григорианскому). То же самое относится к суточному счету времени. Петр

родился ночью, когда еще было 29 мая по древнерусскому суточному счету, но уже 30 мая по счету «немецкому», начинавшемуся раньше на несколько часов. Это расхождение в начале отсчета суток сейчас практического значения не имеет, т. к. новый («немецкий») счет, будучи введенным Петром I в XVIII веке, в настоящее время стал общеупотребительным. Древнерусское начало суток с рассвета теперь забыто, но до сих пор «подставляет ножку» историкам (См.: Симонов Р. А. Когда родился Петр I. К вопросу о русском суточном счете часов//Вспомогательные исторические дисциплины. Том 21. Л., 1990).

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ «ТРАВНИКАХ»

М. В. ПИМЕНОВА,
кандидат филологических наук

В древнерусских непереводных «Травниках» XVII—XVIII вв. наряду с общеизвестными названиями целебных растений (*девясил, зверобой, мать-и-мачеха, папоротник, полынь, хмель* и др.), встречаются и такие, которые отсутствуют в современной ботанической литературе: *адамова голова, золотуха, кокуй, лас, насон, одолень, плакун*, и т. д.

«Травники» наиболее полной редакции содержат до 200 названий целебных трав, причем по различным спискам встречается множество вариантов наименования одного и того же растения, например: *варахия—варахиль—ворохна—врахия—рахел—рахея; царевы очи—Царские очи—царьския очи—королевские очи; маточник — матозник—маташник—матошник* и т. п.

В результате сравнения древних народных названий целебных растений в «Травнике» с их современными удалось найти наименования растений, которые в более позднее время были утрачены. Так, например, в «Травнике» встречаются описания двух целебных растений под одним названием: *одолень*. Это обусловлено сходством воздействия этих трав: «*одолеешь* врагов своих, потому словет *одолень*» (Травник сер. XVIII в.). В современной ботанической литературе одно из этих растений известно как *валериана* (лат. *Valeriana*. «От местн. н. Valeria в Паннонии, откуда происходит это растение». Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Современное название второго *одоленя — кувшинка* — появилось на основе внешнего сходства плода растения и формы сосуда.

В наименовании целебной травы *маточник*, которая использовалась как болеутоляющее средство, заключено указание на одно из свойств растения — приманивание *пчелиной матки*: «На той траве, на цветку, матка пчельная сама бывает и берет, что ей требе. Тою травицею добро ульи потирать, и всякия пчелиныя борти» (Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древней русской литературе//Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861). Современное название этого растения — *лимонная трава* — объясняется тем, что все растение имеет сильный приятный аромат, напоминающий запах лимона. Его научное ботаническое название *мелисса лекарственная* образовано от грече-

ского слова *melissa* «пчела» в связи с тем, что растение привлекает пчел.

Название травы *насон* мы не найдем ни в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), ни в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», хотя в тексте «Травника» это слово регулярно используется при указании на *мак снотворный*: «Трава *насон* растет на раменских местах, на добрых землях, при орешниках, ростом в колено, цветом красна, листочки, что стрелные копья, наверху стручки, а в стручках семечки» (Травник сер. XVIII в.). Древнее название *на-сон*, возможно, связано со свойством и использованием растения в качестве снотворного средства. Оно образовано по непродуктивной модели (Ср.: *на-воз, на-род, на-ряд*). *Мак* — слово с древним корнем, которое встречается во многих славянских языках и обозначает лекарственное растение *Papaver somniferum*. Исчезновению названия *насон*, вероятно, способствовало то, что в переводных «Лечебниках» XVII—XVIII вв. широко употреблялись терминологически связанные словосочетания *белый мак* и *черный мак*: «*Белый мак* естеством есть студен и волгостен, а *черный мак* студеностен и сух» (Лечебник XVIII в.).

В тексте «Травника» встречается название *золотуха*, под которым описываются два лекарственных растения: *астрагал шерстистоцветковый* (*Astragalus dasyanthus pall.*) и *марьянник дубравный* (*Melampyrum nemorosum*). Оба растения применялись народом от *золотухи* — детского заболевания, сопровождающегося общим истощением и сыпью на теле. Ботаническое родовое наименование первого растения происходит от греческого слова *astragalos* — «позвонок, лодыжка, бабка» и связано с формой семян. Видовое определение дано из-за сильного опушения всего растения (Огородников П. В., Петюнина О. Ф. Этимологический словарь лекарственных растений, сырья и препаратов. М., 1973). Название второго растения связывается с женским именем, а также включает в себя указание на место произрастания. Народное название *марьянника дубравного* — *Иван-да-Марья* связывают с легендой о брате и сестре, которые, не зная о своем родстве, поженились и, чтобы не разлучаться, превратились в цветок, имеющий желтый венчик и фиолетовые прицветники: «мужескои цвет желт, а женискои синь» (Травник XVIII в.).

Значительное место в «Травнике» занимают растения, получившие свои названия по внешнему облику. Так, всем известный *башмачок* (*Cypripedium Calceolus L.*) в тексте «Травника» фигурирует как *адамова голова* со значением «мертвая голова, т. е. человеческий череп» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Далее — Даль). Оба названия — и современное и старинное — опираются на внешний облик растения, но древнее наименование связано с формой корня: «корень ⟨···⟩ вподобие головы, весь в дырах» (Травник Ивана Бирюкова XVII в.); «корень круглои, как

головка» (Травник XVIII в.). Современное же именование объясняется формой цветка.

В тексте «Травника» можно встретить *царевы очи*, название, основанное на обобщении внешних признаков насекомоядного растения *Drosera rotundifolia L.* Его листья усажены жесткими щетинками типа волосков или ресничек. Современное название этого растения формируется на основе одного характерного признака: «На головке каждой реснички держится по малюсенькой прозрачной бесцветной капельке ⟨···⟩ Все капельки ⟨···⟩ блестят и сверкают на солнце, подобно утренней *росе*, потому и назвали растение *росянкой*» (Рубцов В. Г. Зеленая аптека. Л., 1984).

Петров крест в тексте «Травника» используется для названия двух растений, обладающих характерным крестообразным корнем: «корень у еи все крестами, крест с крестом связан» (Травник 1792 г.); «корень у неи велик толст, глубоко в землю ростет, едва кто взыщет» (Травник XVIII в.). Одно из этих растений сохранило свое древнее название — *петров крест чешуйчатый* (*Lathraea squamaria L.*). Вторая целебная трава стала *горечавка желтая* (*Gentiana lutea L.*), получив родовое название по имени иллирийского царя *Gentius*, который впервые применил корень горечавки во время чумы в 167 г. до н. э. (Огородников, Петюнина. Указ. соч.). Видовое определение дано растению по окраске цветков. Русское название *горечавка* характеризует очень горький вкус корня и образовано по следующей схеме: «горький вкус» → «обладающий горьким вкусом» → «растение, корни которого обладают горьким вкусом» (Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967).

В списках «Травника» встречается растение *кокуй*, которое указывает на *Orchis militaris L.* В «Словаре русских народных говоров» *кокуй* — растение семейства орхидных *Orchis latifolia L.* (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.), а также род старинного женского головного убора и др. (Ивановская, Владимирская, Костромская, Тульская и др. губ.; СРНГ. Вып. 14). В. И. Даль отмечал (без указания места), что *кокуй* — это праздник Ивана Купалы (Даль. Т. II). Название растения может быть связано как с обозначением женского головного убора (по форме соцветия), так и с праздником Ивана Купалы (поскольку заготавливать кокуй следовало только в этот день).

В описании растения *лас* в тексте «Травника» отмечается, что у него листья покрыты темными пятнами: «а по ней будто пестринки» (Травник XVIII в.). Это название, по-видимому, связано с диалектным словом *ласа* «пятно продолговатой формы», «лоснящееся пятно, полоса на чем-либо» и является либо продолжением и.-е. формы **las-*, либо результатом декомпозиции **lask-* > **las-* в рамках уже собственно славянского развития (Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 14. М., 1987). В современную

ботаническую литературу *кокуй* и *лас* входят под общим названием *ятрышник — ятрышник шлемовидный* (*Orchis militaris L.*) и *ятрышник пятнистый* (*Orchis maculata L.*) «Согласно Соболевскому, корень этого растения использовали как приворотное зелье, поэтому он толкует это название как „цветок ятрови“ [*ятровь* «свояченица, жена брата мужа».— *М. П.*] ⟨···⟩ Иначе объясняет это слово Ильинский, который связывает его с диалектным *ятро* „яйцо“ ⟨···⟩» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV). Объяснения Г. А. Ильинского, вероятно, связаны с формой клубней растения. Это подтверждает и родовое ботаническое название от греческого слова *orchis* «яйцо», также из-за формы клубней, которые имеют растения этого рода (Огородников, Петюнина. Указ. соч.).

Название целебного растения *плакун* связано с глаголом *плакать*. По народному поверью, эта трава произошла от слез, пролитых Богородицей за Христа: «Когда распинали жидове Христа святая Богородица плакала и бежала к реке Иордану, и на ту траву слезы роняла» (Травник XVIII в.). Ботаническое название растения *кипрей (Chamaenerium angustifolium L.)*, образованное от глагола *кипеть*, который наряду с основным значением имел еще одно — «пахнуть» (Меркулова. Указ. соч.). Народное же название этого растения *иван-чай* объясняется, по-видимому, тем, что его обычно заваривали вместо чая (Меркулова. Указ. соч.).

При наименовании растений автор «Травника» использовал средства, имевшиеся в родном языке, не прибегая к заимствованиям (в отличие, например, от переводных «Лечебников» этого же периода). В текстах древнерусских «Травников» преобладают названия по свойствам растения и по олицетворению его внешнего облика. Наименования целебных растений в древнерусских «Травниках» свидетельствуют о народном характере этого текста, а также отражают связь с древней верой в мифическую силу трав.

Владимир

Самоименование М. В. Ломоносова в письмах

И. А. ПРОКУРОВСКАЯ

В рамках речевого этикета самоименование (называние, представление себя) — момент весьма интересный и важный, в нем можно увидеть и характер отношений между людьми, самооценку и личность человека.

Как и любой другой этикетный знак, самоименование претерпело эволюцию. В этом плане всегда представляет интерес переломная эпоха с элементами старого, отживающего и зародышами нового. Именно такой эпохой была первая половина XVIII века, когда жил и творил Михаил Васильевич Ломоносов, к эпистолярному наследию которого мы обращаемся. Им написано более ста писем за 28 лет (1737—1765) в основном официального характера; двенадцать адресованы зарубежным ученым, остальные соотечественникам.

Бросается в глаза удивительное постоянство Ломоносова в выборе средств самоименования. Из 104 писем только четыре подписаны

формулой *М. Ломоносов*, три — *М. Л.*, два — *Ломоносов*, остальные, если исключить несколько записок служебного характера без подписи, содержат неизменное *Михайло Ломоносов*. Так подписывался ученый и тогда, когда был студентом, и тогда, когда находился в звании профессора, статского советника.

Обращаясь ко всем неизменно на *Вы*, по имени-отчеству, никогда не забывая титулов и званий, М. В. Ломоносов лишь дважды представился, как подобает ученому его ранга. В письме от 9 мая 1764 года Ф. И. Цанотти, секретарю Академии наук Болонского института, почетным членом которой Ломоносов был избран, после пышного приветствия читаем: «Михайло Ломоносов, статский советник ее императорского величества всея России профессор химии в Петербургской Академии шлет нижайший привет». И в прошении на имя императрицы Екатерины II об увольнении (июль 1762 года) находим: «К сему прошению коллежский советник Михайло Васильев сын Ломоносов руку приложил».

Если сравнить в этом плане современников Ломоносова — Тредиаковского и Сумарокова, то обнаруживается, что писатели не забывали лишний раз подчеркнуть заслуженное: ... Профессор Василий Кирилов сын Тредиаковский (к Разумовскому, в канцелярию Академии наук); ... Бригадир Александр Сумароков (в канцелярию Академии наук).

Наибольший интерес представляют оценочные определения, определения-«регулятивы», предшествующие имени и фамилии. М. Ломоносов использует прежде всего общепринятые для своего времени и рекомендованные «письмовниками» определения: верный (покорный, преданный) слуга. Излюбленными для него являются также формы превосходной степени, образованные либо с помощью суффиксов *-ейш/-айш* (покорнейший, нижайший), либо с помощью префиксального элемента *все-* (всепокорнейший, всепреданный). Сравните: «С беспрестанным высокопочитанием пребываю вашего сиятельства всепокорнейший и усерднейший слуга Михайло Ломоносов» (М. И. Воронцову, 30 августа 1753 года).

Рассматривая эти определения, невольно приходишь к выводу о том, что в контексте писем разным адресатам они читаются поразному. Так, в служебных письмах, например, А. А. Вяземскому, И. Г. Чернышеву, где речь идет о создании типографии, употребление атрибутов «всепокорный и нижайший» имеет чисто формальный характер. Это дань этикету — не более. В письмах своим покровителям — М. И. Воронцову, И. И. Шувалову, особенно до того момента, когда последний крепко «изобидел» Ломоносова, предложив помириться с недругами, указанные определения-регулятивы далеки от формальности. Они являются выражением глубокой признательности и благодарности своим патронам. Это подтверждается и выражениями, предваряющими определения: «С глубоким высокопо-

читанием пребываю» или «с неизменным глубокопочитанием пребываю до смерти».

Есть у Ломоносова такие определения в самоименовании, которые не встречаются ни у его предшественников, ни у его современников: Доброжелательный ваш слуга (Н. П. Соколову); Искренний друг и слуга (Д. И. Виноградову); Всепокорный слуга в слезах (И. И. Шувалову) и ряд других.

С конца 1757 года в письмах Ломоносова, адресованных, прежде всего, И. И. Шувалову и М. И. Воронцову, появляется и не исчезает до конца определение «униженный» или «всеуниженный», зачастую в сочетании с прилагательным «всеусердный» или «всеусерднейший».

Можно ли усмотреть в этом нечто сходное с самоуничижением в концовках писем, характерных для XVII века? Думается, что нет. Ведь Ломоносов оценивал себя довольно высоко. Подтверждение тому можно найти, например, в письме И. Д. Шумахеру от 1 мая 1745 года. В нем речь идет о задержке присвоения Ломоносову звания профессора; ученый выражает недовольство по поводу того, что его ставят в один ряд с другими.

Защищая право университета на льготы, он прямо заявляет, что оттуда «могут произойти многочисленные Ломоносовы» (И. И. Шувалову, 17 апреля 1760 года). Будучи уже академиком, он пишет: «Униженно, раболепно прошу». И в то же время с достоинством поясняет: «Я прошу только того, что мне подлежит по справедливости». Да и не ради торжества справедливости вымаливает Ломоносов чины и звания. Они нужны ему только для того, чтобы выжило его дело в обстановке вечных интриг, в обстановке, где «злодеи ободряются, а добро унижается и добру вред чинится». А самым святым делом для великого ученого являлось, как известно, распространение наук в Отечестве. «Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба с неприятельми наук бороться. За них борюсь 20 лет, стоял за них смолода, на старость не покину»,— заявляет он в программном послании одному из своих «доброжелателей» Г. Н. Теплову (30 января 1761 года). И подписывает свое сочинение инициалами В. В. (Вашего высокородия).

Таким образом, «униженный и самоуниженный» указывают на действительное положение Ломоносова в сложившейся ситуации. Это констатация факта. Что касается определения «всеусерднейший» в самоименовании, то и оно не столько дань традиции, сколько обнаружение истины. Все мы прекрасно знаем, насколько жаждал проникнуть во все сферы энциклопедический ум Ломоносова. Ученый был постоянно чудовищно загружен. И о его добросовестнейшем отношении к делу говорить не приходится.

Итак, анализ показывает, что М. В. Ломоносов, находясь в рамках жестких правил официальной корреспонденции I половины XVIII века, существенно раздвигает эти рамки, а зачастую ломает.

Прежде всего, Ломоносов освободил ситуацию самоименования от крайностей: от самоуничижения, которое содержат концовки челобитных грамоток XVII века. Сравните: «била челом женишка Дашка». То же находим в письмах Петра I к матери: «сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословение прошу», и в письмах современников Ломоносова: «нижайший и всеподданнейший раб Академии наук секретарь Василий Тредиаковский»; «Вашего императорского величества всенижайший и всеподданнейший раб Александр Сумароков».

Ломоносов уважал сложившиеся нормы речевого этикета, но не настолько, чтоб назвать себя рабом хотя бы «ее императорского величества». Противны ученому и самоименования типа: «Сие доношение писал я, Василий Тредиаковский, и руку приложил».

Регулярное употребление поморского варианта имени в самоименовании уникально в том отношении, что позволяет признать следующее: было, есть и будет немало профессоров, академиков, советников; было, есть и будет неисчислимое количество Михаилов Васильевичей, но был, есть и будет только один, единственный в истории России — *Михайло Ломоносов*.

Ижевск

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ФАМИЛИЯХ

В. Ф. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

В предыдущих статьях, опубликованных в 1992 году, мы рассмотрели фамилии от *А* до *З*. В основе их лежат общенародные неканонические имена, а также диалектные слова и прозвища. В этой статье мы коснемся некоторых фамилий такого же происхождения на буквы *И—К*.

Истóмин — отчество от нецерковного мужского личного имени *Истóма*, частого у русских вплоть до XVII века. Имя могло быть дано в связи с трудными родами (аналогичны — *Томилин*, *Томилов* от *Томила*, *Томило*). Исходное слово — *истóма* — наблюдается в северном и южном великорусских наречиях: «1. Продолжительное ожидание. **Влад.**»; «2. Истомленный, изнуренный человек. **Тамб.**»; «*Истометь* ⟨···⟩ 1. Почувствовать слабость, тяжесть ⟨···⟩ Сделаться вялым, ослабнуть (о животных) ⟨···⟩ Яросл. ⟨···⟩ 2. Онеметь, затечь, застояться». *Ноги у меня истомели* ⟨···⟩ Уральск.» (Словарь русских народных говоров. Вып. 12. М., 1965—1992. Далее СРНГ). С. Б. Веселовский отмечает, что *Истóма*, *Истóмины* — очень распространено повсеместно в XV—XVII веках: *Истома* — холоп Борковского погоста, 1495; Митка *Истомин* сын Андреева, землевладелец вологодский, 1529; Истома Алютин, крестьянин, 1583, Владимир (Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974). Древнерусское слово *истома* означало: «1. *Притеснение, мучение* ⟨···⟩ 2. *Утомление,*

изнурение ⟨···⟩ 3. *Труд, забота, трудности*» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 6. М., 1979. Далее ДрС).

Каза́рин, Каза́ринов. В свое время выдающийся советский ученый В. А. Никонов отметил, что в фамилии *Казарин* оказались тождественными имя, отчество и фамилия: «В XV—XVI веках Казарин — только имя или отчество. Оно могло возникнуть из *хаза́рин* (в прошлом Нижнее Поволжье называлось Хазарией, поэтому такое имя могло быть и у русского человека, жившего там) ⟨···⟩ Опричник *Казарин Дубровский*, казненный Грозным; здесь Казарин — еще имя, а не фамилия» (Русская речь. 1979. № 6). А вот что говорят диалекты: *каза́ра* — «белолобая казарка» (урал., тул., краснояр.); «дикий гусь» (влад.); «пикулька» (сиб., камч., касп.); «птица сем. вороновых» (том.); *казара́* — «об оренбургских казаках» (челяб.); «об озорных, буйных детях» (орл.; СРНГ. Вып. 12). Древнерусские данные таковы: *Козарин* Бурунов, московский дворянин, 1528; *Казарин* Давид Александрович Морхинин, середина XIV века; *Казарин* Голохвастов, начало XVI века (Тупиков Н. И Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903; Веселовский. Указ. соч.).

Таким образом, в данном случае можно предположить контаминацию двух существительных: 1. *Козарин* (*казарин*) — «представитель народности хазар»; 2. *Каза́ра* (*каза́рка*) — «дикий гусь» (есть также фамилия *Казаркин*); при этом древнерусские имена и отчества возводятся скорее к первому из них; из современных фамилий оно сохранилось лишь в фамилии *Казаринов*, а *Казарин* восходит к прозвищу от *казара* — «дикий гусь».

Калтако́в. Фамилия образована от прозвища *Калта́к*, восходящего к существительному *калта́к, колта́к* — «мелкий плавучий лед и обмерзшие комья снега», «мелкая льдина на море». Слово встречается в архангельских и некоторых других северных говорах (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Далее Даль; СРНГ. Вып. 12). Возможно, это — финское заимствование *kalto* — «гололедица» или эстонское *kalts*, родительный падеж *kaltsu* — «льдина» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Далее Фасмер).

Карачёв. Фамилия образована от прозвища *Кара́ч*, восходящего к существительному *кара́ч*, происхождение которого установить трудно. В древнерусском языке было тюркское заимствование *карач, карачей* — «представитель высшей знати у крымских и казанских татар», «советник хана»; это отмечено в Никоновской летописи (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958); слово считается принадлежностью уйгурского языка: *karačı, karadžu* — «министр», «высокий сановник» (Фасмер. Т. II.). Но *кара́ча, каря́ча* также — «несговорчивый человек», «упрямец» (тамб.,тул.); *кара́читься* — «ходить согнувшись, скрючившись». *Ка-*

рачáми называют также битые черепки, которыми засыпают горло сосуда при его обжиге (в оятских говорах Ленинградской области). Интересно отметить, что *Карачёв* — прозвище жителей Сольвычегодска (СРНГ. Вып. 13). Принимая во внимание приведенные выше факты, можно предположить контаминацию тюркского заимствования и русских диалектных слов. Для древнерусской эпохи источник непосредственный — тюркское заимствование: «Яков *Карач*, середина XV века, Нерехта; Александр Семенович *Карачёв*, II пол. XV века, Старица» (Веселовский. Указ. соч.); ср. *карáч* — ордынский посол в Москву, 1382. Для нового времени возможны различные диалектные влияния, вроде приведенных выше.

Кáрдышев, *Карда́шин*. Трудно объяснимые фамилии. Родственны ли они? Сомнительно. В диалектах *карда́ш* — «брат» (в терских говорах); судя по гармонии гласных, это тюркизм; в древнерусском было слово *кардаш* — «брат», по-видимому, татарское, XVII в. (ДрС. Т. 7); если прозвище — от этого слова, то фамилия была бы *Карда́шев*, *Кардашóв*, а не *Кáрдышев*. Фамилия *Карда́шин* предполагает прозвище *Кардаша*, а не *Кардаш*. В пермских говорах есть слово *кардаши́* «болотистые места, покрытые густым кустарником или мелким лесом» (СРНГ. Вып. 13). Родственны ли эти слова фамилиям *Кардышев* и *Кардашин*? Вопрос остается открытым.

Карéпин. От прозвища *Карéпа*, *Корéпа*, восходящего к соответствующему апеллятиву со значением «репа»: «Карéпы-то шыпко много уродило ныне» (Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. II. Свердловск, 1964—1988). *Корепа* — соединение древней приставки *ко-* и слова *репа*. Фамилия *Корепин* отмечена в XVII веке: «*Корепин* Алешка, шуянин, 1680» (Тупиков. Указ. соч.).

Карякин. Фамилия образована от прозвища *Каряка*, восходящего к существительному *коря́ка* «1. Кривое суковатое дерево. Яросл., Новосиб. Суковатое дерево или пень на дне реки ⟨…⟩ Твер. ⟨…⟩ Яросл. 2. Телега с кузовом для навоза. Костром. ⟨…⟩ 4. О том, кто ходит на четвереньках. Пск., Твер. ⟨…⟩ 5. О несговорчивом, упрямом человеке. Яросл., Ряз.» (СРНГ. Вып. 15). Даль приводит: *каря́ка* — «развилка или вилка», «рассоха», «раздвоенная лесина»; «человек, который карячится», «раскаряка»; *каря́чить*, *коря́чить* — «разводить, расставлять ноги врозь» (Т. II.). Развитие значений таково: «развилина», «рассоха» → «человек, который карячится» → «упрямый, несговорчивый человек». Такое развитие произошло в древнерусскую эпоху: «*каряка* — «*Человек, имеющий привычку широко расставлять ноги, а также тот, кто ходит на четвереньках; упрямый, несговорчивый человек*»; слово встречалось и в составе собственных имен: «Дал казначей Иосиф оброк ⟨…⟩ Иванку Каряке», 1548 (ДрС. Т. 7). Были формы Коряка, Корякин: «*Коряка*, крестьянин, 1339, Новгород; Андрей Юрьевич *Корякин*, I пол. XV века,

Бежецкий верх; *Корякин* Поспелко, Устья Камского жилец, 1609 (Весловский, Указ. соч.; Тупиков. Указ. соч.).

Катáев. Фамилия образована от прозвища *Катáй*, восходящего к существительному *катáй* — «тот, кто катает»; в волховских говорах *катáть* — «возить, перевозить что-либо. *Плиту катали. Берем тачку, и катали*» (СРНГ. Вып. 13). Фамилия отмечена в XVII веке: «*Катаев* Ивашко, енисейский служилый человек, 1649» (Тупиков. Указ. соч.).

Катýлин, Катýхин. Первая фамилия восходит к прозвищу *Катýля*, в основе которого существительное *катýля* — «салазки. **Олон.** *Ребятушки катались на катулях.* **Краснояр.**», вторая — к прозвищу *Катýха* — каток для белья (СРНГ. Вып. 13). Оба слова восходят к тому же корню, что и в глаголе *катать.*

Кыров, Киров. Одного ли корня эти фамилии? Думается, что нет. *Кыров* от прозвища *Кыр*, восходящего к нарицательному *кыр*, что по-удмуртски означает «пестрый дятел», «желна». Может быть, фамилия дана от этого прозвища? Сравните аналогичные случаи: *Пúслегов* от *пúслэг* — «синица»; *Чéжегов* от *чéжег* — «утка»; *Ю́беров* от *ю́бер* — «скворец»; *Турáев* от *турáй* — «журавль» и т. п. (Бушмакин С. К. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов»//Антропонимика. М., 1970). Что же касается фамилии *Киров*, то она образована от мужского личного имени *Кир*, в основе которого лежит греческое *кур, кюр* «господин»: «*Титул особ византийского императорского дома, а также титул русских князей* ⟨···⟩ *Титул, употреблявшийся при имени высших духовных лиц* ⟨···⟩ Великому господину святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всея России» (ДрС. Т. 7).

Кичигин: *Кичига* Иван, послух в Белозерском уезде, 1495; *Кичигин* Васко, крестьянин, 1500, Пошехонье; Федор *Кичигин*, 1536, Кострома (Весловский. Указ. соч.). Фамилия *Кичигин* и прозвище *кичúга*, предшествовавшее ей, засвидетельствованы одновременно, в 1495 году, во владениях Великого Новгорода. Слово *кичúга* — севернорусское: «1. Ручное орудие, валек с загнутым, плоским концом и длинной рукояткой для обмолачивания льна, хлебных злаков; вид цепа ⟨···⟩ **Арх., Олон., Печор., Сев.-Двин., Новг., Волог., Яросл.** ⟨···⟩ 2. Валек для выколачивания белья при стирке ⟨···⟩ **Арх., Новг., Волог., Яросл.**» (СРНГ. Вып. 13); *кичигова́тый* «выгнутый, дугообразный, выпуклый»; *кичúжиться* (влгд.) «ломаться ⟨···⟩ чваниться, зазнаваться» (Даль. Т. II). В древнерусском языке слово *кычига, кичига* означало: 1. «кочерга», «клюка»; 2. «цеп»; 3. «кичливый, пустой человек». Обратим внимание на последнее переносное значение; именно оно чаще всего могло иметься в виду при возникновении прозвища, лежащего в основе фамилии *Кичигин.*

Клевáкин. От прозвища *Клевáка*, восходящего к нарицательному *клевака* «сонливый, в разговорах часто роняющий голову — „клю-

ющий носом“» (Медведев М. С. Русская речь. 1984. № 5). *Клева́ка* «кто клюет»; «род кирочки для те́ски камней» (Даль. Т. II). Фамилия отмечена в XVII веке: *Клевакин* Ондрюшка, монастырский служка (Тупиков. Указ. соч.).

Коси́цын. Фамилия образована от прозвища *Коси́ца*, восходящего к нарицательному *коси́ца*, имеющему несколько значений: «1. Коза. Влад. 2. ⟨…⟩ *шкурка горностая или ласки для держания денег* ⟨…⟩ Том. ⟨…⟩ 3. Небольшой мешок. Урал. ⟨…⟩ Мешок из цельной шкуры, бурдюк. Сиб.» (СРНГ. Вып. 14). Почти такие же значения имело древнерусское *козица*: «1. *Уменьш.* к коза ⟨…⟩ 2. *Мешок из шкуры, снятой как чулок (для денег; для мехов)* ⟨…⟩ 3. *Волынка, в которой используется в качестве меха козья шкура*» (ДрС. Т. 7). Прозвище и фамилия засвидетельствованы с XV—XVI веков: Михаил *Козица*, крестьянин, 1496, Новгород; *Козицын* Куземка, крестьянин, 1498; Данило Васильевич *Козицын*, 1539, Новгород (Тупиков. Указ. соч.; Веселовский. Указ. соч.).

Челябинск

ОБРАЗ МЕСТА*

Э. М. МУРЗАЕВ,
доктор географических наук

У многих народов широко распространен культ гор. В буддийской мифологии гора Меру — центр вселенной, у древних греков гора Олимп — местожительство богов, здесь их дом. Почитаются Гималаи в Индии и Пакистане, священной считается гора Синай у евреев. На Урале многие вершины населены духами — добрыми или злыми. Высокая Толпоиз — дом бога ветра и холода. В Уральской топонимии очень часто встречается мансийское слово *нёр* «гора». В словосложениях Нёройка, Ойканёр оно образует собственные названия, где *ойка* переводится «старик, хозяин». Термин *нёр* столь обычен в географических именах Уральских гор, что их исследователь А. К. Матвеев написал популярную книгу по топонимии и назвал ее «Неройки караулят Урал» (Свердловск, 1976). По его данным ороним Сали-Урнэ-Нёр-Ойка «хозяин гор, стерегущий (пасущий) оленей», Хосанёр «длинный святой (молебный) камень». О табуистических названиях гор на Урале А. К. Матвеев рассказывает на примере особо почитаемого хребта Ялпынгнёр, что протянулся в междуречье Большой и Малой Сосьвы. Полное мансийское его имя: Тагт-Талях-Ялпынг-Нёр-Ойка «святой хозяин Урала в верховьях Северной Сосьвы». Ялпынг «святой, священный, заповедный». На такие вершины нельзя подниматься под страхом смерти и только во время жертвоприношения можно исключительно мужчинам по-

* Окончание. Начало см.: Русская речь. 1993. №№ 1—3.

сетить их для сакральных обрядов (Вершины каменного пояса. Названия гор Урала. Челябинск. 1990).

С подобными мотивами перекликаются и суеверные обычаи жителей Южной Сибири и Центральной Азии. Почитание горных духов, обладающих магическими возможностями воздействия на человека и его хозяйство, вызвало почтительное обращение к горе, действительное имя которой нельзя произнести вслух, особенно чужеземцам, дабы не разгневать ее владыку. Поэтому монголы нередко употребляют табуистическое ласковое обращение *хайрхан* «милый, любезный». Вообще для топонимии земель, населенных монголами, характерны восхваляющие географические названия: *мунх* «вечный», *сайхан* «прекрасный, красивый», *цокт* «пламенный, блестящий», *баян* «богатый», *эрдэни* «драгоценный», *далай* «необозримый, святой, заповедный», *жаргалант* «счастливый» и т. д.

В Центральной Азии имена многих гор включают слова *богдо*, *бурхан* «божественный, священный». На их вершинах сооружают *обо (овоо)* — кучи камней, как объект поклонения горным духам. Алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы, буряты, монголы еще в недавнем прошлом молились невидимым хозяевам вершин, покровителям аилов, родов, семей. От расположения и покровительства хозяев гор будто бы зависело благополучие людей и принадлежащего им скота. И топонимия откликнулась на анимистические представления кочевников. Часто читаются в именах гор Хайрхан — ласкательное табуистическое название, скрывающее истинное. Нередки слова *богдо* и *обо* в образованиях Бурхан-Богдо; Богдо-Хан, Гурбан-Богдо, Сайхан-Богдо, Бага-Богдо, Их-Богдо; Баян-Обо, Обо-Хид, Обо-Аршан, Хан-Обо, Обото.

«Обычай устраивать в известных местах каменные кучи, причем каждый прохожий обязательно должен бросить в кучу камень, ветку или какой-нибудь предмет, является одним из наиболее распространенных обычаев чуть ли не у всех народов земного шара» (Кагаров Е. Г. Монгольские обо и их этнографические параллели//Сборники музея антропологии и этнографии. Т. 4. Л., 1927). По данным Кагарова такие кучи сооружали на древнем Крите, в Элладе, где собирали камни, чтобы умилостивить бога дорог Гермеса, в Тирольских Альпах, в Германии, Франции, Испании, Скандинавии. Связь обо с Гермесом позволяет утверждать, что оно также служило и указателем правильного направления пути, что наблюдается и в Монголии. Над столицей Монголии Улан-Батором высится живописная, покрытая лиственничным лесом гора Богдо-Уул. Она издавна почитаема монголами как священная и считается заповедной, поэтому на ней нельзя охотиться, рубить лес. В прошлом священным горам приносили жертвы население и даже государство. Т. М. Михайлов в своей работе «Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа» рассказывает, что в Усть-Ордынском Бурятском националь-

ном округе гора Байтаг — место жертвоприношения и «до революции здесь устраивались грандиозные молебствия. Только на одном летнем тайлгане [праздничное жертвоприношение.— *Э. М.*] приносили жертву до 100 лошадей и до 300 овец, собирались тысячи людей, праздник сопровождался массовыми гуляниями, состязаниями в борьбе и конных скачках. Гора знаменита и своими писаницами, датируемыми древнетюркской эпохой» (Сб. Ономастика Бурятии. Вып. 26. Улан-Удэ, 1976). У этого же автора упоминается гора Шаманка — как почитаемое место обряда камлания.

Калмыки принесли из Центральной Азии в Поволжье монгольские «священные» названия: горы Большой Богдо, Малый Богдо, деревня Овата (от обо, овоо).

Академик Б. А. Рыбаков в монографии «Язычество древних славян» (*М.*, 1981) также пишет о культе гор, горных вершин, красных горок, связанном с культом неба и богом огня Сварогом. В день летнего солнцестояния Ивана Купалы на таких местах зажигали костры. Большое количество топонимов с именем Лысая гора частично объясняется удалением леса и расчисткой горных вершин для ритуальных обрядов, жертвоприношений, праздничных игр, собиравших окрестное население. Об этом говорят и названия гор Соборище, Игрище.

По всему славянскому миру разбросаны Девичьи горы. Они есть в Чехословакии, на Балканах, близ Смоленска, в Триполье к югу от Киева. Географические названия таких гор отражают культ женского божества плодородия.

Остановлюсь еще на некоторых образных названиях, смысл которых связан с очертанием, внешним видом географического объекта.

Колокол — горы на Сахалине и на острове Уруп в Курильском архипелаге; Колокольня — гора близ Тункинских Гольцов в Иркутской области, в Приполярном Урале и в хребте Хайдым в Красноярском крае; Палатка — гора в хребте Джугджур в Хабаровском крае; горы Чатыртау в Татарстане и Чатырдаг в Крыму (русское население именует Шатер-горой или Палат-горой, а греки Трапезус «столик»). Чатырдаг по форме напоминает трапецию. Аналог: город в Малой Азии Трапезунд (турецкая форма Трабзон). В православных монастырях говорят трапезная, а не столовая, трапеза, а не пища, что связано с греческим *трапеза* «стол». Названия пика в Заалтайском хребте на Тянь-Шане и пика в Горном Бадахшане Трапеция отражает форму гор. *Чатыр (Шатыр)* тюркское слово, оно дало русское *шатер*. Горы Шатрище высятся на берегу Дона, в Житомирской и Сумской областях.

Пирамида, Пирамидальная, Пирамидальный Голец — такие названия носят горы, вершины в Сибири и пик Пирамидальный в

Туркестанском хребте. Горы Пик, Пика отмечены на карте Сибири и Дальнего Востока.

В разных областях можно обнаружить горы Горбатые, Горбуша, Горб, Горбуниха, Двугорбая. Старое имя Карпат Горбы, и ныне отдельные их вершины сохранили такое название. В славянских языках *горб* «гора, горка, бугор, холм».

На Урале, в Челябинской области, высятся Полуденные горы. Такое поэтическое название говорит об их южном положении по отношению к какому-то другому географическому объекту. Оно могло возникнуть у жителей селения, южнее которого раскинулись эти горы. В приуралье река Полуденная, правый приток Камы, течет с юга на север. Две реки Полуденный Кондас и Северный Кондас образуют пару в бассейне той же реки Камы. В Тихом океане на острове Беринга мыс Полуденный.

В русском языке устаревшее слово *полуденный* означает «южный» и противопоставляется *полуночному (полуночнику)* — «северный»: «И ныне здесь, в полуночном краю,/Все о тебе мечтаю и пою» — писал М. Лермонтов в своем стихотворении «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...».

Многие возвышенности, горы, хребты окрашены в синий цвет, если смотреть на них ясным днем с дальнего расстояния сквозь мерцающую пелену воздуха. И вот на карте видим: гора Синий Бугор, хребет Синий, Синий Сырт, Синюхин Белок, Синяха, Синяя Сопка, а названия Синюха, Синяха, Синяя повторяются много раз.

В Крыму, в районе Коктебеля, мыс Хамелеон и скала Лев образуют живописную картину морского берега. Хамелеон меняет свою окраску в зависимости от облачности неба. И как здесь не вспомнить А. С. Пушкина: «Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам, тополи как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...». Южная, экзотическая природа Крыма покорила поэта.

В Нижегородской области протекает река Пьяна, левый приток Суры. Пьяна бесконечно петляет, образуя кривули, излучины. В народе говорят «За Пьяной люди пьяны». Река протяженностью 425 км имеет истоки, удаленные от устья всего на 30 км (Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962). Так, у писателя П. И. Мельникова (Андрея Печерского) можно найти такое описание Пьяны: «По иным местам нашей Руси редко такие реки найдутся, как Пьяна, Свияга да Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной река за то прозвана, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба, и,

пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть не возле него в Суру выливается» (В лесах).

В Московской области, в долине Истры растет Пьяный лес, где деревья наклонены в разные стороны, что обычно бывает на оползнях или в местах проявления карстовых процессов. И далеко на востоке России, в Восточной Сибири, река Пьяная впадает в Селенгу.

На крайнем севере далеко в море вдается большой полуостров Ямал «конец Земли», как его нарекли ненцы. Аналогичные названия можно встретить во французском департаменте Финистр на полуострове Бретань, а также на атлантическом побережье Испании — город и мыс Финистерре. Эти топонимы легко открываются из латинских слов *finis* «предел, граница, конец, конечная цель» и *terra* «земля, почва, суша, страна». Эти слова хорошо знакомы и нам: финиш, территория. На карте британского острова, на побережье Ла-Манша, можно найти мыс и городок Лендс-Энд опять же «земли конец», «конец страны», западнее уже Атлантический океан. Наконец вспомним мыс Край Света на острове Шикотан в Курильском архипелаге.

* * *

В нашем очерке речь шла о признаках, определяющих мотивировку названий географических объектов, о метафорах, образах в топонимии. Река, гора, равнина, озеро могут характеризоваться не одной какой-то приметной чертой, а несколькими. Они ведь разные по форме, по окраске, размерам. Река может течь быстро и медленно, в извилистом или прямом русле, быть узкой или широкой, с каменистыми или песчаными берегами, например, Бешеная балка в долине Терека в Дарьяльском ущелье близ селения Казбек. Обычно она ничем непримечательна. Но во время сильных дождей по ней проносятся селевые потоки большой разрушительной силы. А. С. Пушкин, возвращаясь с Кавказа, записал в своем «Путешествии в Арзрум»: «Бешеная Балка также явилась мне во всем своем величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали поток».

Озера бывают круглыми или долгими, пресными или солеными, глубокими и мелкими.

Не одинакова и природа гор: лесистые или пустынные, крутые или имеющие пологие склоны, с плоскими или альпийскими, одной или несколькими вершинами, например: Два Брата, Две Сестры, Двойная, Двуглавая, Двуголовый Голец, Трехглавая, Трехголовый Голец, Трехгранный Пик, Три Друга, Три Пальца, Три Сестры,

Пять Пальцев, Семь Братьев и несколько неожиданная Семисотенная Шишка на севере Енисейского кряжа.

Исходя из многих позиций, каждый географический объект может быть описан, так как обладает не одним, а несколькими качественными или количественными характеристиками. И, естественно, возникает вопрос: какой же признак оказывается единственным и определяющим тот или иной географический объект и становится его крестным отцом. Вертушинка Паустовского, с описания которой был начат наш рассказ, помимо того, что она вертится, еще и журчит, и пенится, и бормочет, и несет по хрящеватому дну прозрачную воду. Почему она все же Вертушинка, а не Бормотуха, не Журчиха, не Быстрица (по чистой прозрачной воде), не Хрящеватая? Ответ на такой вопрос неоднозначен. Народ выбирает из всех признаков, присущих называемому объекту, самый яркий, наиболее характерный, наиболее видимый. Образ возникает не в результате абстрактного мышления, а на конкретном восприятии природы местности, новое название должно соответствовать и языковой норме. Кроме того действует правило избирательности. Имя должно обладать еще и адресной функцией, ориентировать человека в пространстве.

«ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...»*

Поэтическая память слова

Д. Н. МЕДРИШ,
доктор филологических наук

2. Изменчивая антитеза

Когда аудитории, состоящей из студентов-филологов, было предложено продолжить строфу из пушкинского «Анчара»: «К нему и птица не летит...»,— последовало: «... И зверь нейдет». Участники эксперимента, цитируя поэта, ошиблись и невольно воспроизвели привычное движение образной мысли. Выяснение причины этой ошибки поможет нам рассмотреть одну из особенностей пушкинского стиля, а попутно продолжить давний спор пушкинистов: верил ли поэт в почерпнутые им из журналов сведения о «древе яда» или же знал, что имеет дело с легендой, восходящей к мифу? Ученые ссылаются на документы; в спор вступает наш современник — поэт Андрей Вознесенский и приводит свои доводы:

Пушкин порвал бы, услышав,
что не ядовиты анчары,
великое четверостишье
и начал сначала.

Обратимся к пушкинским рукописям. Черновой вариант:

И тигр, в пустыню забежав,
В мученьях быстрых издыхает,
Паря над ней, орел стремглав,
Кружась, безжизненно спадает.

Поэт явно следует журнальной информации, в которой утверждалось, что когда «какая-нибудь птица подлетит к дереву так близко,

* Начало см.: Русская речь. 1993. № 3.

что его испарения могут до нее дойти, то падает на землю и умирает» (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М., 1967. С. 190—193). Сообщалось также, что в результате смертоносного воздействия анчара на все живое земля вокруг него покрыта костями тигров и оленей. Однако от такой «научной» версии поэт отказывается: насилие, убийство для автора «Анчара» — явления противоестественные; все живое должно сторониться смерти. Появляется строфа:

Кругом нет жизни, все молчит,
Недвижно все, лишь вихорь черный
На древо яда набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

Пушкин вплотную подходит к фольклорному мотиву безжизненных мест и запирания дорог, известному многим народам. Так, согласно мифу, первопредок ингушей богатырь Турпал поселился в пустынных горах, где никто не жил — «ни зверь, ни птица» (Яковлев Н. Ф. Ингуши. М., 1925. С. 39—41). В русском эпосе мотив этот связан с изображением чиста поля и богатырской заставы. Если обратиться к текстам, безусловно знакомым Пушкину, то та же антитезная формула встречается у Кирши Данилова:

Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскучева.

Еще до Пушкина Жуковский в «Громобое» повторил это традиционное противопоставление без изменений:

И все как мертвое окрест:
Ни лист не шевелится,
Ни зверь близ сих не пройдет мест,
Ни птица не промчится.

Вот как трактует ситуацию запирания дорог известный исследователь фольклорного эпоса Б. Н. Путилов (при этом, заметим, вовсе не имея в виду Пушкина и, следовательно, поисками сходных картин не увлеченный). Ученый отмечает, во-первых, что «уже в начальном описании заставы как бы заложена определенная сюжетная программа.

На добром кони никто тут не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал,
А 'ще серый зверь да не прорыскивал»

(Путилов Б. Н. Застава богатырская. К структуре былинного пространства//Труды по знаковым системам. Т. 7. Тарту, 1975. С. 53). Приведя это описание по сборнику А. Ф. Гильфердинга, Б. Н. Путилов указывает, что оно «непосредственно ориентировано на даль-

нейшее повествование: мы имеем здесь дело с характерной для эпоса семантической оппозицией „неподвижное состояние — резкое нарушение неподвижности"». Вслед за описанием должен появиться некто, резко нарушающий установившийся порядок. Во-вторых, ситуация эта такова, что «объективно расположение гор, морей, лесов, полей относительно заставы не имеет сколько-нибудь существенного значения», потому что «певцу важно другое: панорама дает понять, что застава в данный момент составляет некий центр — не только событий, но и пространства вообще,— с высоты заставы обозреваются все стороны света, к ней они сходятся. Ясно, что сами эти стороны носят совершенно типовой характер и рисуются, конечно, контрастно» (Там же. С. 53—54, 55). В этом по-фольклорному типовом, условном пространстве и совершается действие в «Анчаре»; прежние мотивировки отпадают («певцу важно другое»), естественно-научное обоснование уступает место фольклорной традиции, вопрос о достоверности или недостоверности журнальных сведений отступает на второй план. Рукопись Пушкин не порвал, но сначала начал:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Неудивительно, что теперь поэта привлекает выразительная формула русской былины с ее всеохватной антитезой:

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо яда набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

Это уже особое, пушкинское противопоставление: не *птица — зверь*, как у Кирши Данилова, а *птица — тигр*. Любопытно, что в поздних публикациях былин, Пушкину неизвестных, встречаются варианты, в которых родовые понятия «зверь» и «птица» заменяются видовыми (как у Гильфердинга, например). Пушкин угадывает в фольклоре такую возможность и создает свой образ, в котором воплощается лишь одна часть антитезы, образуя смещенное противопоставление. За привычным и обобщенным «птица» следует далекое и одиночное «тигр»; конкретизируется событие, расширяется его смысл до всеобщности мифа или притчи. Отблеском этой былинной по происхождению пушкинской антитезы освещено все стихотворение.

Смещенное противопоставление вообще характерно для поэтики Пушкина (Константинова-Витт Н. Г. «Зачем потух, зачем блистал»: Смещенные противопоставления в лирике Пушкина//Русская речь. 1985. № 4. С. 45), причем граница этого смещения всякий раз

четко определяется контекстом. Предполагается, что читатель смещенную антитезу восстанавливает, то есть мыслится как бы обратное движение воспринимающего сознания в сторону поколебленного противопоставления. Между тем это не всегда так. По крайней мере в одном случае это движение оказывается более продолжительным и к тому же разнонаправленным. Речь идет о сказочном прологе к поэме «Руслан и Людмила».

Мы уже имели возможность наблюдать, как слово у Пушкина обретает историческую память, и на этой основе — глубинный поэтический смысл. Вслушаемся и в этот стих:

Там лес и дол видений полны(···)

Сказочное царство рассматривается здесь по вертикали; это как будто обычное для фольклорной поэтики двоичное представление (*верх—низ*). Вместе с тем, по принципу антитезы, *долу* должна бы противостоять *гора* — так, во всяком случае, в фольклоре: «Скачет конь, долы и горы меж ног пропускает»; «горы падают, долы встают»; «где горами, а где и долами» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 463). Смещенная антитеза «лес и дол» — построение почти такое же, как, например, «птица — тигр» в «Анчаре» — во всяком случае в начальный момент восприятия образа. Когда вместо ожидаемого *дол — горы* оказывается *дол — лес*, то такое смещение антитезы — это одновременно и проникновение в глубь фольклорной поэтики, и движение к истокам славянской речи, где *лес* и *горы* — поэтические синонимы, о чем свидетельствуют и русская народная поэзия, и история славянских языков.

В русском фольклоре слово *лес* встречается там, где некоторые другие славяне говорят *гора*, и потому русской пословице «Беда не по *лесу* ходит, а по людям» соответствует чешская «Беда не по *горам* ходит, а по людям». У русских значение двух нынешних слов когда-то могло совмещаться в одном — «гора», и затем оба слова долго были взаимозаменяемы (Карнаушенко Г. Н. К вопросу о первичном значении славянского gora//Вісник Харківського університету. Харків, 1987. С. 76) — очевидно оттого, что выражали общее понятие: «нечто возвышающееся над землей». (Отсюда, видимо, и сказочный Змей-*Горыныч*, обитающий, однако, не в горах, а в лесу.) Следовательно, если учесть исконное значение слова-образа, то *лес* вместо *гор* вполне уместен, и тогда *дол* и *лес* — действительно антонимы, как и *дол* и *горы*; привычная антитеза как бы восстанавливается. Но смещение не заканчивается, как это было в других случаях; оно устремляется в противоположном направлении и противопоставляемые явления (лес — дол) сближает, как бы угадывая дальнейшее развитие первичных представлений, когда с переходом к земледелию «культ леса есть культ не деревьев

как таковых, а культ непосредственно растительной силы земли, воплощенной в деревьях» (Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 98). И тогда и *лес*, и *дол* — это части одной стихии — суши, земли, противостоящей другой стихии — воде. И эта стихия тут же появляется:

Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны ⟨…⟩

Но и на этом смещение антитезы не прекращается; оно, становясь скользящим, продолжается — по направлению к синонимии: и *лес* (*горы*), и *дол* (*земля*, *поле*), и *море* (*волны*) — все это указания на далекую сказочную страну; у них общий «знаменатель»: *далеко-далеко*, иначе — «за горами, за лесами, за широкими морями», или «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве». Как и в народной песне:

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных ⟨…⟩

Как объяснил Б. Н. Путилов в уже упоминавшейся статье, в одних случаях, когда ситуация требует показать все стороны света, *горы*, *лес*, *море*, *поле* оказываются на разных полюсах, но стоит ситуации измениться, и крайности сближаются: богатырь едет одновременно и «от чиста поля», и «от того же от морюшка от синего», то есть издалека. В прологе к «Руслану и Людмиле» — в этой сказочной вселенной, сжатой в тридцать пять стихотворных строк — все то многообразие значений — от противопоставления до синонимичности, которое в фольклоре реализуется порознь, в зависимости от ситуации, сосредоточено в одном образе, более того — в одном стихе.

Может возникнуть вопрос: если в определенном контексте *лес* и *горы* — образы взаимозаменяемые, отчего же у Пушкина все же не *горы*, а *лес*? Отчасти на этот вопрос мы уже ответили: такой выбор — как бы первый толчок к скользящему сближению понятий, идущему от антитезы к синонимии. Но есть и другая причина. В представлении древнего русича (далее цитирую памятник XVI века) «Лукомории суть приморския лесистыя местности» (Словарь русского языка XI—XII веков. М., 1981. Вып. 8. С. 304). Лес в лукоморье мыслится изначально. Пушкинское отклонение от фольклорной нормы (смещение антитезы) не только не стало помехой к восприятию сказочной картины, но, напротив, придало ей временную и пространственную глубину, и притом нисколько не в ущерб конкретности.

Непостоянный постоянный эпитет, непротиворечивый оксюморон, скользящая антитеза... Конечно, говоря об их отношении к фоль-

клорной поэтике, все приведенные примеры из произведений Пушкина можно было бы подвести под одно определение — «неточная цитата». На поверку же цитата оказывается, напротив, сверхточной, прозорливо точной: фольклорный образ воспроизводится не в застывшем виде; в нем пробуждается поэтическая память, он обретает историческую глубину, многогранность. Фольклорная традиция представлена в нем в своем движении, развитии. Более того, это развитие в намеченном народной поэзией направлении продолжено и за ту черту, на которой фольклорный образ застыл, канонизировался.

Волгоград

Дух вон

А. А. ПЛОТНИКОВА,
кандидат филологических наук

> Дух бестелесное существо; обитатель невещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в *духе* высшую искру Божества, ум и волю, или же стремленье к небесному.
>
> *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.*

Всем нам известное, но довольно «туманное» слово *дух* объединяет множество значений: «сознание, мышление», «душа», «дыхание», «бесплотное сверхъестественное существо», «воздух», «запах». В русских говорах *дух* обозначает также «пар», «ветер», «тепло» и др. Когда мы говорим о различных языковых явлениях, касающихся сферы значения, смысла, то вольно или невольно обращаемся к процессам и фактам объективной реальности. В данном случае кажется, что такое исследование затруднено, поскольку речь идет о слишком абстрактной категории. И, тем не менее, отвлекаясь от ее философского и теологического смыслового наполнения, обратимся к истокам взаимосвязи многообразных значений слова *дух* в народной культуре славян, испытавших влияние православной традиции.

По народным представлениям о душе как о невидимой (или почти невидимой) субстанции она имеет облик пара, воздушного столба, ветра, тумана, маленького облачка, дымка, подобного дыханию в холодной комнате. Как объясняли белорусские крестьяне, душа — это «дух», пар (похожий на банный), который может бесконечно изменять свою форму, принимая различные образы, или же оставаться невидимым (Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895). Известное всем славянам представление о том, что душа выходит изо рта умирающего с последним выдохом в виде воздуха, пара, у восточных славян отражено в языке. О смерти человека говорят: *дух вон* (русск.), *дух вышел, душа вышла* (блр. и укр. Полесье), *испустил, выпустил, отдал дух, душу* (устар. русск.). Фразеологизмы типа *дух вон* употребляются и как ругательство, брань в русских говорах, например, «Дух тебе вон. *Бранно.* Дух из тебя вон; хоть бы ты сдох. Псков., Смол.» (Словарь русских народных говоров. Вып. 8).

Различные синонимические выражения, означающие смертельный исход и связанные с представлением о расставании души с телом, распространены у южных славян: сербохорв. *издахнути, испустити, изригати душу* «выдохнуть, выпустить, выплюнуть душу», *раздвојити се са душом* «разделиться с душой», *дати душу* «отдать душу», *испадне душа* «выпала душа», болг. *душата ми дойде до зъбите* «душа моя дошла до зубов», *душа пътва* «душа отправляется» и т. д. (по материалам, собранным О. А. Терновской, С. М. Толстой).

На русском Севере фразеологизм *дух вон* встречается и со словом *пар*, например, *у него и пар вон* (Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1989). Аналогичные выражения отмечены в Полесье: *пáра, вышла, пáра вылегáе, пар выпирáе* (укр., блр.). Впрочем, обороты *пар вон* и ему подобные часто употреблялись только по отношению к животным, поскóльку в народе полагали, что «*в скоте да в собаке души нет, один только пар*» (Даль В. И. Т. III).

По поверьям, невидимую душу (дух) в облике воздушного столба или пара над могилой умершего можно наблюдать в течение первых сорока дней после смерти человека. Встреча с таким «духом» не сулит ничего хорошего, как явствует из многочисленных полесских былúчек (рассказов о встречах с нечистой силой). «Белый дым», «воздух», «пар», принимающий облик усопшего, способен по ветру преследовать случайного прохожего, догнав, он садится на пленника сверху и убивает. Спасаясь от «духа», нельзя останавливаться, следует бежать против ветра и прятаться за угол, но можно «развеять, раздуть» его одеждой, а лучше — тканью белого цвета (по записям из Полесского архива).

Известный в Полесье обычай *подымать воздух* связан с представлением о подъеме «духа», души «в воздух», «наверх», «на небеса», «на ответ к Богу», туда, «где ею распоряжается Бог». Обычай совершается преимущественно на сороковой день после смерти или «в шесть недель после похорон», когда, например, постилают на могилу скатерть и затем поднимают ее три раза за концы вверх, сопровождая свои действия напутствиями «душе» идти вверх (село Дунаец Глуховского района Сумской области. Полесский архив). У южных славян считается, что душа, отделившаяся от тела, находится поблизости от него в течение сорока дней. Потом она удаляется и пребывает то в лесу, то в воде, то в высших воздушных сферах: в облаках, на звездах, солнце, месяце. При этом души иногда возвращаются с того света и приходят к своим родным в гости (Станојевић С. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ I. Загреб, 1925).

По славянским народным верованиям, бесплотная душа (дух) умершего питается соответственно паром и запахом. С этим представлением связаны многие ритуалы. Так, украинцы вынутый из

печи хлеб разламывали и оставляли на некоторое время у окна, чтобы горячий пар дошел до покойника. У болгар на поминках какое-либо блюдо или хлеб приносили на стол обязательно теплыми, так как считалось, что «души питаются только парем» (Вакарелски Х. Български погребални обичаи. София, 1990). По тем же причинам на поминках в Полесье ломали горячий пирог, подавали к столу дымящийся борщ и т. д. Украинцы Черниговской губернии в день смерти родителей и на поминках пекли блины, «чтобы доставить удовольствие душе умершего. Блин держат подольше на сковороде, в блинном паре и витает душа — *парится*» (Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 1. Чернигов, 1985).

Несколько «приземленные» былички и поверья славян о «духе» основаны на таких характерных для этой категории признаках, как бесплотность и невидимость, точнее, возможность существования невидимой, но явной материи вне человека, а в пространственном отношении — над человеком. Таким образом, множество семантических нитей связывают различные значения слова *дух*. Как нам кажется, совокупность отмеченных в народной традиции признаков входит и в сложное по своей структуре современное абстрактно-культурологическое значение слова, условно определяемое как «сознание, мышление».

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

И. А. КОРНИЛАЕВА,
кандидат филологических наук

«Позвать, говорит, фельдъегеря, препроводить его на место жительства!» А фельдъегерь уже там, понимаете, за дверью и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом, дантист эдакой... Вот его, раба божия, в тележку, да с фельдъегерем... Едет он, судырь мой, на фельдъегере...

Н. В. Гоголь. Мертвые души.

Слово *фельдъегерь* «военный, правительственный курьер» в русском языке первоначально относилось к иностранной реалии. В статье «О Датском военном состоянии» переведенный с немецкого «Политический журнал, с показанием ученых и других вещей» (М., 1790) сообщал: «Учрежден также корпус фелд-егеров, котораго должность весьма обширна. Сии обучаются лесничеству, или сведению лесов, измерению различных сторон, и другим наукам; почему сей корпус должно считать за род училища, где молодые офицеры приготовляются к Адьютантской службе при Генерал-Штабах, так что сей корпус много обещает, когда он достигнет своего совершенства».

В 1796 году фельдъегерская связь и фельдъегерский корпус были созданы и в русской армии. Вскоре на улицах Москвы можно было наблюдать, как опальный «бывший синодский обер-прокурор князь Хованский проехал ⟨···⟩ с фельдъегером в Симбирск на телеге под присмотром губернаторским» (Письмо И. В. Страхова к графу А. Р. Воронцову, 21 июля 1799 г. // Архив князя Воронцова. Кн. XIV. М., 1879). С конца XVIII века слово фиксируется и лексикографами. Со свойственным словарям консерватизмом «Полный немецко-российской лексикон из большаго граматикально-критическаго Словаря господина Аделунга составленный...» (Т. I. СПб., 1798) ассоциирует фельдъегерей-курьеров только с Пруссией, где они появились впервые, ср.: «der Feldjäger ⟨···⟩ (В Пруссии) фельд-егерь, полевой егерь». Зато в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (Т. III. СПб., 1806) находим этимологическую и историческую справку следующего

содержания (отметим, кстати, что написание слова здесь совпадало с принятым ныне): «Фельдъегерь, нем. Собственно значит: полевой охотник, ловчий. В царствование Павла I составлен из фельдъегерей корпус, состоящий из ста человек. Сии фельдъегери употребляются вместо куриеров в разныя посылки». На немецкое происхождение термина *фельдъегерь* указывают далее многие другие источники, в том числе Военный словарь С. Тучкова (Т. II. М., 1818): «Фелдъегерь. Слово Немецкое, полевой гонец. Оные имеют Унтер-Офицерские чины и служат для разсылки с повелениями от Государя, Главнокомандующих и других Генералов».

Из приведенного материала, в частности, видно, что на начальной стадии бытования в русском языке рассматриваемое слово имело варианты с исходом основы на твердую и мягкую согласную. Анализ этих вариантов позволяет внести некоторые этимологические уточнения. Формы типа *фельдъегер* непосредственно передают немецкое *Feldjäger* (закономерно, что в приведенном выше примере «первой фиксации» 1790 года представлена именно такая основа); конечное *-рь*, напротив, вторично и вызвано аналогией с более ранним немецким заимствованием *егерь* «охотник-профессионал, солдат-стрелок». Последнее получило окончание *-ерь* на русской почве под влиянием исконных существительных — названий лиц по роду занятий с суффиксом *-арь* (типа *пáхарь*) по крайней мере в начале XVIII века, хотя колебания *егер* (ср. нем. *Jäger*) / *егерь* наблюдаются и позже. Сосуществуя, *фельдъегерь* и *егерь* уже в 1-й половине XIX века приобрели также общие грамматические особенности — именительный множественного на *-я́* (примеры см. в соответствующих статьях «Словаря языка Пушкина»).

Заимствованиям *фельдъегерь* и *егерь*, сближенным в русском языке формально, в немецком соответствуют родственные слова: *Jäger* «охотник» является вторым компонентом сложения *Feldjäger* «курьер». *Feld-*, первая составная часть, очевидно, имеет здесь специальное значение «поле боя, место сражения», представленное и в других военных терминах, например, *Feldsoldat* «армейский солдат». Несколько таких терминов на *фельд-* проникло в русский язык раньше, чем *фельдъегерь*, сравним запись 1764 года в «Семена Порошина записках...» (СПб., 1881): «в армии три фельда только, фельдмаршал, фельдъцейгмейстер и фельдвебель». Значение «поля боя» развилось из основного значения «поле» вследствие того, что некогда боевые действия велись только на открытой местности (Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1897). По определению Пауля (там же), *Feldjäger* — призванный на военную службу охотник (лесничий), использовавшийся в качестве курьера. Согласно Meyers Neues Lexikon (B. IV. Leipzig, 1972) фельдъегерское подразделение первоначально состояло из обученных охотников. Решающую роль

при отборе в фельдъегери сыграли, очевидно, охотничьи навыки быстрого передвижения по пересеченной местности и т. п.

Этимологические разыскания о немецком *Feldjäger* не обошлись без курьезов. В XVIII—XIX вв. наряду с *Feldjäger* «курьер» бытовало также название разновидности охотника *Feldjäger*, образованное в соответствии с основным значением немецкого *Feld* «поле»: «птичий охотник» (Полный немецко-российской лексикон... Аделунга. Т. I. СПб., 1798), «охотник на мелкую дичь» (Grimm I., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. B. III. Leipzig, 1862) и т. п. (см. также далее). Формальное совпадение этих двух сложных слов и дало в начале XIX века повод для следующего экскурса (обращаем внимание читателя также на очередной, орфографический вариант): «Фельдь-егерь значит псовой охотник за зайцами; ибо Фридрих II, по заслугам своему отечеству великий, король Прусский, уничтожая охотников своего отца, как и его к военному делу негодный устав воинский, сих вредных землепашеству людей, фельдь-егерей отца своего, повелел употребить, как навычных людей к скорым посылкам, в службу государственную, оставя при них имя фельдь-егерей, т.-е. гончих охотников» (Записки Михаила Ивановича Антоновского. Начаты в 1806 году // Русский архив. Кн. I, СПб., 1885).

А. А. ШУНЕЙКО,
кандидат филологических наук

Мы привыкли к тому, что литературные персонажи часто имеют реальных прототипов. Но прототипы бывают и у предметов, которые упоминаются в художественном произведении. В романе И. С. Тургенева «Накануне» «...Увар Иванович почивал в мезонине на широком и удобном диване, получившем прозвище „Самосон“» (Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 6. М., 1981).

Упоминаемый в этом отрывке диван «Самосон» куда более реален, чем расположившийся на нем Увар Иванович. Об этом свидетельствуют воспоминания сразу двух современников Тургенева: «После обеда мы отправились пить кофе в гостиную, где стоял столь часто упоминаемый Тургеневым широкий, времен Империи, диван *самосон*, едва ли не единственная мебель в Спасском, с пружинным тюфяком. Тургенев тотчас же лег на *самосон* и только изредка слабым и шепелявым фальцетом вставлял словцо в наш разговор...» (А. Фет. Воспоминания); «Маленькая гостиная [в доме Тургенева] в то время [1870 г.] занимала прихожую — в ней же стоял еще диван «самосон», он был заброшен в сарае, и только позднее Иван Сергеевич вспомнил об нем и велел привести его в порядок и внести в гостиную» (М. Щепкин. Воспоминания о Тургеневе). «В настоящее время „Самосон“ хранится в музее И. С. Тургенева в Орле»,— отмечает А. П. Могилянский в своих комментариях к роману «Накануне» (см. Тургенев И. С. ПСС и писем. Соч. Т. 6. М., 1981).

Как видно, бурная история дивана, включающая в себя заточение в чулан, возвращение в гостиную, запечатление в романе и, наконец, помещение в музей, хорошо известна, чего нельзя сказать об истории слова, которым он назван. Попытаемся разобраться в ней.

Слово *самосон* в романе «Накануне» написано с большой буквы, указано, что это прозвище дивана. Два эти факта позволяют предположить, что *самосон* является предметным прозвищем. Предметам, как и живым существам, часто давали и дают такие прозвища, которые становятся для них тем же, чем для человека имя, отчество

и фамилия, то есть именами собственными. Вот только два примера: «...молча махнул рукой на стул с внешней стороны стола. Стул этот в отделе назывался Лобным местом» (А. Курчаткин. Веснянка). «Началось с того, что Егор Ильич заскрипел. Ах да, виноват, тут надо пояснить, что Егор Ильич — не человек, а в некотором роде шкаф. Старинный книжный шкаф. Человеческим именем обозвал его Семен Терентьевич, покойный дед моей жены. У него была такая чудная привычка давать вещам имена. Письменный стол у него назывался Фемистокл Македонович, декадентская кушетка в виде створки раковины — Спандулия Кузьминична...» (А. Лаврин. Смерть Егора Ильича).

Предположение, что *самосон* — имя собственное конкретного большого и удобного пружинного дивана, принадлежавшего Тургеневу, подтверждается и тем, как это слово воспринимали современники писателя. А. Фет подает его курсивом, М. Щепкин берет его в кавычки. В их восприятии это слово является новым, индивидуальным и оригинальным названием большого удобного дивана. Если бы они встречались с таким названием раньше и оно было бы для них привычным, то не стали бы выделять его специальными графическими средствами. Все это вместе наталкивает на вывод о том, что имя дивану дал либо сам Тургенев, который ввел в литературный язык не одно новое слово, либо кто-то из его семьи. При этом важно, что именно Тургенев с его авторитетом крупного художника слова сделал *самосон* известным как среди своего литературного окружения, так и широкому кругу читателей. Результаты появились очень быстро.

Уже в начале XX века слово *самосон* начинают использовать как имя нарицательное. *Самосоны* упоминают многие: «В номере Мишла [народника—шестидесятника, автора «Сибирских рассказов» М. И. Орфанова-Мишлы.— *А. Ш.*] стояли две кровати и диван вроде тургеневского «самосона», поперек которого могло в ряд улечься пятеро, что иногда и бывало» (Вл. Гиляровский. Москва и москвичи); «Лег было по долголетней привычке у себя в кабинете на „самосоне", но и „самосон" не помог,— не заснул» (С. Сергеев-Ценский. Пушки выдвигают); «Десятками лет иной мастер делал один какой-нибудь самосон или туалет, или бюрцо, или книжный шкаф (...) Мастер умирал, а вещи жили столетьем в помещичьих усадьбах и особняках, около них любили и на самосонах умирали, в потайных ящиках секретеров прятали тайные переписки...» (Б. Пильняк. Красное дерево). Слово *самосон* в значении имени нарицательного автору приходилось слышать в семье своих родителей уже во второй половине XX века.

Сопоставление примеров упоминания самосона в конце XIX и в начале XX веков показывает, что слово изменилось: имя собственное перешло в нарицательное и приобрело значение «широкий, удобный,

поместительный диван, располагающий ко сну», или, как толкует Словарь современного русского литературного языка (М.—Л., 1962): «Об удобном диване, располагающем ко сну». Поскольку известные мебельные каталоги начала XX века не фиксируют такого вида диваны, приходится признать, что *самосон* — как обиходное наименование — берет свое начало от знаменитого тургеневского Самосона, ставшего родоначальником не одного поколения подобных себе диванов.

Но Тургенев не придумал *самосон*, он только первым использовал его для названия дивана. Само же слово существовало и до этого момента в другом значении, которое сейчас в литературном языке утеряно и забыто.

Чтобы убедиться в этом, нужно обратиться к истории слов с первой частью *само-*. Они составляют в русском языке большую группу. По свидетельству В. В. Веселитского, эти слова, служащие наименованием активного действия, деятеля, состояния лица, вещи, давнего происхождения (Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М., 1972). Среди слов на *само-* можно выделить две ветви. Первая — слова типа *самознание, самомышление, самосовершенность* и др. Это слова славянокнижного характера, восходящие к богослужебной литературе. Вторая — слова типа *самобранка* (у Афанасьева: *самобранка-самовертка*). Это слова разговорного характера, восходящие к фольклорной традиции, которые мы знаем с самого детства из-за их употребления в сказках и былинах, пословицах и поговорках. Вот только некоторые из них, встречающиеся в творчестве поэта Н. А. Клюева, близкого к фольклорной традиции. Заметьте, как само употребление этих слов в стихотворении создает атмосферу сказочности и близости повествования к разговорному языку народа, его образному строю: «Глядь, в горенке стол самобранкой накрыт···»; «Где же петухи на полотенцах,/Идолище-самовар?»; «И доселе по Поволжью/Живы слухи: в ледоход/Самогуды звучной дрожью/Оглашают глуби вод»; «Пусть же зябликом напоследках/Звенит самопрялка дней»; «Водянице стожарную кику:/Самоцвет, зарянец, камень-зель» (Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы).

Эти примеры не исчерпывают количества и разнообразия слов на *само-*. К группе слов, восходящих к разговорно-фольклорной традиции, можно отнести и *самосон*.

К сожалению, слово *самосон* не зафиксировано известными диалектными словарями. Но в Санкт-Петербурге, в картотеке Большого академического словаря русского языка содержится интересная поговорка, записанная в 1932 году в Ивановской области: *Сон-самосон не опалит запон*. Чтобы разобраться в ее значении, обратимся к Словарю Даля, где указано, что «*зáпон* и *запóна*, всякого рода полотнище, полсть для завешивания и охранения чего;//передник;

фартук женский или рабочий мужской, иногда кожаный, кузнечный». Как видно, диапазон значений слова широк, но употребление в поговорке глагола *опалит* позволяет выбрать среди них последнее — кожаный кузнечный фартук. Тогда значение поговорки проясняется, она восходит к кузнечному труду и буквально означает: если спать, то рабочая одежда не повредится. Эта поговорка высмеивает лентяев и лежебок.

Характер поговорки и входящие в нее слова говорят о том, что она возникла в народной среде не позднее (вероятно, даже раньше), чем в прошлом веке. Могло ли слово *самосон* в значении «диван» проникнуть в эту поговорку из дворянско-интеллигентской среды? Нет, так как кузнецы в XIX веке не читали прогрессивных романов и уж тем более литературных мемуаров. В данном случае возможен только обратный путь — из народной речи в литературную.

Такова история слова *самосон*, которое прошло путь от назначения беззаботного и спокойного сна в фольклоре, через прозвище знаменитого тургеневского «персонажа» к названию любого удобного и широкого дивана.

Комсомольск-на-Амуре

ВАТА

А. Н. ШУСТОВ

Мы настолько привыкли к простому повседневному слову *вата*, что вопросов по поводу его происхождения обычно не возникает. А между тем «биография» его довольно интересна и во многом загадочна.

Этимологические словари русского языка (А. Преображенского, М. Фасмера, Г. Цыганенко, Н. Шанского) единодушно не уверены в указании источников происхождения слова *вата*: очевидно (!) из немецкого *Watte*; возможно (!) из французского *ouate*.

Древнефранцузское *ouette* было родственно *oie* «гусь», т. е. изначально вата якобы ассоциировалась с гусиным пухом. Правда, сами французы возводят свое слово *ouate* (известно с конца XV в.) к итальянскому *ovatta*, восходящему к арабскому *bata'in* «теплая одежда из привозного египетского хлопка» (Nouveau Dictionnaire Etymologique. Paris, 1981).

В свою очередь немецкое *Watte* многие специалисты считают среднелатинским арабизмом *wadda* (эта форма употреблялась и во французском языке с конца XIV в.); «но путь его проникновения в европейские языки недостаточно ясен» (Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 3. М., 1968, далее ЭСРЯ). Немецкое *Watte* иногда рассматривается в одном ряду с английским *wad* (звучит, как «вод», XVI в.), нидерландским *watten*, итальянским *ovate, ovatta* (Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1943). Фонетически слово *Watte* очень близко другому немецкому: *Wate* (староверхненемецкое *Wata*), родственному многим староскандинавским словам в значении «лёса, веревка с наживой для рыбы», которые увязываются с латинскими *vado* «переходить вброд», *vadum* «мель».

Итальянские лексикографы утверждают, что немецкое *Watte* происходит от французского *ouate*, а исходным, в том числе для итальянского, является, по-видимому (!), восточное (!) слово **vata*, которое означает вещество, получаемое из растения асклепия сирийская (Olivieri D. Dizionario etimologico italiano. Milano, 1961).

«Словарь русского языка XVIII в.» (Вып. 2. М., 1985), фиксирующий ранние случаи употребления в России слова *вата*, фактически придерживается наиболее распространенной версии о его происхождении из немецкого слова, в свою очередь заимствованного из французского. Однако простейшее хлопкопрядение было освоено

в Германии раньше, чем во Франции, и, скорее, можно было бы ожидать обратного влияния.

Попробуем разобраться.

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что слово *хлопок*, из которого получают настоящую вату, в разных славянских языках называется по-разному (в зависимости от источника импорта), а слово *вата* — практически у всех одинаково. Болгарские этимологи, например, не отвергают (для своего языка) *немецкое заимствование*, имеющее, по их мнению, *восточное* (!) происхождение (Български етимологичен речник. Св. 2. София, 1963).

К середине XVIII века Россия импортировала хлопок, в основном в виде пряжи и тканей, из многих регионов: Китая, Индии, Средней Азии, Передней Азии, Европы. Уже с конца XV века эти товары назывались на Руси *бумагой, хлопчатой бумагой*. К XVII веку это было вполне устойчивое словосочетание: «Мощи же святыя ⟨···⟩ собраны во гробницу и покрыты бумагою хлопчатою» (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Ч. 2. М., 1989).

Обычно слово *бумага* возводят через итальянский (или греческий) к персидскому *памбак* (*pänbäk*; ЭСРЯ. Т. I. Вып. 2. М. 1965). Отсюда, кстати, соответствующее название хлопка в грузинском, болгарском, сербскохорватском и других языках: *бамба, бамбак, памук*···

Интересен в этом отношении отрывок из «кавказского» письма А. С. Грибоедова (1819): «··· сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за *бамбак*, между тем как это отбросы от караванов,— в тесных излучинах здешние колючие отростки цепляют за хлопчатую бумагу и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов» (Сочинения. Л., 1945; курсив мой.— *А. Ш.*). Сегодня этот текст нуждается в «переводе»: Грибоедов увидел на кустах клочки ваты, которые принял за растущий хлопчатник.

В русском языке слово *бумага*, как уже говорилось, было известно с XV века, но и в конце XIX века его происхождение было неясно. Известный лексикограф И. И. Срезневский писал осторожно: «Хотя и не найдено еще данных, но, кажется, можно заключить, что это слово зашло к нам из Греции или Италии» (Указ. соч. Т. 1. Ч. 1). В то же время для русского существовала и уточняющая версия: «Обыкновение туркестанцев делать бумагу преимущественно из дерева хлопчатой бумаги и тряпья бумажных тканей было причиною усвоения в восточнотурецких наречиях имени кустарника и его пушистого плода — *пумух, мумбуг* или *бумуг* самому изделию. Вот начало русского слова *бумага*» (Плюшар А. Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836). То есть не бумага (писчая) послужила источником для названия ткани, а наоборот! Напомним еще слово *бумажник*, означающее набивную хлопчатобумажную постель, под-

кладываемую под пуховик: в подстилку пошел «пуд бумаги хлопчатой битой» (Савваитов П. Описание старинных русских утварей... СПб., 1896).

Исходное персидское *pänbäk* (*хлопок*) явилось источником для образования родственных слов во многих языках: греческом и латинском *bombux* (шелкопряд, шелковый кокон, шелковая ткань); среднелатинском *bambacium, bombycinum*; итальянском *bambagio*, французском *basin, bombasin* (отсюда русское *бумазея* «косматая ткань из хл. бумаги»); немецкое и английское *Bombast*. В русском языке долгое время существовало слово *бомбицин*[*а*] в двух значениях: «шелковая материя» и «писчая бумага», которая «в средние века, до распространения тряпичной бумаги, ввозилась в Европу с востока и выделывалась, как полагают, из хлопчатой бумаги». Она употреблялась для славянских и русских рукописей, отличалась желтизной, лоском и толщиной (Словарь русского языка. Вып. I. СПб., 1891).

Итак, *бумага* — это, по определению В. И. Даля, «семянный пух растения Gossypium (хлопчатник)». *Бумага* обычно сопровождалась прилагательным *хлопчатый* (существительное *хлопок*, скорее всего, вторично). Мнения по поводу происхождения слов: *хлопчатый, хлопок, хлопья* встречаются самые разнообразные, даже такое: от слова *хлоп-шум*, т. е. то, что с шумом отрывается, превращаясь в клочки (Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989). Но общий вывод несколько неожиданный: «Происхождение неясно» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4, М., 1973). Увязка слова *хлопок* с чешским *chlup* (шерсть, волос) также неубедительна, поскольку слово это, во-первых, присуще только русскому языку, а во-вторых, написание его еще в XV—XVII вв. колебалось: *клупчатый, клопчатый* (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7), что не находит соответствия ни в древнерусском, ни в других родственных языках. По всей вероятности, это заимствование из индийских языков: *капок* (*Capuk*) → коротковолокнистый *хлопок*. На языках хинди, урду, бенгали хлопок называется *капас*. «Хлопчатая бумага или хлопок производится на растении, которое можно назвать по-русски хлопчатником» (Плюшар А. Указ. соч. Т. 7). Из сказанного следует вполне определенный вывод: словосочетание *хлопчатая бумага* тавтологично, поскольку оба слова изначально — одно и то же. Разобравшись с *хлопчатой бумагой*, вернемся к слову *вата*.

Одно из ранних упоминаний *бумажной ваты* встречается в русском торговом Тарифе 1757 года (Баранов А. А. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России. М., 1913). Первоначально так называлась «деланная», а не «самородная» (дикорастущая) вата, т. е. выработанная из хлопка и особым образом приготовленная (расчесанная в листы) подстёга. «Самородной» же

считались (но ватой не назывались!) волокна кустарника апоцина (сирийского или египетского), в чем-то аналогичного индийскому капоку, «внутренность плода (которого) наполнена вся некоторым родом самой белой и мягкой шерсти, называемой *houatte, гуатте*» (Мейер А. Ботанический подробный словарь··· Ч. I. М., 1781). Эту версию происхождения слова *вата* в свое время поддержал «Энциклопедический лексикон» Плюшара: «Название первоначально дано было произведению одного сирийского и египетского растения, известного под названием апоцина (Apocin), а ботанич. Asclepias syriacca» (Указ. соч. Т. 9). Хлопковая (бумажная) вата в XVIII веке характеризовалась в России как «шерсть, завернутая хлопком [клубком? — *А. Ш.*] в плоде травы, называемой котон» (Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т. 7. М., 1788).

Котон (араб. *koton* «хлопок») — редчайший пример в русском словоупотреблении. Но зато этот термин вошел во многие европейские языки: французский, английский, итальянский (наряду с *bambagio*), испанский (*algodon*). Русские же лексикографы по привычке и по схожести материалов предпочитали слово *шерсть*: в плодах хлопчатника — «белые, продолговатые, пушистые и в мягкой шерсти обвернутые семена» (Мейер А. Указ. соч.). Характерно, что и в древнегреческом языке хлопок, с которым греки познакомились еще во время походов Александра Македонского, назывался *древесной шерстью* (Древнегреческо-русский словарь. Т. I, II. М., 1958). Так же называется он и в немецком: *Baumwolle*. Немецкое влияние ощущается и в других языках: польском — *bawełna*, а через него — украинское *бавóвна*, чешском и словацком — *bavlna*. Интересно, что английский путешественник Рич. Джемс в начале XVII века перевел русское словосочетание *хлопчатая бумага* как *cotton wool*, буквально: «хлопковая шерсть» (Фасмер М. Указ. соч. Т. 4).

В русском языке слово *вата* было известно к середине XVIII века. С одной стороны, утверждалось, что «уат или вата — род бумаги хлопчатой, очень мягкой и лоснящейся». В то же время эти термины старались отделить друг от друга (фактически — от франц. *ouatte*): *уат* «есть род ваты, которую несправедливо называют сим именем», поскольку это не что иное как хлопки, покрывающие наружность мешочков шелковых червей (ср. *лат. bombix*! — *А. Ш.*) «их разваривают и продают за настоящий уат, к которому они не уподобляются, поскольку ватами называют стеганые платья, халаты (и т. п.), то их называют на вате, хотя просто их надо бы называть хлопчатою бумагою или шерстью» (Левшин В. Словарь коммерческий. Ч. 7, М., 1792).

Совершенно ясно, что первое время *ватой* называлось не само хлопковое пушистое вещество, а некое изделие из него, напоминающее *ватилин* (устар., от нем. *Watteline*) или нынешний *ватин*, который, строго говоря, ватой не является. Не случайно Мейер в

своем Ботаническом словаре утверждал, что «в аптеках бумагу [т. е. вату в нашем понимании.— *А. Ш.*] ни к чему не употребляют». А Словарь Академии Российской (1789) дал ей такое определение: «Лист, составленный из хлопчатой бумаги», «хлопчатая бумага на клею, чем подбивают платье».

Энциклопедический лексикон А. А. Плюшара пояснял: «Хлопчатая бумага употребляется или в своем природном состоянии будучи только очищена от семенных зерен и расчесана толстым листом или войлоком, под именем ваты; или идет в пряжу и употребляется в виде ниток и тканей···» (Т. 7). Это же значение позже было подтверждено и В. И. Далем в его Толковом словаре: «*Вата клееная*, расчесаная в листы и слегка, с одной стороны, покрытая клеем». Даже в самом конце XIX века *вата* толковалась еще как «очищенная и приготовленная листами хлопчатая бумага» с уточнением, что она бывает «листовая» и «фунтовая», т. е. развесная (Словарь русского языка. Вып. I. СПб., 1891).

Откуда же пришло в русский язык слово *вата*?

В языках практически всех восточных хлопкопроизводящих стран нет слов, похожих на русское для названия ваты (хлопка-сырца). За исключением··· В качестве одного из гипотетических восточных источников слова *вата* предлагается японский язык, в котором *вата* звучит так же, как и в русском. Оппоненты могут возразить: мало ли слов в разных языках, совпадающих по звучанию; как, например, в том же японском слово «гора» произносится однозвучно с русским *яма*. Но в данном случае речь идет не просто об одинаковом фонетическом звучании, а об абсолютно одинаковом значении.

В японском языке употребляются два разных синонимических иероглифа, каждый из которых имеет двойное чтение с одними и теми же значениями: 1. *Мэн* [заимствованное вместе с иероглифом из китайского *мянь*] «хлопок» и 2. *Вата* [собственно японское] — «хлопковая вата» (Краткий японо-русский иероглифический словарь. М., 1944). Обе эти основы входят в различные производные слова: *мэнка* «хлопок-сырец», *момэн* «хлопчатобумажный материал», *мэмпу* «хлопчатобумажная ткань»; *ватабоси* «женский головной убор на вате», *ватагумо* «пушистые облака», *ватагэ* «пух», *ватадзин* «хлопчатобумажный фитиль в свече», *ватаирэ* «ватная одежда», *ватаи* «ватный», *ватаирэ-гайто̄* «пальто на вате», *вата-кудзу* «очистка хлопка», *ватакурики* «хлопкоочистительная машина», *ватая* «торговец хлопком», *мавата* «шелковая вата» (Большой японско-русский словарь. Т. 1. М., 1970).

Хлопководство, хлопкопрядение, хлопкоткачество известны в Японии с XIII века и получили дальнейшее развитие в начале XVIII века. Однако, экспорта хлопка ввиду его небольшого количества Япония не производила.

Русско-японские контакты в XVIII веке были ограниченны в

силу закрытости для европейцев Страны Восходящего Солнца. Проникновение русских в Японию и японцев в Россию в этот период было редким. И тем не менее: первая школа японского языка появилась в России еще при Петре I— в 1705 году. Позже такие школы были открыты при Академии наук в Петербурге, Иркутске, Якутске, Илимске (см. Труды третьего международного съезда орьенталистов в С.-Петербурге. Т. 1, СПб., 1879).

В 1740-х годах крещеный японец А. Татаринов составил в Иркутске русско-японский словарь объемом в тысячу слов, который попал в Петербург и в 1782 году даже обсуждался в Академии наук. Несмотря на небольшой объем лексики, видимо, учитывая прикладной характер своего труда, автор включил в него понятие *хлопчатая бумага* с переводом на японский — *вата* («Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. М., 1962). В пользу новояпонского заимствования слова *вата* говорит его позднее появление в русском языке, когда сам этот «предмет» (под названием *бумага*) был известен в России уже более трех столетий. Кстати, языковые контакты с японцами не прошли бесследно и для восточных соседей: тогда же они позаимствовали, например, русское слово *шуба* (яп. *сюба*).

Хотя слово *вата* и было включено в солидный Словарь Академии Российской (1789), оно долгое время считалось принадлежностью профессиональной лексики, и в язык художественной литературы вошло сравнительно поздно: вспомним «на вате шлафор» (халат) из пушкинского «Евгения Онегина» и «шинель на толстой вате» у Гоголя («Шинель»). В обоих случаях — в значении «войлочного листа»!

Санкт-Петербург

ПО СТРАНИЦАМ НОВОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА*

§ 54. Общее правило письма

Чтобы правильно писать глухие и звонкие согласные, надо ответить на два вопроса.

Первый: фонема в сильной или в слабой позиции? Если в сильной, пиши, что произносится: звонкий звук — букву звонкой фонемы; глухой звук — букву глухой фонемы. И дело с концом.

Второй: а если фонема находится в слабой позиции? Проверь ее, приведи к сильной позиции. Как привести? Найди ее в том корне (или в той же приставке, в том же суффиксе, в том же окончании) перед гласным, или перед сонорным, или перед [в] — [в'].

По таким же общим правилам — фонемным — обозначаются на письме не только звонкие и глухие, но и любые фонемы русского языка.

Есть только отдельные (и в общем немногие) отступления от этого правила, вроде передачи приставок на ⟨з⟩.

Упражнение. Вова Бутузов написал:

с приятелем,
з братом,
из Омска,
через дорогу.

Настя радуется:

— Молодчина, Вова! Правило почти что выучил! На три четверти знаешь! Три слова из четырех написал верно. Осталось всего выучить четвертушку правила.

Верно ли, что Вова почти полностью знает правило? Какое здесь у нас правило — фонемное или нет? А Вова какое для себя правило придумал?

Упражнение. И. А. Бодуэн де Куртенэ, замечательный языковед, в своей книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912 год) сформулировал общее правило: в русском языке буквенное написание берется «из мест наибольшего различения». Прав он или нет? Согласны вы с этим мнением? Может быть, это правило чем-то похоже на фонемное правило?

§ 55. Удобные проверки

Легко сказать: проверь звук по сильной позиции! А как проверить? Где быстро найти нужное однокорсенное слово? Оказывается, есть простые проверки. Их надо использовать в первую очередь. Вот несколько таких проверок.

* Начало см.: Русская речь. 1993. №№ 2, 3.

Нам нужно привести к сильной позиции глухой звук в конце слов *каранда́*[ш] и *сто́ро*[ш]. Проверяем: *каранда́*[ш], нет *каранда*[ш]*а́*, *вот каранда*[ш]*и́*.

Убеждаемся, что звук [ш] представляет фонему ⟨ш⟩, и пишем букву *Ш*: *карандаш*.

Сто́ро[ш] — *нет сто́ро*[ж]*а*, *вот сторо*[ж]*а́*. Убеждаемся, что [ш] представляет фонему ⟨ж⟩ и пишем букву *Ж*: *сторож*.

Упражнение. Используйте эту проверку и напишите правильно (вместе с проверочными) слова: по́гре[п], ло[п], пото́[п], востор[к], восто[к], нра[ф], гра[ф], кро[ф'], но[ш], ко́ло[с], наро́[т], мармела[т], сала[т], гру[с].

Упражнение. А теперь, используя проверку: много яго[т] — одна яго[д]а, правильно напишите: много соро́[к], много доро́[к], лу[ш], кры[ш], щё[к], но[к], стро[ф], кана[ф], слё[с], колё[с].

Упражнение. Вот еще одна легкая проверка:

он глу[п] — она глу[п]*а́*, пишем *глуп*;

он гру[п] — она гру[б]*а́*, пишем *груб*.

Используйте эту проверку для правильного написания слов све[ш], краси[ф], хоро[ш], сы[т], ра[т], стро[к], ску[п], сла[п].

Упражнение. Используя проверку: про[п]ка — про[б]ок; вере[ф]ка — вере[в]ок, определите для каждого слова нужную фонему и напишите правильную букву:

но[ш]ки, доро[ш]ка, опу[ш]ка, бере[с]ка, боро[т]ка, кали[т]ка, подска[с]ка, пило[т]ка.

Упражнение. Слово [лук] с гордостью говорит:

– Я для проверки очень трудное слово. Никто не знает, как меня писать, с буквой *К* или с буквой *Г*. Все только руками разводят... Не могут решить.

Жучок-Колпачок сказал:

— Это верно. Я с тобой согласен...

Продолжите реплику Жучка-Колпачка.

Упражнение. Подумайте, где можно сделать ошибку и вместо звонкого согласного обозначить буквой глухой:

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Поднатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Это — отрывок... из какой сказки? Кто ее написал?

Упражнение. Полупшённый возмущается:

— Ох, уж эти ученые люди! Ватрушку пишут через *Ш*, копчушку тоже через *ш*, и это, по-моему, правильно! Там звук как раз и есть *Ш*. Я же слышу! И деревяшку писать с *Ш* — тоже хорошо. Это я приветствую. Много деревяшек — слышите? А в словах *ва-*

режка, сыроежка, лодыжка, кочерыжка — букву *Ж* изволь им писать! Где, я вас спрашиваю, последовательность? Где внимание к детям и снисхождение к ним? Ведь им все это надо учить!

Есть ли общее основание для всех этих написаний — в одних словах с буквами *-ШК-*, в других с буквами — *ЖК-*? Можно ли найти проверку для каждого из этих слов?

§ 56. Непроверяемые согласные

В некоторых словах согласные фонемы по глухости — звонкости установить нельзя. Например: слово *второй*.

Упражнение. Транскрибируйте первые два звука в этом слове.

Какая фонема — ⟨в⟩ или ⟨ф⟩ — в начале слова? Надо бы найти тот же корень (*втор-*) в другом слове — так, чтобы первый согласный был в сильной позиции. Перед гласным или сонорным. Но найти не удается: всегда корень [ф] [т] [о] [р] встречается только в этом виде, всегда первый согласный в слабой позиции. Здесь, перед глухим, не различаются ⟨в⟩ и ⟨ф⟩. Проверка невозможна. Что же писать? Общее правило велит: пиши букву фонемы. Но здесь фонему не определить! Может быть, она ⟨в⟩, может быть, ⟨ф⟩. Они совпали. Сильной позиции для них (в этом корне) нет. Состав фонем в этом слове можно изобразить так: $\langle\frac{\text{в}}{\text{ф}}\text{торой}\rangle$.

Из двух возможностей — писать *В* или писать *Ф* — в этом слове пишем *В*; выбор сделали по традиции, то есть по давно установленному условному правилу.

§ 81. Письмо и произношение

Письмо наше не передает звуки. В большинстве случаев оно передает фонемы; кроме того, есть некоторое количество условных написаний. Поэтому русское письмо не указывает непосредственно, как надо произносить слова и их формы.

Упражнение. Стоило Полупшённому всем объявить, что у него день рождения, как родственники начали его поздравлять. Один, долговязый, даже прочел стихи, в рифму:

Ума и навыков не лиш[э]нный,
В делопроизводстве совершенный,
Да здравствует Иван Семенович Полупше́нный!

Иван Семенович вскипел:

— Не искажай фамилию! Зачем не ту букву произносишь? Разве в моей фамилии «э оборотное»? Фамилии моей не знаешь, а в гости идешь!

В чем ошибочность поведения Полупшённого?

Произнесенное и написанное — не одно и то же, читать по буквам нельзя.

Культурный человек должен правильно писать и правильно произносить.

Образец правильного произношения — театральная речь. Надо чаще слушать по радио спектакли, учиться у артистов безупречному произношению.

§ 82. Законы языка

В конце слова *гриб* вы произносите [п].

Вы проверяете и убеждаетесь, что именно так вы и произносите.

В слове *книжка* вы произносите [ш], а не [ж].

Вы проверяете и, если у вас есть хоть капля наблюдательности, убеждаетесь, что это так.

Но ведь те, кто пишет учебник, не слышали вас! Откуда же они знают, как вы произносите?

Они это знают потому, что есть строгие законы произношения, обязательные для тех, кто говорит русским литературным языком. Каждый, умеющий говорить по-русски, меняет [б] на [п] в конце слова, [ж] на [ш] перед глухим. Поэтому, даже не слыша вас, можно уверенно сказать, как вы произносите слова *гриб, книжка* и всякие другие.

Фонема — выразитель этих законов. Она — ряд чередующихся звуков; она показывает, что с чем закономерно (без исключений, позиционно) чередуется.

§ 95. Изменения в произношении

В конце XIX века изобрели фонограф — такой прибор, который мог записывать и воспроизводить голос, звуки речи.

Уговорили записаться на фонограф Л. Н. Толстого. И сейчас мы можем услышать, как говорил Толстой. Слушаем. Да он говорит совершенно так же, как мы сейчас! Отличия в произношении есть, но они заметны только специалисту по русскому языку.

Произношение у ребенка складывается к десяти годам и в дальнейшем меняется мало. Значит, запись речи Толстого доносит до нас звучание русской речи середины прошлого века!

Оказывается, фонетические изменения в языке происходят очень медленно. Сравните-ка с лексикой, которая бурно пополняется, меняется!

Однако и в фонетике изменения идут медленно, но постоянно. И на протяжении столетий они могут быть значительными.

Ледник, эта с виду застывшая ледяная река, медленно, незаметно, но продвигается; в сто миллионов раз медленнее, чем вода, но

«течет». Так и в русском языке. За много столетий было много изменений.

Звуки появляются. В древнерусском языке не было звука [ф]. Когда вместе с христианством в русский язык пришло имя *Иосиф*, то оно изменилось в *Осип*. Книжники, наверно, говорили *Иосиф*, но простые люди — *Осип*. Они не умели произносить в начале слова сочетание *ио*, не знали звука [ф]. Лишь значительно позднее, в XII—XIII веках, появился и в русском языке звук [ф].

Звуки исчезают. Например, были очень краткие гласные звуки, которые обозначались буквами Ъ и Ь. Вы скажете: это твердый и мягкий знак. Нет. Это сейчас твердый и мягкий знак. А в древнерусском языке это были гласные звуки. Они существовали много веков, и, вероятно, их произношение постепенно менялось. Точно сказать, как они произносились, мы не можем. [ъ] был похож на краткий звук [о]; [ь] — на [э], тоже краткий. В XII—XIII веках эти звуки исчезли.

Но самые важные и интересные изменения — это позиционные изменения звуков. Еще в самом начале XX века говорили:

ла[п']ки
на ла[ф']ке
кре[п']кий
не[м']ки
рю[м']ки

Сейчас это произношение исчезло. Нам трудно представить, что совсем недавно оно было господствующим: перед всяким мягким заднеязычным губной был мягким.

Упражнение. В XIX веке говорили: ка[р']тина, четве[р']ть, вече[р']ний, вто[р']ник, го[р']диться. Подумайте, в какой позиции звук [р] непременно смягчался?

§ 96. Немного об истории русского письма

Говорят: наше письмо — платье с чужого плеча. Так ли это? Когда в X веке Киевский князь Владимир принял христианство и крестил Русь, появилась необходимость в переводе с греческого языка священных книг. Эти книги привезли из Болгарии. Они были написаны на старославянском языке, который, хотя и отличался от древнерусского, но был вполне понятен нашим предкам; ведь это были языки-родственники: они произошли от одного, общеславянского языка.

Алфавит для старославянского письма был составлен еще в IX веке греческим философом и первым славянским просветителем Кириллом. Он вместе со своим братом Мефодием перевел много книг на старославянский язык. В честь Кирилла нашу азбуку и

называют к и р и л л и ц е й в отличие от латиницы, которой пользуются западноевропейские языки.

Значит, и вправду русское письмо — платье с чужого плеча, но с плеча близкого родственника. Используя старославянскую письменность, наши предки постепенно приспосабливали ее к своему языку.

Так, в старославянском языке были носовые гласные звуки, которые передавались особыми буквами ѧ, ѩ, ѫ, ѭ; в древнерусском же языке носовых уже не было, поэтому эти буквы постепенно перестали употребляться.

За свою тысячелетнюю историю наше письмо претерпело две большие реформы. Первая была проведена Петром I; он специальным указом отменил некоторые лишние для русского языка буквы: ѡ (омега), ѱ (пси), ѯ (кси), ѕ (зело). Кроме того, было изменено начертание самих букв — они были приближены по своему виду к латинским. Так появилось две азбуки: новая азбука, которую назвали гражданицей, поскольку она предназначалась для светских, не церковных текстов, и прежняя, которая обслуживала теперь лишь церковнославянские тексты.

Вторая значительная реформа письма была осуществлена в 1917—1918 годах. Назревала она долго. Еще в XVIII веке ученые, в том числе В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, отмечали недостатки русской орфографии, и прежде всего то, что в ней все еще оставались лишние буквы: ѣ (ять), *і*, ѳ (фита), ѵ (ижица).

Буква ѣ передавала ту же фонему, что и буква Е — ⟨э⟩. Школьникам приходилось запоминать, зазубривать, где писать ѣ, а где Е: *деньги*, но *дѣти*, *весело*, но *вѣсть*, *ребро*, но *рѣпа*, *сельский*, но *сѣвер*, *темя*, но *тѣмь* и т. д. Слово *есть* в смысле «принимать пищу» писалось с ѣ, а *есть* в смысле «быть» — с Е (например, в пословице: «Нашъ Абросимъ ѣсть не проситъ, а есть, не броситъ», или «Ужъ солнышко на ели, а мы еще не ѣли»).

В древнерусском языке буква ѣ передавала особый звук, но уже давно этот звук совпал с [э], и написание ѣ стало условным, традиционным.

Для передачи ⟨и⟩ после мягких согласных употреблялось три буквы: *и*, *і*, ѵ (ижица). Буква *і* писалась только перед буквами гласных и *й*: *іюль, библіотека, вліяние, ближній*; ижица — ѵ писалась только в словах греческого происхождения, то есть ее написание также определялось традиционным правилом.

То же можно сказать об употреблении фиты — ѳ: она писалась лишь в некоторых словах для передачи ⟨ф⟩: *аріѳметика*, *Ѳедоръ*, *риѳма*.

Письмо, в котором много условных правил, трудно усваивать.

О тяготах обучения грамоте говорят такие старые пословицы: «Фита да ижица — к ленивому плеть ближится», «От фиты подвело животы».

Учителя еще в XIX веке настаивали на том, что русскую орфографию надо упростить.

И вот в 1904 году при Императорской Академии наук была создана Орфографическая комиссия. В нее вошли крупнейшие ученые, среди которых были А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Д. Н. Ушаков, а возглавлял комиссию замечательный языковед Ф. Ф. Фортунатов. Комиссия подготовила проект упрощения русского письма. В нем предлагалось отменить буквы ѣ, ѳ, ѵ, *і*, а также твердый знак в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный (писали *столъ, ученикъ* — это было еще одно условное, традиционное правило).

Этот проект горячо поддержали учителя. Однако общество в целом встретило известия о реформе орфографии очень враждебно. Поэтому принятие предложений Орфографической комиссии все откладывалось и откладывалось. Проект пересматривался, урезался. После февральской революции, в мае 1917 года, Министерство народного просвещения Временного правительства издает приказ о введении нового правописания, но общество не подчинилось этому постановлению: книги и газеты продолжали печататься по прежней орфографии. И только после Октябрьской революции, после двух декретов 1917 и 1918 годов стала утверждаться новая орфография — та, которой мы пользуемся сейчас.

Продолжение следует

БИЗНЕСМЕН ИЛИ ДЕЛОВОЙ?

В. А. КОРШУНКОВ,
кандидат исторических наук

В прежние времена была у интеллигенции одна нехитрая забава, этакое зубоскальство с фигой в кармане — подбор пар синонимов из расхожих газетно-пропагандистских штампов. Когда в советских газетах трубили о лагере мира и социализма, то и лексика была уважительно-серьезная, когда же живописали ужасы загнивающего Запада, то, сами помните, в выражениях не стеснялись. Вот и получалось, что речь-то, по сути, об одних и тех же вещах, только у нас — «съезд», у них — «сборище». У нас — «интернациональный долг», у них — «подлая агрессия». Про своих — «мужественная борьба за освобождение», а про них — «наглые вылазки». Одни — «патриоты» и «верные сыновья ангольского народа», другие — «марионетки» и «ставленники американской военщины».

Теперь подобных черно-белых идеологических штампов поубавилось. И съезды наши все чаще и впрямь напоминают сборища... Но если серьезно, то теперь, когда уже почти вовсе повыветрилась былая официозно-пропагандистская риторика, так часто дает себя знать несоответствие между отечественными и общемировыми реалиями, понятиями, терминами. Это особенно заметно в общественно-политической лексике: хотя понятия «демократы», «патриоты», «националисты», «правые», «левые» являются международными и общепринятыми, но, как известно, у нас они значат не то, что на Западе.

Однако политика — лишь поверхностная рябь «реки времен». Проживем десяток лет без революций и путчей — и постепенно наша система политических обозначений придет в соответствие с общепринятой. С терминами «правые» и «левые» это происходит уже сейчас. Более существенны иные, не относящиеся к общественно-политической терминологии случаи. На один такой случай обратила внимание Л. А. Морозова в заметке «Деловой человек» в 5-м номере «Русской речи» за 1992 год: «„Ишь ты, деловой какой!“ — ругает уставшая от бесконечных дефицитов очередь тех, кто пытается протиснуться к прилавку быстрее положенного».

А вот словарями прилагательное *деловой* определяется как „знающий, толковый, дельный“ (Ожегов). И далее Морозова указывает, что русское существительное *дело* соответствует английскому *бизнес*,

а, значит, уважительное западное слово *бизнесмен* в буквальном переводе на наш язык прозвучит несколько двусмысленно — *деловой*.

Почему же респектабельному англосаксонскому *бизнесмену* на отечественной почве соответствует *деловой, делец, деляга* — чувствуете осуждающие и пренебрежительные смысловые нотки? Может быть так в языке отражается несходство западного и российского отношения к предпринимательству и коммерции? И более того — различие национальных характеров, образа жизни и образа мыслей? Нашенский «бизнес» спокон веку — делячество да проделки, торгаш — он на руку нечист: *не обманешь — не продашь; кто чем торгует, тот тем и ворует; один прикащик — один вор, два прикащика — два вора.* И такое отношение к коммерции и предпринимательству только укреплялось за десятилетия коммунистической власти. Не так ли? Но есть ведь и противоположные по смыслу пословицы: *торгуй правдою, больше барыша будет; хоть нет барыша, да слава хороша; обманом барыша не наторгуешь; хоть не корыстно, да не обидно.* Да и наряду с пренебрежительно-осуждающими словами, производными от существительного *дело*, в нашем языке есть и одобрительное *дельный*. Иначе говоря, в разнице оттенков слов *дело* и *бизнес* (а также производных от них слов), возможно, и скрыто некоторое отличие национальных характеров и мировосприятий, но оно все же не настолько очевидно, чтобы выявить его одним лишь сопоставлением слов и пословиц. Тут требуется серьезное и обстоятельное исследование.

Не берусь говорить обо всех производных от существительного *дело* словах, но почему одно из них — то самое слово *деловой*, на которое обратила внимание Л. А. Морозова,— получило в русском просторечии явственный неприязненно-негативный оттенок, попробую пояснить. Словарь Ожегова, который она цитирует, не отмечает этот смысловой оттенок, поскольку в словаре не принимается в расчет значение, полученное словами *дело* и *деловой* в жаргоне профессиональных преступников — *воров*.

Дело — это старинный жаргонный эвфемизм, которым воры обозначали «всякое преступление, крупную кражу» (Словарь жаргона преступников (*блатная музыка*). Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927. С. 42). Слово это отмечено и в блатном жаргоне недавнего прошлого, например, в изданном в 1964 году Отделом уголовного розыска управления милиции Киева «Словаре воровского жаргона» (См.: Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 352: «Дело — преступление, кража»). А по неподражаемому толкованию милицейского офицера М. Г. Никонорова, «дело — воровская операция по добыче материальных ценностей» (Никоноров М. Г. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом. М., 1978. С. 21). Такие значения, как «преступление», «кража», «карточная игра шулеров»,

приводятся и в недавно изданных словарях воровского жаргона (Толковый словарь уголовных жаргонов. Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М., 1991. С. 47; Словарь воровского языка. Слова. Выражения. Жесты. Татуировки. [Тюмень], 1991. С. 26).

Распространенность этого слова в воровском жаргоне подтверждается и большим количеством устойчивых словосочетаний: *мокрое дело* — убийство, кровопролитие; *сухое дело* — преступление, не связанное с физическим насилием; *верное дело* — хорошо подготовленное преступление, а также шулерская игра, в которой используются меченые карты; *пришитое* (или *пришлое*) *дело* — преступление, вмененное в вину человеку, который его не совершал; *зарученное дело* — преступление, в котором все заранее согласовано; *дело в розницу* — когда все добытое отдается тому члену банды, кто особенно нуждается в деньгах; *дело на веки* — хорошо обдуманное, образцовое преступление. Отмечено также выражение *делать дело* (или просто *делать*) — воровать (Толковый словарь уголовных жаргонов. С. 46). Ср.: «Делать — резать человека. Заделали — зарезали» (Снегов С. А. Язык, который ненавидит. М., 1991. С. 219).

При таком значении слова *дело* в воровском жаргоне не удивительно, что и производное от него *деловой* стало обозначать вора-профессионала, авторитетного и умелого преступника: «Деловой — общее название вора» (Словарь жаргона преступников. С. 42); «деловой, деляга — общее название воров» (Чалидзе В. Указ. соч. С. 352); «деловой — энергичный, опытный преступник» (Словарь воровского языка. С. 26); «деловой — вор, которому можно доверять» (Толковый словарь уголовных жаргонов. С. 47).

В каком контексте употребляется слово *деловой* в современном русском просторечии? «Ишь ты, деловой какой»! — это пример, приведенный Л. А. Морозовой. И сразу же припоминаются сходные реплики: «Ты что, деловой, что ли?!», «Ну, ты делово-ой!», «Глядите, какой деловой выискался!» Смысл подобных фразочек становится понятным, если учесть блатную и полууголовную псевдоромантику шпаны из подворотен. Кстати, хорошо известно, что мелкая шпана и хулиганье гораздо чаще и охотнее употребляют тюремно-лагерный жаргон, чем настоящие преступники-профессионалы. Для дворовых приблатненных пацанов причастность к воровским обычаям — это лучший способ самоутвердиться в глазах своей компании. Известно также, что эта приблатненная среда очень возбудима, неуживчива и конфликтна в отличие от крупных преступников с их устоявшейся и строгой иерархией. Шпане постоянно приходится выяснять, кто из них претендует на лидерство, на то, чтобы быть значительной фигурой — *деловым*: «Ты тут, что ли, деловой?!» Очевидно, такой контекст выяснения отношений (*разборок*) и повлиял на негатив-

но-недружелюбную эмоциональную окраску вошедшего в русское просторечие жаргонного словечка *деловой*.

Наша трагическая история способствовала тому, что уголовные порядки проникли в нашу повседневную жизнь, а светлый язык Пушкина оказался насквозь пропитан словами и выражениями из жаргона преступников. Все эти *блат, стукач, халтура* в прошлом веке имели хождение среди ничтожно малой прослойки воров-профессионалов и не могли быть знакомы приличному человеку. Теперь же и эти старые жаргонные словечки, и неологизмы вроде выразительного *беспредел* понятны всем — от школьника до академика. На воровской лексике замешан и современный молодежный жаргон (причудливо сочетающий ее с англоязычными заимствованиями); *ксива, мент, мочить, хавать*; угрюмый татуированный *пахан* и тинэйджер-хиппи друг друга поймут. Можно возмущаться этим, можно (и, наверное, нужно) призывать к очищению русского языка, но следует помнить, что язык лишь отражает нашу жизнь. И покуда замордованная такой жизнью тетка из очереди ругается теми же словами, что и приблатненный пацан из дворовой компании, а сам этот пацан старательно перенимает жаргон и нравы уголовников, до тех пор в нашу повседневную речь не перестанут просачиваться блатные словечки.

Вятка

КЕМЕРОВО

История названия

27 марта 1932 года постановлением Президиума ВЦИК город Щегловск был переименован в город Кемерово. Старое и новое названия города произошли от топонимов *Щеглово* и *Кемерово*, названий расположенных по соседству деревень.

Обе деревни известны с XVIII века. Первая была обозначена в 1701 году в сибирском атласе, составленном С. У. Ремезовым, и своим названием обязана ее основателю — крестьянину Щеглову. Деревня Кемерова (старая форма названия) упоминалась в 1732 году в дорожном журнале участника 2-й камчатской экспедиции С. П. Крашенинникова. Единого мнения о происхождении ее наименования не было.

Филологи выводили его от древнеиндийского *Кем* «вода» или тюркского *Кемер (Кемир)* «берег, утес, обрыв». Исследование в архиве древних актов в Москве показало, что деревня Кемерова названа по фамилии ее основателя — Афанасия Степановича Кемерова. Его отец — крестьянин Степан Кемеров в конце XVII — начале XVIII веков жил в Верхотомском остроге, в ведомстве которого была основана эта деревня.

В XVIII веке деревня Кемерова росла медленно. Дети Афанасия Степановича покинули ее. Во время 3-й ревизской переписи 1762 года в деревне жили только две семьи — Голуновы и Щербаковы.

В настоящее время на месте Верхотомского острога расположен поселок с тем же названием. Со временем острог утратил свои административные и защитные функции, а экономическое развитие округи способствовало росту других населенных пунктов, в том числе и деревни Кемеровой, давшей название современному областному центру — городу *Кемерово*.

В. А. Могильников